

№10

МОЛОДАЯ

ГВАРДИЯ

ЦКРКП
ЦКРЛКСМ
МОСКВА

РДАЧЕНКО

Год издания 3-й

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Орган ЦК РКП и ЦК РЛКСМ

Под редакцией: Л. Б. Каменева, Белл-Куна, Ф. Ф. Раскольников, О. С. Тарханова и А. Б. Мандельштама-Одиссея

№ 10

МОСКВА — 1924

Doc B10.1121

Doc. P1014(2)

1935

Статья

м-45

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Литературно-художественный отдел.	
Н. Шильдкрет — Рожденный бурей (повесть).....	5
Номаров — Из нефти (стихи).....	34
В. К — в — Шабаш (стихи).....	35
А. Манаров — Карьера товарища Османа.....	36
П. Чихачев — Из цикла „Земля“ (стихи).....	46
Г. Нинифоров — Великая победа (рассказ).....	47
Н. Науричев — (Стихи).....	53
Б. Ковынев — (Стихи).....	54
В. Владимирский — Перед ноябрем (стихи).....	55
Общественно-публицистический отдел.	
Мандельштам-Одиссей — Поднятие производительности труда.....	56
А. Евсигнеев — В красном парламенте.....	62
А. Мильчанов — Уроки отой комсомольской дискуссии.....	83
С. Филинский — Макс Гельц.....	87
А. Амброза — Эстония сегодня (очерк).....	90
О т д е л б ы т а.	
Фурманов — По Семиреченскому тракту.....	98
Адуев и Арго — Агит-Скют.....	119
Научно-технический отдел	
Н. К. Взрацагин — Человек как машина.....	123
Инж. С. Кунель — Электрификация в СССР.....	134
П. Н. Беликов — Как радиотелефон пер дает разговор и музыку.....	146

Проф. Б. П. Вейнберг — Об искусственном осаждении облаков и туманов.	154
Инж. П. Скородумов — Боевые газы в борьбе с вредителями.	157
А. Д. — Нахождение залежей при помощи радио-волн.	161

Критика и библиография.

Л. С. Гинзбург — Пушкин и В. Я. Брюсов.	162
П. С. Коган — Анатолий Франс.	167

Рецензии	173
----------	-----

К. ШИЛЬДКРЕТ.

Рожденные Бурей.

Повесть.

ГЛАВА I.

Колеблющийся полумрак затушевал их в темные, странно похожие друг на друга, силуэты.

Владимиру Тимофеевичу не хотелось говорить: тепло, мягко стелющаяся тишина разморила, разлила по всему телу дремотную, баюкающую лень.

Софья Андреевна нервно перебирала пальцами бахрому накинутой на плечи вязаной пуховой косынки.

— Вы слушаете меня?

— Да-да, говорите.

— Так, по-вашему, любовь это что-то второстепенное, не существенное?

— Разве я так сказал?

— Почти так.

— Может быть... может быть...

— Я зажгу свет. В полутьме вы совсем не умеете разговаривать... с дамами.

Резким движением задернула у окна штору, повернула выключатель, возбужденно зашагала по комнате. Владимир Тимофеевич зажмурился, закрыл руками лицо, молчал.

Она подошла вплотную, положила на узкое приподнятое плечо свою руку.

— Смотрите мне прямо в глаза.

— Сделайте одолжение.

Трахнул головой, отставил ногу, откашлялся; надтреснутым, дребезжащим тенором мелко и часто отбарабанил:

Чудные очи, очи, как море,

Цвета лазури небес голубых...

— Перестаньте кривляться. К вам не идет.

Сверкнули бисерно зубы, стиснулась, выдалась капризно вперед рубиновая нить тонких губ, ярко прыгал румянец на правой щеке; на левой — тень ложилась матово-бледная, мертвая. Сжала судорожно кулаки, напрягала все мускулы, боролась, сдерживалась, не хотела выдать волнения.

— Владимир Тимофеевич! — обронила, как будто чуть слышно, а вырвалось оглушительно громко.

Поднес ее руку к губам, укоризненно посмотрел.
— Не надо. Ведь сами же выдумали трагедию. Сядьте и потолкуем спокойно. Ну, подумайте, чего вы, собственно, так горячитесь.
— Но я же никогда не вижу его! Он весь, с головою, ушел в эту свою подлую партийную жизнь и даже не понимает, как я невыносимо мучаюсь здесь.

— Мучаетесь потому, что все преувеличиваете и из всего делаете трагедию. Я больше знаю. Поверьте. Денис Изотович любит вас.

Владимир Тимофеевич встал, прошелся по комнате.

— Но, поймите же, Софья Андреевна, что у него огромнейшая работа.

— Какое мне дело!

— Вот вы всегда так. Знать ничего не хотите. Из семейной жизни какой-то монастырек сделать хотите.

Порывисто рассмеялась, но сейчас же стиснула зубы, подбородок раздвоенный сжала в кулаке крепко, до боли, пытливо заглянула в глаза, нерешительно процедила:

— Вот что, Владимир Тимофеевич...

— Я слушаю. Что же вы вдруг замолчали?

— Вот что... ваши философские рассуждения ничего хорошего не дадут. Я решила испробовать другое, более верное средство.

— А именно?

— Я давно хотела пресечь вас...

Софья Андреевна остановилась; подбородок подпрыгивал судорожно, сухо блестя глаза, воздух ловила жадно, порывисто, раздувавшими ноздрями, на ткани вуалевой кофточки груди резко чертили упруго колышущиеся овалы.

— Дайте слово, что вы поможете мне. Вы... не смеетесь... поймите.

— Если в моих возможностях, я с наслаждением.

— Так вот. Я... то-есть... ну, как вам сказать?... Мы с этого дня... любим друг друга! Вы мой единственный друг, и кто же сумеет помочь мне, как не вы?

Владимир Тимофеевич даже присел.

— То-есть—позвольте?

— Какой вы, однако, несообразительный! Я ведь только что говорила вам о...

— Ах, да, я позабыл... разыграть водевильчик? Но, честное слово, у меня ровно ничего не получится.

— Бойтесь?

— За вас, Софья Андреевна. Как бы хуже вам от этого не было.

— О последствиях я сама буду думать. Итак, вы согласны?

— Что уж с вами поделаешь!

Вздернул волосы, взял со столика зеркальце.
— Ну, какой из меня любовник, скажите пожалуйста? Нос жилистый, красный, в угрях весь; правую часть лица, как-будто, оттянули вверх нарочно, усы в рот лезут, чорт бы их драг, на самом виске родимое пятно в полтора пятака. Честное слово. Хорош гусь, самому тошно смотреть. На улице, среди обыкновенных людей, жердь-жердью, глазом ведь не охватишь: голубей впору пугать.

Вывала у него из рук зеркальце.

— Соберайтесь!

— Куда?

— В театр. А оттуда, чтобы закрепить наш союз,—в кабаре

ГЛАВА II.

У Дениса Изотова свой ключ от двери. Поздно. Чуть слышно прошел в коридор, долго стаскивал с себя сапоги; на носках, чтобы не разбудить никого, пробрался к себе.

Квартирка маленькая, каждая комнатка—клеточка. В одной—кабинет, гостиная и столовая, в другой—спальня, общая с Софьей Андреевной, в третьей—Владимир Тимофеевич живет, поэт, по ордеру когда-то вселился; через коридор кухонька крохотная, брезентовым полом на две части разбитая; за брезентом, в меньшей половине, кровать деревянная, одеялом, из лоскутов пестрых сточенным, устланная; лавка, шкафчик посудный; на стене—Совнарком, отдельно—Ильич глаз прищурил лукаво; пониже—голову вверх запрокинул, застыл каменно улан с Георгием на груди.

Денис Изотович подошел к двери спальни, прислушался.—Спит видно,—шепнул про себя; лениво шагнул к письменному столу, долго перебирал бумаги в портфеле, отмечал что-то в блок-ноте карандашом, доклад в сторону отложил, трудно было после бесконечного дня сосредоточиться; мысли длились тягуче, паутинно-запутанно. С морозу разморил, тянуло ко сну. Откинулся на спинку стула, заложил руки за голову, лицо длинное, строгое, энергичное, стыло дремотно, глаза—стальные буравчики—ищущие, впивающиеся, упрямо буравящие каждую порожинку жизни до самой сути ее, притупились, погасли, в сон тыкались.

Кто-то чуть коснулся плеча. Вздрыгнул, приподнял голову, увидел—улыбнулся широко, нутряной сердечной улыбкой.

— Не спите?

— Слышала, как вы в коридоре с сапогами возились... ну, и самовар, значит, вздуть пожелала.

— Стоит ли?—сconfуженно взглянул на девушку.—Каждую ночь я вас беспокою.

— И нисколько. Самой что-то не спится.

— Вы, Даша, сюда, ко мне приходите... —Покосился на дверь. Только бы, вот, Софью Андреевну не разбудить.

— Да нету их дома. С вечера в город ушедши с Владимиром Тимофеевичем.

Щеку, еще багрянеющую от недавнего сна, ткнула в широкую ладонь, волосы—льняную растрепавшуюся кудель—встряхнула коротким броском, шелково откинулась к поясу коса, медвяно пропахнувшая нетронутой молодостью девичьей, здоровьем.

— Будто в театры собирались, а чтоб сказать—ничего не сказали... Так вам сюда самовар?

Около года Даша горничной служит у Софьи Андреевны, а Денис Изотович не может смириться, прямо, как привык сызмальства, взглянуть в глаза девушке. В первые дни протестовал, спорил,—но жена на своем настояла, его же словами отделалась:—Друг друга стеснять, приказывать по-своему жить, да ведь ты же сам говорил, что такая жизнь хуже каторги.—Махнул рукой, только с тех пор еще более чужим почувствовал себя в своем доме, стыд впитал в сердце едким, сосущим пятном.—Рабыню завел у себя, скоро и до преферанса дойду!

— А то, может, в кухню? В груди теплым комочком признательность шевельнулась:—нарочно к себе зовет, чтобы чувствовал себя лучше, проще.

Вдохнул тяжело. — Если бы та, со всеми своими Прево, могла быть такой деликатной и чуткой, как эта крестьянская непосредственность!

— Что-ж, Даша, против кухоньки не возражаю. Идемте.

— Гость у меня, брат из деревни приехал, Тишей звать.

— Давно?

— Надесь. На камференцию. Делегатом, будто, от комсомолу. Пожалуйте, Денис Изотович, проходите, — пригласила, и сама, чуть переваливаясь, пошла первая.

В кухне, на коленях, босиком, в нижней холщевой, с желтыми клеточками, рубахе, возился у самовара юноша.

— Аль погас?

Гость поднял круглое лицо, мельком взглянул на Дениса Изото-вича.

— Угля малость подбросил, шурую.

Даша зазвенела посудой.

— Ладно надумали, что сюда-то пришли. А то вас, товарищ хозяин, и не поймашь. И домой-то к рассвету приходите.

— Это вам Даша наябедничала на меня?

— Сам знаю. Я в селе вот живу, а избу свою только и вижу во сне, ну, а нешто сравнить нас с Москвою? Ишь, заходил, чисто машина! — бросился юноша к самовару. — Давай, сестра, чайник, заваривать буду... А вы, пиджак — прочь, потому — чай пить с полотенцами будем, в рубахе упретесь.

Даша улыбнулась смущенно.

— Ты, видно, и родился-то с шуткой. Балагур он у нас. Все со словечками. Самовар тащи-ка лучше на стол.

Чай на блюдечко разливали, густо отхлебывали.

— Вы с лепешками, товарищ Изотыч. Собственные, наши, кре-стьянские.

— Надолго в Москву?

— Как придется. Только после конференции тут же...

ГЛАВА III.

Прошло два. Сидели втроем на деревянной кровати, мужчины по бокам, Даша — посредине. Свет погасили, в темноте было проще, сердечней, уютней. Разговаривали вполголоса, каждый о своем, каждый по-своему, а мысль одна, общая, родная, от одного к другому заплета-лась шелковыми узорами.

— Вы бы к нам, товарищ Изотыч, в деревню. Мало в нашей глуши настоящих работников, всяк норовит центра держаться.

— Уеду. Непременно уеду.

Тиша — вполголоса:

— Главное, Ильичево слово не проморгать, чтоб, значит, деревня и фабрика навек, нерушимо, по-братски.

— Никхли, тесней друг к другу прижались, долго молча сидели.

— Должно быть, наши пришли, — шепнул Денис Изотович и то-ропливо, на ходу, одевая пиджак, ушел к себе.

Долго в коридоре возились, полным голосом Владимир Тимофе-евич говорил. Смеялась визгливо, бранилась: — Медведь! С ногами

ботики оторвали! Куда же вы? Спать? Подождите, еще чаю напьемся. Ну, нечего, нечего, — к нам! Слышите? Я так хочу!

Пошатываясь, вошла в комнату.

— Не спишь?

Чуть-чуть повернул голову.

— Как видишь.

Шумно подвинула к себе стул.

— А вы, Владимир Тимофеевич, пока что, прикажите горничной самовар поставить.

— С наслаждением, Сонич... — смущенно откашлялся в кулак, поправился: — Софья Андреевна.

Встретился глазами с Денисом Изотовичем, собрал в таинствен-ную гримасу лицо, оттянул двумя пальцами воротник, постоял, что-то обдумывая, потом заложил вдруг за спину руку, усиленно подавал Софье Андреевне пальцами какие-то знаки так, чтобы их мог увидеть и ее муж, порывисто повернулся, заморгал часто, прищелкнул языком, выскочил.

— Идиот, — чуть не крикнула ему вдогонку.

— Ах, вот что! — небрежно улыбнулся Денис Изотович про себя.

— Что за усмешки?

— Это он так всегда влюбленных болванов изображает?

— Не вздумал ли ты ревновать?

— Нисколько... А он парень хороший.

Рванулась неожиданно, сухо блеснули зрачки, прыгающими, ча-стыми багровыми точками забегал румянец на правой щеке, близко придвинулась, слова бросала дробно, трескуче, несвязно, тонкими длинными пальцами вцепилась в рукав.

— Ну, перестань, Соня... будет. Мне спать пора.

— Нет! Кончить! Сейчас! Раз навсегда!

ладимир Тимофеевич с песенкой легкомысленной вбежал, на пороге остановился пугливо, помялся, бочком, на носках, отступил в коридор и заперся у себя в комнате.

— Кончить! Сейчас! Выбирай! Или я, или твои прокламации!

Резким движением схватила бумаги со стола, швырнула их под ноги мужу.

— Выбирай! Вы-би-рай!

Отчаянным стоном последний слог вырвался, уже не кричала, больно грудь сжала рукой, лицо посиневшее вытянула, не хватало дыхания; остановиться, сдержаться уже не могла. Ныла хрипло, при-душенно, пока не хлынули слезы.

Тиша с Дашей шептался, кулак сжимал крепко:

— Думал, в сам-деле, с коммунистом свела меня, а на поверку — тряпка выходит, рыхлятина, а не коммунист.

— Ты не знаешь Дениса Изотовича. Он особенный человек.

— Вижу, как не особенный! С барынькой сладить не может! А еще говорит — панов бил. Где уж ему!

Он скептически махнул рукой.

— И от одной панны не отобьется!

— Тут понимать, Тишенька, надо.

— Оно и понятно. Вишь, как заливается. Сейчас и на мир спо-тыкнутся. Он, поди, теперь стоит, голову свесил да виноватится.

— Душа у него золотая.

Тиша сердито двинул плечами.

— Ну и миловался бы с золотой душой. Нет уж, если не наш, так не наш. Этих, с сахаринцем, всегда узнать можно. Все какую-то приторность имеют в себе.

— Однако, нам, сестра, на боковую пора. Скоро светать, поди, будет. У барыньки слов, что гороху в закроме. Не перетрясешь. Ну ее, пусть плачет, коли находятся такие, что слушают. А нам несподручно.

Улегся, сладко потянулся каждой косточкой.

— Не твердо ли, Тиша? Взял бы подушку мою.

Что-то ответил чуть внятно, улыбнулся. Наклонилась, матерински-мягко провела широкой ладонью по его щеке.

— Тебя будить-то когда?

Не слышал, спал уже сочно, крепким сном юности.

ГЛАВА IV.

Софья Андреевна лицом, припухшим от слез, в подушку уткнулась, тихо лежала, не шевелилась, прислушивалась к мягким шагам, ждала:—Так всегда, покружится, устанет выводить горлом один и тот же обрывок утомительного мотива, поохлит и вдруг задержится у кровати, подсядет, крадучись, проведет чуть слышно рукою по спутавшимся золотым завитушкам, сухими губами едва коснется за-тылка:—ты не спишь, Соничка?—и щекой к горячей, влажной щеке. Долго будет лежать, притихший, покорный...

Из-за ветхого, полинявшего, в черных заплатах, покрова, зябко вздрагивая, уже выставило утро седую голову, хмуро вскинуло серым прищуренным глазом, залило ночь белесою мутию, а Денис Изотович, заложив за спину руки, все шагал и шагал по бесконечному кругу, гнал упрямо наседавший рой мыслей, одну—кремневую, холодную, впивая в себя болезненно-жадно.—Не сдаться, выдержать, устоять,—долбил настойчиво и упрямо. Сердце билось неровными, токающими ударами. Шипр—сладкими струями назойливо щекотал ноздри и горло, пьяно дразнил, горячо сушил губы, какая-то непреодолимая сила толкала к ней, сиротливо притихшей, настороженной. Не сдаться, выдержать, устоять,—крепко сжав кулаки, твердил через силу, через соблазн.

В кухне Даша с самоваром возилась, скрипнула дверь в коридоре, донесся крадущийся шорох шагов.

„Утро“—подумала Софья Андреевна. Чуть приподняла голову, крадучись, взглянула сквозь локон, упавший на глаз.

Идет по кругу упрямо, остановиться боится, не хочет, глаза мглистые, буравяще вспыхивают, щупают, ищут.

Вздохнула шумно, приподнялась на локте.

— Деня...

Сел послушно, до боли пальцами сжал виски. Обвила рукой

вокруг шеи, припухшей от долгого лежания, пунцовой щекой коснулась бледной колючей щеки.—Сердишься?—и не отнимая лица, близко губами к губам.

Жгут знойные овалы упруго колышущихся грудей, и уже жадная мужская рука неудержимо сжимает доверчиво поддающийся стан.

— Сердишься?

— Не сдаться... выдержать... устоять...—далеко где-то тягуче шуршит, уползает тупеющая, побежденная мысль.

— Можно вас на минуточку?—послышалось неожиданно из-за двери, ворвалось бесцеремонно, пробудило от сна. Вспыхнули зло зрачки, чтобы не крикнуть, до крови закусил губу, не сказала, лицом перекошенным потребовала:—молчи, слышишь, молчи!

Но уже очнулся Денис Изотович, холодной волной смыло хмель, легким движением освободился из объятий, уверенно-смело направился к двери.

— Вы, Тиша?

И с вызывающей ноткой в голосе, против воли, как будто подчеркнуто:

— Спасибо, что постучались. Я сейчас выйду.

Вскочил торопливо, сорвал с гвоздика полотенце, сразу почувствовал, как поднялась во всем его существе какая-то бесшабашная, задорная удаля, хотелось крикнуть, закружиться по комнате. Вышел—долго тряс Тишину руку.

— Что с вами, товарищ Изотыч? Али именинник вы нынче?

— Больше, товарищ. Вы все наделали. В самую точку, что называется, постучались. Теперь кончено—крепко проснулся.

Из всех сил хлопнул юношу по плечу,—запрыгал на одной ноге, по-мальчишески, крикнул ухарски-весело:—Мой верх, догоняй!—и скрылся за дверью. В кухне чуть не сшиб Дашу с ног. Она отстранилась испуганно, недоуменно расставила руки.

Стал против нее, щеки надул, сердито нахмурил брови и вдруг расхохотался раскатисто, бурно, от полного сердца.

А вернулся в спальню,—улыбка стерлась с лица. Софья Андреевна вытянулась на кровати, на груди руки сложила крестом, глаза остро и зло на мужа уставились.

— Ты, Соня, чай с нами пить будешь?

— С кем это—с нами?

— С Дашей и комсомольцем Тишей, братом ее. Вчера из деревни приехал.

Ничего не ответила, отвернулась к стене.

Вышел, вздохнул глубоко, полной грудью, как будто тяжесть огромную сбросил с себя, постучался к Владимиру Тимофеевичу.

— Спите?

— Целый час уже работаю. Чаю никак не дождусь.

— Так мы сейчас всей братвой к вам. Можно?

— Валите!

ГЛАВА V.

До вечера пролежала Софья Андреевна одна, запершись в спальне. Вытянулась, руки сложила крестом на груди, не шевелилась, мысли длились придавленные, тягучие, одинокие.

Владимир Тимофеевич засел за рукопись у стола Дениса Изотовича, поэму дописывал о сцепщике и пассажире 1-го класса. Не клеилось: пассажир—весь, без остатка, как из зеркала смотрелся из рукописи, сцепщик маячил где-то темный, непонятный, чужой. Даша входила—сердилась:—Она-то вот знает все, до последней черточки, про всех этих чумазых своих!—Перечитывал внимательно, с первой главы, чмокал недовольно губами, зачеркивал, переписывал, ворчал:—Ведь писал же когда-то, восторженно любовался, как в каждой строке жизнь играет... Отчего же теперь? Отчего же?—Швырнул в сторону тетрадь, низко свесилась голова, тоска шершаво сворачивалась в груди, мысли рождала большие, тревожные, жуткие.

Софья Андреевна неожиданно вошла, неслышно подселла. Лицо осунулось, постарело, глаза темные, провалы далекие, издали откуда-то смотрятся, сквозь них, как в тумане, едва намечается жизнь.

— Сочиняете? — криво улыбулась, легким движением руки ука- зала на рукопись.

Махнул безнадежно рукой: — Сочиняю.

Вздыхнула завистливо.

— Хотя что-нибудь делать... Чем-нибудь заполнять свою жизнь. Голос прервался, лицо собралось морщинками, темные провалы подернулись матовой пленкой, хрустнула пальцами.

— А у меня ничего. Пи-че-го... Как будто вырвали душу и сердце.

На улице, со свистом и гиканьем, одетый в обледенелую мглу, вечер гнался, рвал в бурные клочья, разбрасывая по ветру последние жалкие отблески дня.

Софья Андреевна прислушивалась, спрятала руки под накинну- тую на плечи вязаную косынку, зябко съежилась.

— Как, однако, здесь холодно.

— Вы просто нездоровы немного.

Уже не помнила, о чем только что говорила, протянула впол- голоса, как будто вслух думала:

— Кто скажет, почему все люди лгут? Кому нужна эта вечная ложь?

— Каждый, раньше всего, сам себе лжет, Софья Андреевна. Так жить легче. Я, вот, поэму пишу, а в сущности, самого себя хочу про- вести. Ну, подумайте, что общего между мною и какими-то сцепщи- ками вагонов? Видел я когда-нибудь их настоящую жизнь? Был в их шкуре? А не унимаюсь ведь, нагло обманываю себя, из кожи вон лезу, чтобы хоть на миг понять их нутро, одним языком с ними пого- ворить, и в то же самое время бесповоротно знаю, что мы чужие друг другу, точно на разных планетах родились.

Сердито похлопал себя по карманам.

— Простите. Я сию минуту вернусь. Папиросы возьму.

— Вместе пойдемте. Я не хочу одна оставаться.

— Так вот, — продолжал поэт, усаживая Софью Андреевну у окна. — Думаете, большевики так себе, с улыбкою, поглядывают на нашего брата? Хитрые бестии! Знают, что будь ты трижды благо- намерен, а как был пассажиром I класса, таким и останешься.

Развел беспомощно руками.

— Ничего не поделаешь. Воспитаны так. Повздыхать еще можно о голодных и забитых, и то, когда тепло в комнате и брюхо полно. Почему, в самом деле, со стороны, не пожелать всякого бла- гополучия рабочему человеку? А войти в толщу народа, понять, жить для него, жертвовать для него, — лудки, шалишь. Для этого снова надо родиться, пройти через всю его многострадальную жизнь. Да я, например, лично, когда по правде, в редкие минуты, с собой разго- чего не понимаю, но и самого захудалого разгадать не могу..

Спрятала голову в плечи, закрыла глаза, не слушала; где-то мимо, немими звуками, не касаясь сознания, проносились слова.

— Да вы, кажется, и не слушаете меня?

— Чуть раскачивалась, притопывала ногой, молчала.

— Иной раз хочется сжечь все рукописи свои, а себя отправить куда-нибудь к чорту... в музей, честное слово. Мы вот с вами то- скуем, каждый по-своему, а причина одна: чужие мы, музейные, лиш- ние; своих растеряли, а другим не нужны. Ну и мыкаемся и скулим.

В нас одиночество, тоска о прошлом, плачет беспомощность. Денис Изотович, вот это дело другое. Ему теперь широкий простор. Знай, живи только. Не даром пятнадцать лет по разным там каторгам, ссылкам да массовкам таскался. Высколился. Ему всякий рабочий — брат. Насквозь они пропитались друг другом, зубами не оторвешь.

— Отчего так темно?

— Я зажгу свет.

— Не надо... не то...

По телу бежала зябкая дрожь, старчески тряслась голова, лицо собралось в серый комочек, чуть слышно, сквозь зубы, роняла, жало- валась в безысходной тоске:

— Как же жить? Как же жить, когда даже в семейную скорлупу нельзя скрыться душе, когда все-все разбито, растоптано, вырвано с корнем!

— Я говорил вам, что вы сами создасте трагедию.

— Что же мне делать?

— Не мешать ему и дать полный простор.

Вскочила, изо всех сил стукнула кулаком по столу.

— Никогда! Или я, или все эти хамы! Я заставлю его бросить партию! Ненавижу я их!

Выкрикивала визгливо, брызгала вокруг себя пеной, бешено раз- махивала руками, остановиться не могла, кипела в груди, во всем существе, непримиримая, жестокая злоба.

Владимир Тимофеевич отошел в угол комнаты, терпеливо слушал; Дашу заметил у двери, глазами знак подал: — не заходите; про себя с горечью думал:

— Вопи, дворянская кровь... только нам и осталось с тобой... Откритимся, а тогда и в музей..

ГЛАВА VI.

Денис Изотович открыл неслышно дверь, пропустил вперед Тишу, направился прямо в кухню.

Тиша голову просунул за брезентовый полог. — Не спишь? — Девушка поднялась торопливо, на смуглые, кремневые полукруги плеч набросила кофточку вязаную, — подарок Софьи Андреевны к Рожде- ству, — засуетилась: — Промерзли, небось? Нешто чайку подогреть?

— Не хочется, Даша. Вы, товарищ Тиша, может быть, выпьете?

— Нет, уж завтра за-одно и напьемся. Да и пил я перед вашим приходом — на конференции.

— Вы бы, Даша, легли. Нам еще с вашим братом о многом сегодня потолковать нужно.

— Да покрепче, гляди, выпись, сестра. Скоро и в путь-доро- женку пустимся.

Оба усталились недоуменно в юношу.

— Что глядите, словно диковинное сказал? Дело решенное. А там, как сама, Даша, знаешь. Только, по-моему, будет тебе в сто- лице гостить. И в деревне место найдется. Пожила в людях — и ладно. Пора в разум произвести тебя в настоящий.

Денис Изотович близко подсел к Тише. Лицо горело яркими пятнами, хотел что-то сказать, горло сдавило, стыли слова, кровь при- ливала к голове токающими, горячими струями. Вглянул на девушку, — глаза ее застыли испуганно, исчезли ямочки на щеках, по откинутому лбу чуть видная залегла волнистая паутинка. Тиша исподлобья гля-

дел, что-то прикидывал про себя, губами шевелил часто. Когда ушла Даша за полог, сочувственно процедил:

— Так-то, товарищ Изотич, останетесь вы в своем доме один-одинешенек.

— Что поделаешь! Конечно, ехать ей надо.

И, помолчав:

— Я тоже, видно, скоро отправлюсь.

— Куда?

— Сам не знаю пока. Куда-нибудь в глушь, на непочатое место. Тиша неожиданно привскочил, хлопнул гулко ладонью по табурету.

— Вы чего?

— Надумал, во-как надумал! Раз-два — и готово. Вам глушь нужна непочатая? Чтоб без отдыха, значит, без передышки? Извольте. Самую вам настоящую точку определю.

Тиша ухватился за свою мысль и не отставал.

Едем, товарищ Изотич, в наши края! А? Раз-два — и решайте. Вы фронтовик, ведь. Рубите по-военному и никаких. Вместе будем работать. Во-как заживем.

Денис Изотович, как всегда, когда волновался, заложил за спину руки и быстро завертелся по кругу.

— Так как же? — после долгого молчания спросил юноша.

— Подождите немного меня. Вы ведь еще не собираетесь спать? Я сейчас же вернусь. Мне нужно с женой поговорить.

И решительным шагом направился в спальню.

София Андреевна сидела у окна, пристально всматривалась в темноту, длинными холеными пальцами нервно перебирала бахрому косячки.

— Мне нужно с тобою переговорить.

— О чем?

Вспыхнули жутко глаза, горячим лбом ткнулась в стекло.

— Пойми же, Соня, что так продолжаться не может... Только не волнуйся, пожалуйста. Право же, мы, в конце концов, возненавидим друг друга.

— Ты уже давно это сделал.

— Зачем говорить то, чему не веришь сама? Я предупреждал, ведь, с первого дня, еще у тебя дома, у матери...

— Прибавь — у вдовы казнокрада из интендантства. Будь откровенен. Ты иначе, наверное, не называешь про себя мою мать.

— Не в этом дело теперь. Ты обещала тогда, что наша связь не помешает моей партийной работе...

— Я не могла представить себе, что какие-то... — запнулась, щелкнула пальцами, — какие-то интересы этого вашего рабочего класса для тебя превыше даже жены.

— Если бы ты могла понимать эти интересы. Если бы...

— Ты, кажется, сядишь на своего конька и собираешься агитировать? Пожалуйста, не глумись. Меня ты не съагитируешь.

— Я решил испытать последнее средство.

Холодок тягучий пробежал в груди, высушил дрогнувшие, побелевшие губы, болезненно отозвался в висках; спросила придушенно:

— Какое?

— В ближайшие дни я еду в Олонецкую губернию, в самую глухую провинцию... Не перебивай... Это бесповоротно. Дело в другом. Тебе предоставляется выбор остаться в Москве или ехать со мной.

— Почему же ты мне сказал об этом только в последнюю минуту? Что это? — дипломатический ход?

— Решай, пожалуйста, пока еще не поздно решать.

— Что за тон? Ты разучился разговаривать с порядочными людьми.

— Решай. Меня ждут.

— Да зачем это нужно? И что я буду там делать?

Захотеть только — и дня не хватит для дела. — Вздохнул глубоко. — Если бы ты могла понимать!

— И там, как и здесь, не видеть тебя целыми месяцами?

— Как придется. И даже, наверное.

— Но, ведь, это будет то же самое, что и в Москве!

— Я прошу не задерживать меня долго. Решай.

— А если я не выдержу жизни в деревне, тогда как? В Москву?

Метнул остро глазами, резко бросил, почти выкрикнул:

— Да!

— Одна?

— Да, одна!

По стальному тону поняла твердо, что решение созрело бесповоротно, что сопротивление, слезы, сцены ей не помогут.

Дробно забарабанила пальцами по стеклу.

— Я жду.

Сквозь стиснутую нитку высохших тонких губ чуть обронула:

— Делай со мной, что хочешь.

ГЛАВА VII.

Наступил день отъезда.

С утра София Андреевна ушла с поэтом к матери и вернулась только за час до отхода поезда.

— А я уж хотел послать за тобой. Где это ты пропадала? — попенял Денис Изотович, помогая жене снять жакетку.

— Родительское благословение принимали, — ответил за нее Владимир Тимофеевич, — да кое-какие покупочки сделали.

Только в спальне уже София Андреевна вспомнила, что позабыла собраться в дорогу. Долго, с каким-то смешанным чувством тупого безразличия и озлобления, набивала порт-плед всем, что попадалось под руку и на глаза. Даша вошла, когда все было уложено.

— Ты еще здесь? Да, я и забыла! Нам надо еще рассчитаться с тобой.

— Успеется... дорога большая...

— Вместе, ведь, едем, — пояснил Денис Изотович, стоявший у двери.

— Как? — На осунувшемся, потемневшем лице засветилась улыбка. — Даша при мне останется горничной?

Смутился, отвел взгляд, но сейчас же преодолел себя и холодно бросил:

— Ты не так меня поняла. Даша больше не горничная, а хозяйка, у которой я думаю устроить тебя на первое время. Вот и товарищ Тиша...

Резкий, обидный смех не дал ему договорить.

— Так вот почему вы, когда приходили в полночь домой, так торопились на кухню!

— Что ты хочешь сказать?

— Боже мой, боже мой, как я была безнадежно глупа!

Чтобы не крикнуть, больно хрустнула пальцами, с перекошенным лицом, вплотную, подошла к мужу.

— Вот отчего я вас почти не видала?

Полуобернувшись к побелевшей черепуганной девушке.

— Что же вы торчите здесь?

Чуть приподняла голову, обдала Дашу высокомерным, полным презрения взглядом, сквозь гордо сжатые губы брезгливо-холодно прошептала:

— Вон! Вон отсюда сейчас же!

— Ехать пора! — вбежал в спальню Тиша. — Владимир Тимофеевич, помогите.

Горбясь, бочком, поэт прокрался к порт-пледу.

— Не троньте! — топнула ногой Софья Андреевна.

Денис Изотович взглядом попросил всех выйти из спальни.

— Чего ты хочешь? Скажи! — обратился он к жене, оставшись наедине с ней.

— Прикажи своей... даме сию же минуту покинуть наш дом.

— Опомнись. Как ты можешь подумать!

— Такой гнусности я не ждала даже от вас... завести тут же, в собственном доме, рядом с женой, любовницу может только самый отъявленный негодяй, — уже кричала она, брызгала пеной в лицо.

— Ну, вот, сейчас истерика, — мрачно думал Денис Изотович, нащупывая острыми буравчиками своими ее лицо.

— Так вы оставайтесь до завтра уж, — просунул Тиша голову в дверь. — Прощайте! Поезд вот-вот уберет.

— погодите минутку, — попросил Денис Изотович. — Сейчас вместе едем.

И к Софье Андреевне:

— Ну, будет. Собирайся. Ехать пора.

— Выгони! Сейчас же! Сию же минуту! Я или она — выбирай!

Облала его ненавидящим взглядом.

— Молчишь?

— Так едем, товарищ Изотыч? — повторил Тиша из-за двери нетерпеливо.

— Едем же, Соня.

Вся передергиваясь и корчась, рассмеялась долгим, заливающимся истерическим смехом. Метнулась к столику, к графину с водой, сделала шаг в пустоту, протянула беспомощно вперед руки, зашаталась, рухнула на кровать.

— Владимир Тимофеевич! Идите сюда! — позвал Денис Изотович, отворяя дверь.

Достал клочок бумаги, что-то написал карандашом.

— Вот мой адрес... если ей он понадобится... Прощайте, Владимир Тимофеевич. Едем, товарищи.

ГЛАВА VIII.

— Ты бы, Прохор, распорядился.

— Какой еще там порядок у вас?

— Насчет Дашеньки я... Чать, соскучилась по дому, сермяжная. Студия бы, Марьюшка, изготовила да кваску поставила свежего.

— Коврижек еще не накажешь ли? Подумаешь, барыня едет какая!

— Как сам понимаешь, я, ведь, не того, чтобы что, а так — при-советовал, все-таки дочка тебе, не приبلудная.

— Я, чай, и косы-то срезала в городе унучка твоя.

— А ты не загадывай. Так-то вот сам и накличешь, помилуй царя небесная.

— Да идет, видно, к этому. Одно к одному. Сыном бог убил, за дочкой дело осталось.

Прохор нервно взял пятерней густую, замшелую бороду, с чувством какого-то большого злорадства, точно себя уязвить хотел, посмотрел на отца.

— Твоя баловница. Не нагляделся бы!

Старик насунил брови, отвернулся к окну.

— Что-ж не глядишь? Аль чувствуешь, что треплюсь я не зря? Попомнишь — в кожанке да под скобку зайвится.

— И чего взъелся, не знаю? — Твоя дочка — себя и пили, а мне слушать тошно.

— То-то вот тошно. Потому — отец ты мне, а понятиев нету, чтоб настоящих. Да я, может быть, почи не сплю, думаю все.

— А ты и не думай. Приедет, там и увидишь. Встретить по родителски перво-наперво, чтобы чувствовала ласку отцовскую, надо.

— Отцовскую, тоже! Ежели крест на ней — и я ей отец, а в красной косыночке — и знать не хочу. Чтобы духу здесь этого не было.

Сердито сплюнул, заерзал на лавке, повторил по слогам, подняв

кверху указательный палец:

— Чтобы духу здесь этого не было!

— Ну, и так. Ну, и будет. Заладил свое и волюнь. Может, полегчает от того... А по мне, чего судить за глаза? Может, у нее и в мыслях про это самое нету.

— Знаю уж. Слышал, небось, как Тишка перед дорогой похвалялся: в Женотдел, дескать, прилажу ее. Нового работника приспособлю.

— Это как будет еще.

Прохор неожиданно привскочил и изо всех сил ударил кулаком по столу.

— Убью, а по моему будет.

— Убьешь — в острог увезут. Делов-то куча какая! Этак всяк может. Ты, вот, дело придумай, чтоб по-христьянски.

И похлопывая сына по плечу:

— Голос-то сбавь, да толком выкладывай, что задумал.

— И выкладывать нечего. А чуть узнаю — по Тишкиной дороге пошла, измочало, в гроб загоню. Лучше уж погибать, чем ей дать потачку. Позор, ведь, какой. Соседи что скажут?

— Ты соседей не слушай. Им чего? Лишь бы что потреть бы-ло. А касательно рукоприкладства — навсегда успеть можно. Для начала другое испробовал бы.

— И пробовать нечего!

— Примолкни-ка, да послушай отца. Стар я, а ум не весь еще в землю прос, кое-что и смекаю.

— Ну?

— Вот-те и ну. На сына в обиде, что живет не по-твоему, да совета не слушает, так сам-то у отца поучись.

— Сравнял еще тоже — стрекулиста-безбожника и со мной.

— Сказал — примолкни, ну, и нишкни. Послушай-ка старика.

Зажмурился, как от солнца; частые волнистые лучики опрокинутым венчиком собрались под глазами, мягкой, старческой улыбкой светилось желтое лицо; причмокивая губами, указательный палец кри-вой приставил к груди Прохора, строго спросил:

— Корзинщика из Глухаревой знаешь?
 — Знаю, вестимо!
 Ну, вот. Я про него говорить буду теперь.
 — Ну?
 — Занукал. Ты конца подожди. Про то сказываю, что мужик он хозяйственный, Егор-то, корзинщик. Дом — чаша полная. Одних коров — три головы, а что про прочее — не сочтешь.
 — И чего тебе далось чужое добро?
 — Старик многозначительно причмокнул.
 — Был намерен у нас, когда ты на базар в город ездил.
 — К чему клонишь, отец? — терял терпение Прохор.
 — Женить Васеньку хочешь... старшего своего... насчет Дашеньки обиняком закидывал.
 Прохор насторожился. Тупо, упрямо и зло уставленные в одну точку глаза засветились нескрываемым любопытством.
 — Закидывал, говоришь?
 — Обиняком. Лавку открывать будет. Васеньку, будто, заправлять всем делом поставит.
 — А насчет Даши что?
 — Дескать, ежели при деле сын будет, забаловать может. Ну, чтобы ничего этого не было — женить требуется.
 — Про девушку же что?
 — И про Дашеньку, значит. Когда, мол, ждуть ко двору, да не пора ли к венцу ей, и девонька, мол, первый сорт, работающая.
 — Заехать-то когда обещался?
 — Толком не разобрал; только знаю, хоть что говори, а сватов, Прохор, жди... Как бог свят, жди.
 Прохор широко улыбнулся, довольнo поглаживая бороду, зашагал по избе.
 — А студень исплопочи. Накажи Марьюшке. Встретить чтоб родителейки. Чать, не падчерица, родная к батюшке в дом возвращается.
 — Ладно уж. Дался студень тебе! Да ежели что по-христьянски, нешто враг я, обращения не понимаю? Только бы за Тишкой не увязалась, отца не позорила.
 — Не скули прежде срока. Образуется. Главное дело, — за хорошего человека пойдет. Купцы, ведь, как есть купцы настоящие.
 Кто-то завозился в сенях.
 — Марьюшка, видно.
 Прохор приоткрыл дверь, пригнул, голову в полумрак выставил:
 — Ты, Марьюшка?
 — Кому же и быть?
 Вошла, подойдя к порогу поставила, долго дула на занемевшие от холода пальцы, выстукивала дробно ногами.
 — Изморозилась, пра. И чего оно крутит так, нечистая сила!
 — Отдыхать будешь в скорости. Смена вот-вот придет, — прошамкал, улыбаясь, старик. — Помощница добрая едет.
 Марьюшка махнула рукой.
 — Хватит на всех. Мало ли добра? И не узнает Дашенька хозяйства-то нашего.
 Вдохнула, покорно взглянула в угол, перекрестилась.
 — Вот бы Федору мому жить когда.
 — А ты, молодущка, к ночи покойников не поминай. Бог дал, бог и взял. — И старик, часто крестясь, зашептал молитву.

— И чего это вас разбирает? Как сойдутся, так небеспреречно на упокой свернут, — рассердился Прохор. — Печь истопила бы, вечерять готовить пора.

Четыре года прошло с тех пор, как старший сын его, Федор, пропал где-то в Карпатах, а позабыть не может. Лежит камнем тяжелым тоска в груди; долгими вечерами, когда стихнет в избе, вытянется на полатах во весь рост свой гвардейский, глаза уткнет в черную пустоту, широко рот раскроет, задыхается, нечем дышать, и все думает-думает. Мышь заскребется — кровь холодеет, пот обильный, едкий, на лице проступает; мысль, зародившаяся молнией, щиплет больно тяжелую голову: «А вдруг да Федор мой объявится?» Но тут же соберется комочком уrolливym сердце, сознание безысходного одиночества перехватит горло петл-й, — кричать — голоса нет, звать на помощь — некого, — не услышат. Живой Тишка хуже мертвого во сто раз, отрезанный, с корнем из дому вырвали, чужим сделался, а девка... что девка! Разве может она понимать? Да и та, глядишь, чужая уже.

— Насчет студня не забыть бы нам, Прохор.
 — Отвяжись со студнем своим! Привязался баяным листом! Накинул на плечи тулуп, на глаза баранью шапку напялил, вышел, в сердцах изо всех сил хлопнул дверью.
 — Чего-то он, дедушка?
 — Нешто не понимаешь? Зачем про Федора поминать при ем? Старик прислушался.
 — Никак Буян лает? Выдь, Марьюшка, погляди.
 — На всякий лай, дедушка, не набегаясь. На то ему и псом быть положено, чтобы лаять.
 Кто-то стукнул в окно.
 Марьюшка прильнула к промороженному стеклу. Старик затаил дыхание, ладонь приставил к уху, весь обратился в слух.
 — Кого вам?
 Крикнула, всплеснула руками, бросилась к двери.
 — Батюшки, наши приехали!

ГЛАВА IX.

Шли медленной чередой крестьянские дни. Даша на рассвете поднималась, с Марьюшкой за скотиной ходила, стирала, возилась с печкой, квашией; долгими вечерами сидела за прялкой, чинила отпу и деду белье; ложилась — как убитая засыпала, чтобы, чуть свет, снова приняться за работу.

Денис Изотович и Тиша пожили в селе несколько дней и уехали в город. Обещались скоро вернуться, но задержались в отъезде больше месяца.

С отцом Даша почти не разговаривала. Она совсем не узнавала его, — так резко он изменился за время ее жизни в Москве. Всегда хмурый, злой, недовольный, обращался к ней только в крайних случаях — и то, чтобы прочитать наставление, сделать выговор или просто, без всякой причины, обругать для острастки. По праздникам Прохор заставлял дочь вместе с ним ходить в церковь, строго следил за тем, чтобы она не пропускала ни одного поклона и во время крестного целования прикладывалась к батюшкиной руке. Из избы Даша дальше двора никуда одна не ходила. — С Марьюшкой не соскучишься! Нечего хвосты по людям трепать! — ворчал отец и усаживал ее за работу.

Только, когда Прохор уезжал в город, — легче вздыхалось. До полуночи просиживала с дедом, рассказывала о Москве, допытывалась, почему так неприветливо встретили ее, узнавала о всех событиях, за последнее время происшедших в селе: рассказал дед и о том, что отец занялся торговлей, ездит по рынкам, думает накопить денег, открыть свою лавку.

Старик многим делился с внучкой, только о том, что ее собираются выдать замуж, — молчал.

Вернулся Денис Изотович из города как-то ночью, один, а на утро приехал и Тиша с груженной подвой.

— Торговлишкой нешто занялся? — бросил ядовито Прохор, указывая на упакованные в рогожу тюки.

— Кому что, отец. Только мы с товарищем Изотычем избу-читальню варганим.

— Делать нечего, тешитесь. Кто к вам в избу-то пойдет?

— Ничего. Кому надо — придет, а других сами научим ходить. У вас церковь, а у нас, вишь, читальня. А еще кооператив открывать будем.

— Вроде молебни эту самую читальню, выходит, затеяли?

— Куда там, отец. Во сто раз больше, — рассмеялся Тиша.

— И Марсу своего в угол, значит, передний?

— Нам без него, что полю без дождика.

— Ты! Зубы не скалы! — огрызнулся вдруг Прохор. — Молод больно про такие дела рассуждения имей!

— Сам, ведь, спросил.

— Сам. Нужен мне больно! Ты лучше вот что скажи.

Покосился подозрительно на избу.

— Этот, как его, дармоед, надолго сюды прибыл?

— Товарищ Изотыч?

— Чорт его чесал и в товарищи записал!

— Как дело сделаем, так и уедем с ним. А ежели что, и уплатить за постой могим. Насчет пропитания не беспокояйся. И крошки не тронем.

В тот же день был собран сельский сход. Читальню решили устроить при волсовате, а для занятий с неграмотными Денис Изотович обещался вытребовать из уезда учительницу-коммунистку. Вопрос о кооперативе занял три дня. Спорили с утра до вечера все, но Прохор больше всех волновался, бегал из избы в избу, агитировал: — Попробуйте, запишитесь, до последней коровенки отнимут, а потом загонят в коммуноу насильно, потому — сами, дескать, согласие дали. Знаем мы эти капризничанья! — К вечеру третьего дня все же договорились и Денису Изотовичу поручили всю организацию дела.

Даша забросила работу по дому и целыми днями не отставала от Тиши. Отца она не замечала, а если он подходил, гнал домой, — только отмахивалась руками.

И Прохор молчал, ждал отъезда непростенного гостя и сына.

Наконец, читальня была оборудована и передана товарищу Тоне, откомандированной партией в село.

Денис Изотович и Тиша уехали в город. Проводив гостей, Даша, как было условлено накануне, собралась в читальню. В сенях ее встретил отец.

— Куда путь-то держишь? — спросил, нагнув по-бычачьи голову и заложив за спину руки.

— К товарищу Тоне.

— А коровы подоены?

— Марьюшка обещалась.

— Нашто в работницы Марьюшку подрядила?

— Мы с ней в череду: она утром, а я вечером. Да и временно я; просили помочь, пока разберутся.

— Ну-ка, назад ходи!

— Ждут, ведь.

— Дашка! Смотри! Честью прошу!

Голос глухой чуть дрожал, злоба звериная подмывающим холодком подкрадывалась к груди.

— Гостей-то чаем поила, сама жрала, гадина, лоб перед иконой перекрестила? Что молчишь, потаскуха московская! Аль с отцом и знаться не хочешь?

Девушка стала против отца, щеки полыхали зарницами, глаза вспыхивали негодованием и протестом.

— Ходи назад, слы-шишь! — не сказал, пропустил сквозь зубы тонкой сверлящей струей.

Даша решительно пошла к выходной двери.

— Мне Тиша наказывал. Да и сама знаю, что делаю. Учиться хочу, и никто не могит мне поперек пойти. Потому — правов таких нету, чтобы учиться препятствовать.

Мелькнул кулак, молотом ударился в переносицу, запрыгали перед глазами черные круги, что-то сладкое, липкое, задержалось на мгновение у горла, хлынуло из носа, изо рта теплой клейкой волной. Даша инстинктивно закрыла руками лицо, пошатнулась, рухнула на пол.

— Встань! Встань, говорю! — изо всех сил ткнул ногою в живот.

Сквозь темнеющее сознание приподнялась на локтях, поползла.

— Встань, говорю! В гроб... душу... стерву...

В каком-то пьяном остервенении ругался многоэтажно руганью, бил девушку каблучками, рвал на ней платье, поволок за волосы в избу, бросил в закутку.

— Не подходи, — хрипел Прохор, отталкивая Марьюшку и отца. — Не подходи! Изувечу!

Расправившись с дочерью, поспешно оделся, ушел из избы и не возвращался до вечера.

Марьюшка побежала в читальню.

— Неслужилось Дашеньке что-то, — глядя куда-то в сторону, путаясь, объясняла она товарищу Тоне. — А к нам ни-ни — и не думайте. У меня свекор сердитый. Я лучше каждый день к вам забегать буду.

И торопливо ушла.

Даша пролежала неделю, ни с кем не обмолвившись словом, не слушая никого, не понимая, где она, что вокруг нее происходит, беспомощно шупала впереди себя немигающими, широко раскрытыми глазами, чего-то искала, не видела, не сознавала, как в пропасть глядела. Поднялась же неожиданно, сразу, и в тот же день принялась за работу спокойно, как будто ничего не случилось, а в воскресенье, когда зажили синяки, отец увел ее в церковь.

К кресту подходила, остро закололо в груди, метнула глазами по сторонам, — увидела, как Прохор зорко следит за нею. И вдруг кровь хлынула в лицо, и когда священник подставил ей свою руку для поцелуя, гордо откинула голову, отступила, замешалась в толпе.

Всю дорогу молчали; дома, за столом, не глядели друг другу в глаза, отводили в сторону потемневшие лица, оба сдерживались через силу. После обеда отец глухо бросил, сам своего голоса не узнал:

— Лоб-то перекрестила бы. Ты ты.

Ничего не ответила, вскинула головой, царапающе встретились взгляды.

— За-бы-ла?!

Девушка спокойно стояла, ждала.

— Гости к нам жалуют,—крикнула Марьюшка.

Старик заковылял к двери, прислушался.

— Сваги!—вскрикнул он и облегченно вздохнул.

Г Л А В А X.

Ночами, когда Прохор засыпал, Марьюшка, крадучись, подползала к Даше, мокрым от слез лицом тесно прижималась к ее лицу, и так лежали они без сна до рассвета, одна—бездумная, беспомощная, избитая, другая—полная бессильного сожаления, тоски, жуткого сознания безысходности.

Чуть свет поднимались обе и сразу приступали к работе, потом садились, как будто бы мирно, всей семьей за стол. Говорил Прохор о свадьбе, делал распоряжения, каждый раз, подняв палец вверх, заканчивал:

— Двух коров отдаю за тобой, сундук полный приданого, пять золотых царских и серебра рублями на сотню.

Старик ногой подталкивал внучку, глазами показывал:

— Кланяйся, благодари.

Сидела, чуть сгорбившись, кудель льняную, волосы сбитые, нервно перебирала пальцами, молчала.

— Аль мало?

Высоко вздымались тяжелые овалы груди, широко раздутыми ноздрями жадно вдыхала воздух, глаза ширились, стекленели, пусто и мертво глядели перед собой и не видели.

— Аль мало?

Старик суеился, вскакивал с места, становился между дочерью и отцом.

— Ты, Прохор, дело бы. Венец-то не за горами. Марьюшке до сих пор про угощение по-настоящему не наказывал. Студень бы не забыть. Для свадьбы ежели студень—великое угощение.

Даша, не зная куда укрыться, шла к двери.

— Бежать?! От отца родного бежать!

— И никуда она не бежать... Чегой то ты—здря?

— Стой, говорю.

Подходил вплотную, сквозь зубы сверлил:

— Кланяйся в ноги!

Стояла, понурясь, вспыхивал слабый румянец; крадучись, по откинутому лбу ползла волнистая паутинка.

— У Тишки храбрости набралась? Может, и венчать-то в чистые приказешь?

Гоготал обидно-насмешливо, хватаясь за широкую, еще крепкую, как стальная коробка, грудь, наклонялся к лицу, остро заглядывал в пустые глаза.

— Ежели задумалась что, так и знай—к спине рожу перекручу, наперед могилу копай... Вот перед истинным...

И чем упрямее молчала дочь, тем сильнее, невыносимее бурлил в нем звериный гнев.

— Что молчишь?

Сквозь побелевшие губы чуть слышно шептала:

— Ваша воля... убейте...

И совершенно неожиданно для себя падала в ноги, кричала дико и иступленно:

— Убейте! Лучше убейте!

Пинком отбрасывал Прохор дочку к стене, бил тяжелым кулаком размеренно, деловито, выбирал самые больные места...

* * *

Наконец, до свадьбы осталось три дня.

С утра Даша не поднималась с постели. Несколько раз подходил к ней отец.

— Аль хвораешь?

— Не служилось.

— Знаю бабий ваш род. Прикинулась дохлой лисой, развалилась, барыня, подумаешь, тоже.

— Чего, Прохор, к девке пристал? Чего те неймется?—вмешался старик.—На последях дай хучь ей отлежаться маненько. Ты бы лучше насчет закуски подумал. Марьюшка еще надась жаловалась: ног не хватает. Надо бы ко времени прикупить да губ говяжьих припустить к ним. Потому—студень—он завсегда, сукин сын, губу любит.

— „Хоть бы Тиша приехал... На часок один только,—ломала руки, болзненно думала Даша.—Он бы выручил, вырвал, спас от погибели...“

Мысли о свадьбе гнала от себя; в тысячу раз легче было думать о смерти, с каждым часом назревало и крепло решение умереть, прежде чем поведут ее в церковь.

До вечера пролежала лицом к стене, завернувшись с головой в полушубок.

— „Уснул,—опояску достану, удавлюсь,—перебирала в уме план за планом.—Или, как Денис Изотович рассказывал про товарища своего: ножиком в этом месте резнуть.“

Больно сдвигала вены, испуганно высовывала голову, глазами впивалась в отца, как будто он мог подслушать ее мысли.

— „Ежели бы на часок один только Тиша приехал!“

Перед глазами мелькали черные круги, губы высохли, запеклись; по всему телу стелился сухой, жаркий пар.

— „Хоть бы вступился кто!“

С лица Марьюшки смылась улыбка привычная, ходила целый день темная, растерянная, испуганная; дважды из дому исчезала кулата, с Прохором разговаривала—глаза отводила, сбивалась, робела. Ужин поставила—чуть пригубилась к ложке, виновато потупилась, еле дождалась, пока улеглись и притихли, до полуночи боялась громко вздохнуть,—прислушивалась к дыханию свекора, и только, когда убедилась, что он уснул, тихонько переползла к Даше.

— Спишь?

— Ты, Марьюшка?

— Я... Не гомони только... Услышат.

И помолчал:

— Поговорить надо с тобой. Моглишь меня слушать?

— Могу... говорю.

— Потому, как раньше нашего брата с десятским к отцу отпра-вляли, а нынче отменение этому вышло.

— Ты к чему это, Марьюшка?

— К тому самому, значит, что не может тебя неволить никто.

Прислушалась сторожко, потом губами прильнула к самому уху девушки.

— К ентой бегала нынче... в читальню... Все ей, как на ладони, пересказала...

На полатях заворочался кто-то. Полумертвые от страха, женщины затаили дыхание.

— Врешь, старый,— послышался глухой голос Прохора.— Понищины это надо. Нешто я ей не отец? Вот где гудет! Всю душу выело!

Долго обе молчали, дожидаясь беды.

Прохор проворчал еще что-то несвязное и затих.

Слава те, господи, пригрезилось ему, видно! — облегченно вздохнула Марьюшка.— От сна говорит.

И опять к уху губами:

— Все отсказала... Говорит, дело твое самое чистое, потому, говорит, правое не стало таких, чтобы баба вроде заместо коровы. Запуталась, виновато шепнула:

— Может, и не так говорила, только про корову, крепко помню, слово какое-то молвила.

Даша еле сдерживалась, чтобы не крикнуть:

— Сказывай, Марьюшка, сказывай!

— И сказ тут весь. Коли воля твоя—ждет она тебя нынче...

Ты стой, погоди, аль забыла? Услышит ежели, нам с тобою обоим погибель. Умеючи надо... Так выходит—согласна?

Даша ничем не ответила, мелкою дробью выстукивали зубы, горячий клубок подкатывался к горлу.

— Ну, и ладно. Лежи тут тихонько, а я первая выйду. Маненько перегодишь—выходи прямо в сени.

Не вытерпела Даша: миг вечностью показался, сейчас же спустилась, крадучись, на пол, поползла, не дыша, ощупью к двери.

— Платок-от накинь. Да не ляскай зубами. Узел, накось, держи. Ишь, трясет тебя как... Ну, ходи... Стой! Я к Буянке наперед выйду, слуду голоса бы не подад.

И через мгновение чуть слышно:

— Ходи...

ГЛАВА XI.

Товарищ Тоня вызвала из города Дениса Изотовича и Тишу, и до их приезда Даша ни на шаг не отлучалась из комнаты учительницы, не выходила даже в читальню.

Прохор неистовствовал, грозился, жаловался волсовету, уездным властям, вривался, пьяный, в читальню, требовал выдачи дочери, но никто не слушал его. И только у отца Даниила он отводил душу и находил утешение.

— Смирись,— убеждал его поп.— И с жалобой никуда не ходи, ни к чему это.

— Дожил до чего, ведь?!. На дочку родную расправы найти не могу,— пьяно всхлипывая, колотил себя кулаком в грудь Прохор.

— А ты не ропщи. Грех роптать. Поделом господь Русь наказует... Сами до того довели.

— Опозорила, насмеялась! В глаза людям взглянуть не могу! Только и осталось, что камень на шею, да в воду. Кому и жаловаться, бата, не знаю.

Отец Даниила смиренно опускал голову и вздыхал.

— Грех роптать. Поделом господь Русь наказует. А того еще хуже духом падать и поить. Ты, пот, выпей и в крепость взойди.

И, наливая себе и Прохору:

— Где самогон покупал? А-а, то-то вижу—не нашего варева; городскую гонку всегда узнать можно...

— Жаловаться кому же? Осрамила, в грязь затоптала, и никто обращения не внимает. Выходит, значит, родитель то нынче и не родитель. Закон-то где? Рассудить-то кто может?

— Говорю, не ропщи! Есть кому рассудить и вступиться. Забыл?— И поп строго тыкал в угол коротеньким указательным пальцем.— Сюда с молитвою прибегай, денно и ночью молись... А в эти свои Исполкомы зря не толкайся, знать их не знай, блажен, ибо, муж, иже не идет на совет нечестивых. Вот что помнит православному нужно.

Так продолжалось изо дня в день. Прохор перестал ездить в город, отбился от хозяйства, прятался от людей, до вечера просиживал за самогоном, а когда стихало село, крадучись, уходил отводить душу к попу.

— Невмочь больше стало,— объявил он как-то отцу Даниилу.— Душу всю выело, так вог и грызет тут, в грудях, хоть на людей впору бросаться...

— Гордость это в тебе. Садись-ка и ладком потолкуем.

Прохор послушно сел, вынул из-за пазухи бутылку, поставил перед священником.

— Изюмная?

— Быдо.

— Все городская еще?

— Городская.

— И запаслив же, право, ты!

— Извела меня, батя, думка моя!

— Где уж не извести! Я вчуе, как вспомню, скорблю. Кто-ж и поймет, как не я, скорбь родительскую?... Будь здоров... Чокнемся, брат...

Тряхнул реденькой гривкой, смачно крикнул, понюхал хлебную корку, сплюнул, умильно взглянул на Прохора.

— Хороша штука, не чета нашему деревенскому пойлу!

— Извела меня думка, изгрызла! Кончить хочу!

— А ты выпей для утешенья. Не убивайся.

Послушно выцедил мутную сивушную жижу, долго морщился, жевал, подпрыгивала скатавшаяся, давно нечесанная, борода, глаза горячие, впитавшие в себя какую-то мучительную тайну, тяжело уставились в бегающие поповские глазки, искали поддержки, сочувствия.

— Как на духу хочу... как перед истинным... Потому,— решение принял я...

И вдруг вскочил, крикнул изо всех сил:

— Убью! Вот он нож, три дня при себе держу. Сам отточил... Как перед истинным говорю. Нету моей больше воли. Извела меня думка...

До полуночи вполголоса разговаривали. Забывался Прохор, кулаком по столу стучал, хрипло вскрикивал.— Отец Даниил рукой ему рот тогда закрывал, мотал укоризненно головой.

— В руки себя прибири, толком чтоб, по-разумному да по-божьему. От господя дочь, грех смертный во-еки не смыть.

Слушал настороженно, горячие глаза тяжело искали бегающего мышинного взгляда, с трудом укладывалось в сознании хитрое кружево поповских слов.

— Лукавый вошел в дочку твою, от лукавого нужно очистить. Вроде, она теперь бесноватая. Молитва нужна ей, вот что ей нужно.

Чтобы оставил душу ее дух нечистый, в тартарары провалился, а она, очистившись, чтобы в лоно церковное вновь возвратилась.

И незначай, хитро бегая глазками, на ухо:

— Съезд у этой самой Тони ихней, что читальней заведует. Человек десять из города прикатило. Завтра Тишку твоего ждут. Да ты не вешай голову—обойдется, по-хорошему выйдет... Выпить разве по маленькой?.. И крепка штука, ей-богу, так огнем живот обдаст!.. За Тишкой Дашка твоя вечер в город уехала. Мне учитель наш ска- зывал.

Услышав имя дочери, Прохор побагровел и, забываясь, зло крикнул:

— Убью! Обоих убью! Не я буду—убью!

— Ячейку, говорят, заводят будут. Еще насчет храма сход со- берут, чтоб, значит, образа вон. Место, мол, под клуб нужно очистить, молодежи для безобразия и вечорок. За тем и съехались, видно.

Отец Даниил собрал в скорбную гримасу лицо, придушенно вздохнул.

— Тот, московский, нынче приехал. От него и пошло.

Неожиданно увлекаясь, заговорил громко, взволнованно, слова подбирал колючие, возбуждающие, подзадоривающие, вскакивал то и дело со стула, подхватывая по-бабьи полы подрясника, пригибал голову, истово крестился мелким крестом и, наконец, упал на колени.

— Ты, господи, живота моего.. Тебе отдаю молитву свою.

Прохор машинально опустился на колени рядом с отцом Даниилом.

— Молись, брат,—шептал священник.—Сердцем молись.

И, между слов:

— Слыхал я, будто с Дашей твоей московский жить собирается.

— Кто говорил?

— Люди болтают. У них, ведь, у коммунистов, дело это привыч- ное. Ни венца, ничего такого, что господь освятил, не блюдут. Сню- хались—и живут, и баста, и никаких.

— В по-лю-бов-ни-цы, значит, выходит?—прохрипел Прохор, жи- мая судорожно кулаки.

— Выходит на это.

И снова усердные поклоны, кресты.

— Молись, Прохор. Сердцем молись.

— Зрут они все! Не пойдет в полюбовницы моя Даша!

— Дай-то бог, дай-то бог. Только, записывалась если в комму- ну, значит, и закон приняла ихний.

Глазки, два серых мышонка, из-за узких щелок подполья, блуд- ливо уставились на Прохора.

— Утешение будет тебе. На том свете воздастся за скорбь. Всем поделом отмерит отец наш небесный. В геенне огненной гореть будут грешники. Так же, вот, соберут их в загончик, вроде, как сей- час в читальне собрались, а муж праведный, господу возлюбивший при жизни, поставлен будет творить им казнь.

Сложил молитвенно руки на груди, закинул голову, благоговейно молчал.

— В полюбовницы моя дочь?!. Задушу своими руками и греха никакого не будет! Живьем бы их сжечь всех, антихристов окаянных!

— Не кричи. Не кричи, Прохор, криком горя не выкричишь. На все воля господня. Без господя-бога волос не падет с головы.

И, точно в полудремоте, чуть слышно:

— Придет праведный муж, соломкой обложит загончик, на ма- нер, вроде, читальни нашей, где нечестивые съехались, помолясь, вздует огонь.

Перекрестился, вздохнул.

— И тьма такая же, и вихрь, как сейчас, за окном... Помилюй нас, господи, грешных. Сподоби отомстить за тебя, имя твое возве- личить!

Спрятав голову в плечи, не поднимаясь с коленей, слушал Прохор.

— Встанем, брат. У стола потолкуем.

Поднялись молча. О. Даниил подошел к окну.

— А и воет-то, воет на улице! Ты уставишься-ка в ночь: ни, вот, зги. Достанется нынче путникам в поле!

— Мне... батя... иттить...

— В такую-то непогоду? Собыешься с пути, ведь, погибнешь. За- крутит и себя не найдешь, не только что дорогу к избе.

— Не, иттить надо,—настойчиво повторил Прохор.

— А то посидели бы, если спать не хочешь еще.

Не слушал, с какой-то лихорадочной суетливостью напялил на себя тулуп, на-ходу коснулся губами поповской руки, у двери задер- жался на мгновение, хотел что-то сказать,—но сейчас же раздумал, только вспыхнули зверино зрачки, тряхнул решительно головой и скрылся.

ГЛАВА XII.

Ледяной вихрь слепил глаза, бил в лицо целыми тучами раска- ленных до-бела игл, с каждым мгновением все более свирепея, кружил над землей, с уханьем, оглушительным ревом и свистом гнал вперед себя, опрокидывал, высоко взметывал в разбушевавшуюся крикливую темь несметные орды обезумевших от ужаса, разбитых на-голову, за- кованных в мглистые латы, богатырей. Падая, утопая в сугробах, те- ряя последние силы, полз, крадучись, Прохор от плетня к плетню, держал в уме крепко счет избам, прислушивался напряженно к вою метели, неожиданно задерживался, упрямо и тщетно нащупывал гла- зами непроглядную тьму, судорожно хватался за нож. В переулках подолгу задерживался, боялся сбиться с пути, закрывал глаза, пытался представить в воображении место, где он находится. Чем ближе под- ходил к цели, тем нетерпеливее рвался вперед, нервничал, волновался и чувствовал в то же время, как в груди назревают сомнения, страх, неуверенность в своих силах. На последнем перекрестке в мучитель- ном возбуждении ощупывал каждую пядь, упрямо искал колодезь— последнюю веху к читальне. Когда с особенной силой бил ветер в ли- цо или хоронил его под сугробами, ожесточенно ругался, грозился, мощным взмахом плеча пробивал себе путь и уже не полз, но, поза- бив осторожность, бежал, метался в разные стороны, как затравлен- ный зверь, и, в конце концов, обессиленный, беспомощно падал на колени, тыкался обледенелой бородой в грудь, режуще бросал слова страшной молитвы. Рассказы о праведнике, о соломе, об огненных языках, жадно лижущих корчащихся в адских муках грешников, то- мили мозг жаждою подвига, мести, расправы, снова будили силы, лихорадочную нервную торопливость и, вытянувшись на снегу, Про- хор полз наугад, старался держать цепко в уме счет пройденным избам, вперемежку с многотажною площадною бранью, сквозь сти- снутые зубы, молился.

— Тут, не обманешь! — злобно тыкал рукавицами в снег. — Тут, вот, падай! Господи, научи сотворить волю твою. У-у-у, окажи- ные, хриstoppодaвци! Раз... в гроб... душу... сердце... Тут, не обма- нешь! Господи, сподоби врагов твоих изничтожить...

Оттакался грудью, загребал руками, полз, точно плыл, смеясь, уверенно. И вдруг полным голосом крикнул, навалился тяжело, всем телом, на твердый, неподдающийся выступ. — Он! — торжествующе пролетел, на твердый. Приподнялся, провел рукой по выступу. — Он! неслоя в сознании. Приподнялся, провел рукой по выступу. — Он! колдезы! Нашел. — Вытянулся во весь рост, надавил на глаза шапку, встряхнулся.

«Таперя дополнута» — весело про себя думал, высчитывал. — Ежи, значат, колодезь, — тут первая должна быть Макарьихина изба. Это раз. — Загнула под ружавище палец, прищипурился. — Там плетень пойдет до осины. От осины изба Трофимова заколоченная. Это два будет. — Загнула второй палец. — Потом три вербы Власовых, погоревший амбар — и коней

Лихо потрянул голову, потер онемевший от холода нос рукавицей, легко опустился на колени, пополз.

Лихо потрянул голову, потер онемевший от холода нос рукавицей, легко опустился на колени, пополз.

— Вот она! — умиленно ощупывал Прохор осину. — Господи, укрепи! — Но тут же вздрогнул, прижался к дереву, замер. Впереди чуть колынул мгла слабый мерцающий огонек. Сквозь неугомонный рев ветра донесся едва уловимый лай. Что-то зарычало над ухом, лизнуло лицо.

— Песик, сердечненький!

Чмокнул заискивающе губами, про себя злобно выругался.

— Песынька, песик, подь-ка сюды!

Собака взвизгнула, узнала, должно быть, ткнулась мордой в руку, исчезла.

— «Конец Влас смотреть вышел,— подумал Прохор,— видно и свестать скоро будет». Подождал, пока снова промелькнул и исчез огонек,— торопливо динулся дальше и через несколько минут был у цели. Притаившись в углу двора, долго чутко прислушивался, зажав в руки, потом прокрался к сараю.— И соломы-то толком не уложат, антихристы, коты,— ругался про себя, шаря в крошевной тьме руками по полу, и чувствовал, как ползет по стгнувшей крови, невыносимо давит, подирается к сердцу, расстет и ширится сгрок.— Врешь, далеко не упрешься! Для вашего брата на растопку найдем! Будет вам и за сынка, и за Дашку!—скрежетал до боли зубами, нарочно будил в себе ненависть, чтобы не так чувствовать жуть.— Стой, ту! Так и есть!— образование шлепну про себя, нацупав солому и, не задерживаясь, рванул охапку, ползот с ней к дому. Несколько раз крался от избы к сараю, пока, наконец, не попытался в сугробы соломы вокруг всей чинальни. С последней охапкой забрался на чердак, прислушался, упал на колени, горячо помолился, еще раз высунул на улицу голову, проверил, не следят ли за ним и, ничего не разглядев в бующей мгле, отошел в угол, чиркнул спичкой. Вспыхнул волчьим зрачком огонек, клочок моргнул, притаился, медленно развернулся журушащую алою ленточкой.

Прохор спрыгнул в сугроб, бросился к двери, сорвал с себя олошью, распахнул тулуп, трясущимися руками долго разжигал огонь. — Пропадите вы пропадом, гады! Разбойники! — почти крикнул, когда, наконец, разгорелась солома, и, позавыв осторожностью, побежал во всю мочь к улице, к невидимой дороге, через вихрь, через непроглядную ночь, наугад, к своему дому. Вдруг замер от ужаса. Кто-то гнался за ним, визгливо смеялся над самым ухом, хватался за рукав, бросался

под ноги, прыгал к лицу. — «Нечистый!» — мелькнуло электрической искрой в мозгу. — С нами крестная сила! — Хотел перекреститься, — рука чужая, непослушная, деревянно повисла. Вразулся вперед, — что то глухо запыло под ним, опутало ноги. Потеря равновесия, Прохор рухнулся в снег. — Чур, чур меня! С нами крестная сила! — быстро дергались побелевшие губы, шептали молитвы, а кто то лохматый кружилсь вокруг, шершавым языком лизал бороду и лицо, скулил протяжно-столкливо и нельзя было разобрать, кто скулит: ночь, сердце или этот страшный невидимый призрак.

— С нами крест... Стой! — крикнул неожиданно полным голосом и притих. Над ухом отчетливо раздался собачий лай. — Стой! Да, ведь, это Буян. Буянка... Буянка!

Собака, услышав свою кличку, радостно завизжала, ткнулась мордой в лицо. Исчез сразу страх, искочил, рассыпался раскатието, полным злорадства и торжества смехом.

— Таперь не пропадем, брат, шалишь! Должно, изба недалече, коли пес хозяина учуял своего. Ну-ка, Буянка, веди!

Вскоре Прохор постучался в окошко своей избы.

— И куда в такую непогоду из дому заходить! Я уж думала, не приведет господи, грех случился какой,—попеняла Марьюшка, ставшая тулуп с свекора.

Проворчал что-то невнятное, щелкнул пальцами, подмигнул, пошатываясь пошел к лавке.

— Есть нечто подать?

— Не м...моги... пот...то...му... не м...моги .. Я хозяин, все-
му г...олова ..

Долго разговаривал, забравшись с помощью снохи на полатины, про себя расчетливо думал: «Пусть за пьяного принимают, подозреваю меньше».

— Где это так нализался?—недовольно ворчал дед.

— У добрых людей, не у свол...

— То то и видно: лыка не вяжешь.

— А ты не можешь... Я, потому что, хозяин. Может, мы с о. Да
нином... И, не закончив, сладко зевнул, промычал что-то, на всю
избу захрапел.

Чуть только стихло, кто-то резко постучался в окно. Марыюшка выскочила на двор.

— Пожар! — крикнула она, вбегая через мгновенье в избу, и сей час же снова исчезла.

Не торопясь, Прохор оделся, захватил топор, вышел.

Едва занимался рассвет. Метель заметно стихала. По улице испуганно перикликались, будя по дороге соседей, вооруженные ведрами, лопатам, граблями, спешили на помощь крестьяне.

— Кто горит-то?—допытывался настойчиво Прохор.

— Батюшки!— чуть не крикнул, разглядев пылающую избу. — Что-ж я наделал? Да, ведь, это Трофимов дом заколоченный.

— Ты чего зубами-то ляскаешь?—спросил старик, пристально

— Ужасно, — ответил старик, приставив
заглядывая сыну в глаза.

— Холодно что-то. Выйдешь на улицу, — ответил странным придушенным голосом и отвернулся к стене, укрывшись с головой в тудуп.

Ежась и вздрагивая от пронизывающего холода, с удивлением прислушивался, как ноги наливаются какой-то свинцовой тяжестью и болезненно разбухает левый бок.

— „Должно быть, простыл... баню бы истопить“—тупо и безразлично ворочалась в голове.—И чей-то она окна пораскрывала?

— Ты чего, Прохор, сказываешь?

— Окна бы, говорю. Ишь, ведь, как замечает!

У ног копошился встревоженный муравейник, тысячами едва уловимых, холодных точек разбегался по телу, путался в бороде, в волосах, остро щекотал ноздри, суетливым шумом забивался в уши, а грудь невыносимо сушило, и какие-то лохматые псы, скуля и взвизгивая, лизали лицо, губы и бороду шершавыми, влажными языками.

Когда позвали к обеду, чуть приподнялся на локте, недоуменно взглянул на Марьюшку, торопливо спрятался с головой в тулуп.

— Окно закрой, говорю!—крикнул и тут же тяжело застонал от острой боли в боку.

— Закрото, ведь. Чего это ты, Прохор?

Превозмогая себя, высвободил руку, тыкал в потолок пальцем, хрипло ругался.

— Не вижу быдто, лахудры! Буяна на цепь привяжите! Слышите, вы! По чести прошу! Чего они воют здесь? Пшел!

К вечеру Марьюшка сходила за Дашей, и та, как только узнала, что болен отец, сейчас же пошла, вместе с товарищем Тоней, домой. На утро из города приехал и Тиша.

ГЛАВА XIII.

Даша и Тиша больше месяца продежурили у постели отца и оставили больного, когда миновала опасность, и он мог сам передвигаться по комнате.

— Давайте, хотя по христиански простимся,—прерывающимся голосом, глядя куда-то в сторону, предложил Прохор, когда дети собрались уходить.

— Да, ведь, в одном селе будем жить,—весело возразил Тиша,—чай, на дню пять раз повидаемся.

Больной нервно передернул плечами, замотал головой.

— Не, всем лучше будет, ежели врозь... Вроде, как упокойники... Исполдобья взглянул на дочь.

— А тебе, Даша, полную волю даю. Как сама хочешь, так и живи... Только чтоб, значит, ни ты ко мне, ни я к вам.

Дернул носом, желтое, вытянутое лицо собрал морщинистым пересохшим комочком, отвернулся.

Тиша подошел ближе к Прохору.

— Твоя воля, отец. Только ежели думаешь—мы против тебя зло какое имеем, так здря это. И в мыслях не держим. Насчет убеждений это правильно—разные люди мы, вроде чужие с тобой, а чтобы прочее что—так и знай: как был нам отцом, так и останешься.

Прохор неожиданно ухватил за руку сына, притянул к себе. — Отец, говоришь? Коли не врешь,—сделай милость такую мне. Хочешь, я в ножки тебе поклонюсь, служить тебе буду до гроба... Что же молчишь?

— Не знаю, какой милости от меня захотел?

— Не знаешь—скажу. Вот она—Дашка-то. Прикажи ей к дому вернуться. Ну! Прикажи!

Тиша осторожно высвободил свою руку. — Такого не сделаю. Да и разве хозяйин я ей? Сама пусть решат. Не в неволе живет.

И к сестре:

— Что не скажешь? Слыхала, чего просит отец? Даша выпрямилась, гордо откинула голову.

— Ежели работать на тебя да помочь чем,—сил не пожалую своих. Только в избу сюда не вернусь; ты сам по себе, а я сама по себе. Нам с Тишей другая вышла дорога. Потому, как Денис Изотович сказывал—отцы наши в болоте родились, тинной да грязью до макушки покрыты, окромя, как в стоячей воде, нигде дышать не могут, а мы бурей рожденные, нам дорога другая.

— Слышал?—задыхаясь от гнева, глухо прохрипел Прохор.—Ты! Ты это все! Сыном, сказываешь, приходишься мне? Врешь! Хуже разбойника...

И теряя власть над собой, уже кричал полным голосом: — Хуже разбойника! Кровапивец!

Схватил сына за ворот, взвизгивал, брызгая пеной в лицо: — Прикажи! Тебе говорю! Прикажи ей к дому вернуться!

Тиша легким движением вырвался от отца, подал глазами знак сестре—уходить.

— Прощай,—обронил на ходу, не поворачиваясь к отцу, и пошел из избы.

Остро полоснул Прохора по сердцу гнев, зеленой волной залило лицо, бросился вдогонку за сыном, но у двери подкосились вдруг ноги, и по телу разлилась смертельная слабость.

— Подожди, еще свидимся!—крикнул, собрав последние остатки сил и, уцепившись за косяк, чтобы не упасть, медленно опустился на подставленный Марьюшкой табурет.

Тиша вышагивал по снегу, руки назад заложил, нахмурился, что-то обдумывал и только у самой читальни заговорил с сестрой.

— Главное, от тебя отвязался. Взойдет теперь в ум, приставать перестанет.

— Чтой-то не видно по нем.

— Не, понял, что здря только кровь себе будет портить. По-моему, должен отстать. Не даром же в упокойники нас записал.

Денис Изотович из окна увидел гостей, вышел навстречу.

— Совсем?

— Как есть, товарищ Изотыч, окончательно и совсем.

— Чтой-ж вы невеселы будто?

— С отцом на прощанье разговор крупный держали. Да я ничего. Это вот—она нюни нивесть с чего распустила.

Даша с улыбкой взглянула на брата.

— Сам всю дорогу тучей смотрел, а на меня же показывает. И вовсе не печалилась я. Так только—измаялась больно, в себя взойти не могу.

В читальне любопытно огляделась по сторонам.

— А у вас тут без меня по-новому стало: полочки, шкапчики, картины разные понавешены. И стола-то этого с клеенкой как-быдто бы не было? Ходят читать-то?

— Конечно.

— И учатся?

— Само собою.

— Вот пропустила-то много я.

— Ничего. Ваше от вас не уйдет.

— Да вы в комнату проходите. Сейчас чай пить будем. Отдохнете, тогда и поговорим.

— Где же это товарищ Тоня запропастилась?—спросил Тиша, пропуская вперед сестру и Дениса Изотовича.

— Власову пошла проводить. Сейчас дома будет... Да вот и она—легка на помине.

— Батюшки, наши вернулись!—всплеснула руками учительница.—Когда это вы успели? Вот хорошо-то! А вы мне, товарищ Даша, вот как нужны,—до разреза!

— Да подождите вы, дайте раньше людям чаю напиться!—вмешался Денис Изотович.

— Что же это я, в самом деле!

И не слушая возражений, выбежала из комнаты разогреть чай.

— Какая это Власова приходила?—вспомнила Даша за чаем.

— Солдатка. Вы ее знаете.

— Тоня-то? Как же не знать?

— Вот и будут теперь две у нас: Тоня и Тоня. Спутаемся еще чего доброго,—рассмеялась товарищ Тоня.

— Как то-есть две у нас?—не поняла Даша.

— Ах, да! Я не рассказывала вам. Дело в том, что еще пока ничего неизвестно. Все зависит от вас. Согласитесь, товарищ Даша, и я соглашусь, а не согласитесь, придумаем что-нибудь.

— Да про что вы?

— Про то, чтобы Власова к нам переехала. Не понимаете? Ну, ладно, слушайте. И для меня это явилось приятной неожиданностью. Приходила только что, за полчаса до вас, Тоня с предложением: Я, говорит, в ячейку хочу, только с одним уговором, чтобы и жить вместе с вами. Избу отцу отдам, а сама к вам, чтобы, значит, работать артелью. Принимаете?

Тиша насмешливо прищурился, посмотрел через окошко на двор.

— И не разглядишь-то вашу усадьбу. Очки бы, что ли, надеть. Где-ж тут работать артелью и в таком-то хозяйстве? И малому нечего делать.

Даша неожиданно всплеснула руками.

— Ну и придумала-ж ловко. Ай-да Танюша!

— Чему обрадовалась, не знаю? Предложение, сам знаю, надо бы лучше, да некуда, только толку не выйдет при нашем хозяйстве. Придет это Власова от полного сердца, потолкается и назад уйдет. Это нам в убыток, товарищи,—резонно заметил Тиша.—Надо так, чтобы, в самом деле, по праву пришлось новому товарищу в артели-то, чтобы работа всегда под рукой была настоящая, с пользой для головы и для рук...

— А кто тебе сказал, что нам тут бесспорно заказано жить, да без всякого хозяйства крестьянского?—спросила задорно Даша.—Не справимся, думаешь?

И, поспешно поднимаясь из-за стола, направилась к двери.

— Куда?

— За Власовой, товарищ Тоня. А с ними,—она кивнула в сторону мужчин,—и советоваться не желаю. Мы им покажем, как заживем еще.

Через полчаса девушка вернулась с Власовой и тотчас же всей компанией отправились на самый конец села.

— В этой избе и жить будем,—объявила торжественно Даша.

— Без окон-то, без дверей?

— Погоди, Тиша, сунешься к нам в гости—не пустим.

— Загордился индюк, в щи просунувшись!

— Посмотрим! Только женщин и примем в коммуны.

Товарищ Тоня многозначительно переглянулась с Денисом Изотовичем.—Да, ведь, это идея! Артель женщин-крестьянок!

Заговорили все в один голос, заспорили. Вернувшись домой и обсудив хорошенько мысль Даши, решили приступить срочно к делу.

Через несколько дней полуразрушенная изба и несколько десятин неудобной земли были переданы Земотделом в пользование первой в селе женской артели.

Перед избой, на красной доске, было выведено:

ДОМ НОВОЙ КРЕСТЬЯНКИ.

Толпами собирались крестьяне у доски, перемигивались, шутили, девушек гнали прочь, вечерами бранились:—По Дашкиному пути потянула! Я-те не Прохор, все косы повыдергаю. Таку свободу поддам...

(Продолжение в след. №).

КОМАРОВ.

Из нефти.

Заиграли гудки. Пробудилась зоря,
В шубку из туч завернулась,
Щеки холодным румянцем горят,
В пар окунулась.

Выходят в мазутиных рубахах. „Ефим,
Позавтракал?—нам по пути“.
Навстречу нефтяное озеро им
Зеленой улыбкой блестит.

Пришли. Запыхтели моторы.
Ремни на шкивах заплесали,
И по желонке проворно
Зайчики побежали.

Вихрем желонка ринулась вниз,
Канат скрипя вышку качает.
„Тише ты, черт, не сорвись“—
Сердито тартавший бросает.

И закипела работа,
Труд для себя здоров.
Эх! Трудовая рота
В царстве своих трудов.

Алеет мазутная сень,
Крепнет дело и слово.
Кончается день
И снова—

Ночь. Молчаньем дышат горы.
Пар несется к небесам,
А по долинам здесь и там
Переключаются моторы.

В. К.—В.

Шабаш.

Кисть прошлась последний раз по раме,
И устало бросилась в кружку.
Ведь не даром ходит спозаранок—
Уморилась бедная подружка.

Солнце медными лучами полыхнуло
Мне в глаза кармину налило,—
А потом лукаво ухмыльнулось
И лучи за тучки увело.

Нахлобучив шапку темно-синюю,
Вечер сторожем по улице ходил,
Искупал я кисти в керосине,
Спать до новой зорьки уложил.

Ветерок, ворча как пес, обнюхал
Шею, грудь усталую мою,
И, промчавшись нежно мимо уха,
Лег в траве и песню затянул.

Я шагаю в глубину потемок,
Мысли завтрашней зарей полны.
Тишина глотает каждый шорох,
Каждый шаг мой, тише тишины.

Лишь желонке барабан звенящий
Поцелуй звонкие дарил.
А по улице, упрятав день палящий,
Вечер сторожем ночным ходил.

А. МАКАРОВ

Карьера товарища Османа.

I.

Едет по морю турка, на затылке — феска. Лицо — кора обгорелая. Паруса горбатые, коричневые. Под ними фелюга запахивает кудрявую волну, брызжется. Сидит турка на корме, ноги по-турецки. Гнусит одному ему понятную песню, хлопает в ладоши, припевает: „Амба, амба-ач!“...

На носу греки — народ проворный. Подняли громадные счеты, перевертывают товар. Глядит турка на хозяйские кумачовые наряды. У бугшприта голубой горизонт то отступит, то подымется. Хорошо над волнами петь: „Амба, амба, амба-ач!“...

Хозяйская рука тяжелая. Счеты в кубрик. Сидят на ящиках, пьют вино, камбалу едят; золотистая шкурка по ветру летит. У турки глаза вспыхнули; опустил конец паруса, заполоскал.

— „О какой народ нехороший, — думает турка, — сами все пьют и едят, в рестораны ходят, а его, турку, пресными лепешками кормят, русской жижицей — чаем балуют!“...

Хочется турке розового ералашу и восточной музыки с короткими строчками. Ох, горька жизнь у бедного турки! Амбач, амбач, амба-ач...

Ударилась о ялтинский мол, причал на берег. Хозяева в город пошли, а его, турку, дремать оставили. Утром разбудили рано груз таскать: ящики, мешки, корзины. Арба длинная, колеса высокие, по самые хвосты. Глядят быки на турку ненавидящими глазами, лениво жуют солому. Трещит под тяжестью арба, турка бежит с полклажею.

II.

Как попал турка в горы, этого он и сам не знает.

Топили матросы человека в золотой рубахе, топил его и турка. Пришли солдаты, прикладами били, стреляли. Матросы бежали, и турка бежал...

Отдыхали под скалами, пили вино, через костер прыгали; к вечеру научился турка ругаться по-матерно.

Приходила ночью девушка, глаза — блестящие угли, белки глаз — рыба чешуя, серебристая. Ох, как сладко глядеть быто турке... Много девушка говорила, разводила руками вниз, к морю, и под самые звезды. Потом подвязывала голубой татарский шарф, матросы держали зеркальце. Пошла, и все пошли на кражи, на кручи, под самые звезды. Узнал турка еще одно слово: комсомола. Ночевали в зеленой пещере,

на душистых ветках. За каменным столом человек в очках писал при свете фонарика. В углу винтовки с блестящими затворами. Поел турка горячей картошки и лег к матросам; женщины ушли вглубь — юбки широкие, с рассеянными просторами. Снялась турке Нур-Задэ, с косами ночного цвета, с голубым отливом. Луна в небе — кривой нож. Хорошие сны — вторая жизнь. Чужие руки встряхнули турку, оборвался сон, как струна...

Вывели из пещеры, посадили на скалы, а в руки — винтовку. Рядом матросик с наганом и трубкой, ладонью огонь загораживает. Учит матрос турку:

— Ты, товарищ?...

— Сыщи адам!

Говорят по-разному, а друг друга понимают. Внизу настороженная тишина.

На рассвете море позеленело; все тропинки и скалы, как на ладони. Идет дряхлый татарин, на подбородке седой клочок, щеки худые, бритые. Вышел на открытое место, снял ермолку с лысой головы, надел на палку, помахал на горы, заталалакал. Взял матрос старика за руки, помог пройти по глухой заросли. За скалами стояла смена.

Матрос свистнул в два пальца, из пещеры вышел Прилукьянов с кусочком глины на очках. Старик кашлял в руку и крутил головой.

— Дочь моя, Нур-Задэ, хочу взять домой... нехорошо татарской девушка жить по воле...

— Видишь, отец, — подсаживался Прилукьянов, говорил долго и дельно, сухумским табаком друг друга угощали, а слова вразрез шли: против воды гладили — весь рукав заливало.

— Воля крепкая ее, а не твоя, отец...

— Татарский девушка не русский девушка... Как ишаку скажу: домой пошел... и пошел.

Прилукьянов помахал платком на пещеру; вышла Нур-Задэ; в слосах оранжевые маки. Приветливо подержала отцовскую руку. Татарская речь урывчатая заиграла на губах. Старик грозился желтым бескровным пальцем, плевал на землю, кидал костыль; наклонялся до самой земли, подымал шепотом пылинку, подносил к лицу Нур-Задэ. От злости отворачивался, на сизом лице выступила краска.

Оборвал татарскую речь и совсем спокойно закурил; поперхнулся дымом, ударил ладонью Прилукьянова:

— Прогоните ее!

— Эх, старик, живи по-божьему, скорей помремь!...

— Ваша верно, по-божьему жить не годится... Люди тебя обманул, люди тебя обидел... У тебя очки на глазу, у меня сердце близко. Очки без глазу не видят, сердце без меня не живет. Мои руки стары, две молодые руки держал для старости...

— Говоришь ты, старик, цветно и ласково, только нам помирать пора, уж пусть они живут, а как живут — дело ихнее...

Вскочил татарин в густые заросли, выкинул оттуда лопочущую неразбериху и скрылся.

От солнца под листьями зеленый свет. По следам старика в зеленом свете потонули быстроглазые матросы. Когда Нур-Задэ перевела стариковскую угрозу, все пошли сговариваться. Заспанный турка лежал под деревом, голова на прикладе.

Угроза старика встревожила женщин, а к вечеру и мужчины решили послать за стариком слежку. И когда солнце, играя косыми лучами, село за Ай-Петри, матросы и турка вышли из пещеры.

Совали турке в руки наган, он беспомощно пожимал плечами и клал наган на рьяные камни.

— Нельзя же человека пустить без оружия, — тосковал При-
лукьянов.

Нур-Задэ стояла у костра и щипала серых голубей для ужина. Прислушалась к разговору, лицо ее осунулось, нос сгорбился... Потом прошла вглубь пещеры и вынесла короткий нож с козьей ножкой. Вложила в круглую пятерню турки, хотела улыбнуться, да не вышло, глаза округлились и были неподвижны. Поглядела на синий морской простор, подняла с земли обрывок газеты, стала читать...

Уходивших напутствовал Прилукьянов:

— Значит, сегодня встречаемся в Ласточкином Гнезде. Смотрите не забудьте, ребята!

III.

Крымские ночи черные — глаз коли. Над морем туманная муть только по огням узнаешь неподвижные остовы судов. В такие ночи сладко спится татарину в черешневом саду. С полночи смолкают звуки хайтармы, пьяницы расходятся по саклям и шумят по узким проходам.

От Ялты дорога на дорогу находит. Притихают избы от копытного топота. Беда — перед чьим домом кони заржут, или мотор треснет: тогда под черепичной крышей крик.

— Ты, татарская рожа, жги-говори, куда жену спрятаешь?... угрожает бородастый полковник.

Лицо с подтеками, зеленое, губы брезгливые; на погонах блеск — на шашках блеск.

В дверях офицеры. Наганы черные, холодные ложатся на синий татарский лоб. Жметесь татарин к низенькому дивану, от страха глаза на лоб скачут.

— Баран меня задави, если я жена прятал, на Ай-Петри сама к зеленому ушел...

Глянул полковник за шкаф и вытянул:

— А это что за брюки-клевш?

Слышит татарин, как в нем сердце упало: из глаз слезы брызжут — ясные перстеньки. Захлопали губы, а воздуху нету. Ударил по лицу азиатская кровь. Разозлился и покачал в руках широкие брюки треугольником.

— Матросик был, говорит, могу ты моей нет белым служить, дай веревка, давить пойдешь... А тебе брюки на...

— Про белого бычка рассказываешь...

— Зачем про белого бычка, про матроса говорим...

Блеснул белыми зубами, поднес клеш к полковничьей бороде:

— Убьешь, — ничего не дадим, не убьешь — вино дадим...

Полез наган в глянцевию кобуру.

— Господа офицеры, прошу за стол! Этот бритый мерзавец не больше, как мерзавец...

Вышел Мустафа за порог сакли, сел на корточки, поднял к небу

лицо. Из-за волнистой тучи пробивалась луна.

— Ой, как месячно, ой, как месячно!

Потом широким ногтем начертил на земле два треугольника.

Вскинул на-бок голову, зажмурил глаза и с надрывом, по крымски:

— Ой татары — ханым.

— Ленин бенди — хан...

Спохватился, юркнул в темноту кипарисов, покопался в земле и вышел с четвертью вина.

Крымские ночи — жуткие и чуткие.

— Тс-сс-с...

Мустафа оглянулся. Кто-то длинный и белый лежал в табачной расаде.

— Послушай, я давиться раздумал... На твою веревку, отдай мои клешки.

— Тише, тут офицерма...

Белая тень заклубилась по земле до самого окошка.

— Ты, бритый чорт, уходи... а, впрочем, стой за дверью!

После первого стакана у полковника голос умягчился. Русский барин отхочив: сперва тебя шомполами выпорот, а потом пьяный напьется — о тебе же слезу пустит.

— Голубчик!

У Мустафы нос из двери красный, кривой морковью. Над офицерскими головами табачный дым белым барашком.

Под чинарой грузовик стоит, отнеси шоферу стаканчик!

Мустафа бережно поднял стакан, медленно прошел за стену; в темноте, боясь расплескать, пригубил. Тут матросская рука сжала стакан вместе с татарскими пальцами, и вино заклокотало в широком горле. Выдернул из травы турку и доплеснул ему в рот остатки.

— Теперь мерси, а клешки мои возврати... Не могу же я гулять в одних подштаниках!

Прижался к краю окна, одно ухо длиннее, в самое стекло уходит.

— А вы, господа, поторпливайтесь. В Ласточкином Гнезде мы накроём, пропишем мерзавцам коммунизм... Где скрываться вздумали? Главное дело, врасплох...

Матрос покрутил колючие усики, поднял выкинутые на лунный свет клешки, одевал их и улыбался:

— Колокола вы, колокола — московские!

Сквозь сучья удушливой гвоздики прорезывались звезды. Турка за спиной распутал веревку и приготовил петлю. Спускались осторожно по горной тропинке, заглядывали в темные кипарисы.

Ночи крымские — жуткие и чуткие...

Под чинарами, на грузовике, сонный шофер согнулся калачом. Обернулся — в зубах папироска, очки на фуражке; выпрямился — рука на рожок. Матрос нагнулся в упор: глаза тревожные.

— Братишка, сопротивляться будешь? Говори до-разу...

— Мы што-ж, люди подневольные... — тянет медленно, голосом погорельца.

— Скидавай пинжак, картуз, рукавицы!

— А в оправдание твое мы тебя свяжем, а рот черешней заткнем... Если пикнешь, дело плохо будет! Теперь в кусты, под гору: завтра кто-нибудь развяжет.

— Что-ж, наше дело маленькое...

— Не маленькое, а ты тряпка!

Пробовал шофер улыбаться, да вместо смеха горечь на лице.

— Вы коммунисты изволите быть?

— А вы кто изволите быть? Лежи и не пикни!.. Турка затягивал последний узел на спине шофера.

Матрос недоволен:

— В этом Крыму редко когда росу найдешь — нечем голову освежить...

Плюнул на гранатовый цвет, и пошел. Достал из брюк поларшинную трубку, задымил. Турка прыгнул на грузовик, глянул—луна бисером по морю. И вспомнил турка древний Стамбул, куда он водил моторные фелюги.

— „Красота,—думает матрос,—широкий клеш“...

Вскоре грузные и мерные шаги всколыхнули тишину.

Дюжина молчаливых солдат стала, обняв винтовки.

— Покуры, ребята!

Старшой, приземистый, юркий застучал по голой земле и пропал в зелени.

— Малье-бы теперь дома сидеть...

— Посидишь в таком содоме!

Глаза тусклые, хмурые. Присели, задымили папироски.

Турка влез в рукавицы, очки и пинжак...

— Природа здесь, слов нет, картинная—жует солдатик.

А вот на севере, так та мудрая.

— Вологодским лыком пахнет!

Разговор затих, стучат шаги по голой земле, торопкие.

— Садись на грузовик!—выскочил из кустов старшой, утирая бо-роду. Полковника посадили к шоферу.

— Крути!

Матрос махнул рукой из кипарисов...

Сперва рвался kloкочущий рык, бензиновый смрад шел по головам. Мотор била лихорадка. Колеса медленно выходили на дорогу. Улицы узкие, с каменными оградами. Над острым минаретом синий воздух. Останавливались у черепичных крыш, кого-то колотили, целовали; выносили шоферу стаканчик. Шофер пил, кричал и матершинничал.

На рассвете вынеслись за беседый маяк; дорожная извилистая лента шла над скалами. За мотором гнался клубень пыли, скорость усиливалась, росла. От быстроты кружило головы, борты качкою вверх, вниз. Шышки тычутся. Вверху синь, внизу синь. На повороте руль виляет, задние колеса сгребают камни. Борт с размаху об стену, голова об голову, как черепки. Кровь в рукава жаркая.

— Ляд тебе в горло, в толкачи играешь!..

Колотят прикладами будку. Полковника тошнило, повис на ручке. Из радиатора пар. Трещат цилиндры, рвутся, дым коромыслом,—песок гонит. Малиновый околыш завился винтом по скалам.

Рука выше погона: наганом—бух!..

Турка ногой на руль, руками в сучья,—висит, болтается... Впе-реди кружилась мгла.

IV.

Алексей Сергееч Прилукьянов имел на своем веку два раза Сиби-рь, Архангельск, 30 тюрем, очень хороший крепкий ревматизм, ту-беркулез, хорошо увеличивающие очки, растрепанную шевелюру, ре-денькую бородку, опущенные книзу усы, немного вздернутый нос баб-кой и насмешливые глаза.

— Да с!..—говаривал Алексей Сергееч—хорошо бы проснуться у-тром и увидеть: вся земля покрыта ананасами и курятиной; экая земля! редьку—и ту с трудом вырастишь. Думал, приеду в Крым, разведу виноград, посажу табак, буду пить виноградное вино и курить, а тут в одном кармане наган, а в другом—страсти.

Сзади шла Нур-Задэ,—дочь света, молодая татарка, глаза—черные угли—блеснет—огня не надо. Голос хрипатый, а поет—серебром звенит: „Солнце всходит,—сердце мое радуется“,—тюремная татарская песня, вином полита, грустью расписана.

— Нур-Задэ, откуда у нас матрос, который с туркой ходит?

— Я его спрашивала, говорит—прибыл из страны медных са-моваров.

— Тульский озорник!

Дорога шла вниз густою зеленью, в море катерок чуть брезжил огнями. Ласточкино Гнездо—маленький каменный столбушек на гигант-ской скале, обрывом у самого моря, с круглыми балконами.

Вошли в третий этаж,—глухая комната без окон, лампа-молния, керосин гудит. Сидят люди, дышат папиросами, на стенах желтые отливны света...

Сидит Алексей Сергееч Прилукьянов спокойно, как в санях, чер-тит карандашом по бумаге:—Здесь у нас двадцать, там десять, в общей сложности...

Женщины разносили чай, красный, как малиновый сок. На лест-нице задыхаются люди; ступеньки с скрипучим горлом; блеснули матросские ленты, трубку в рот—руки в карман, турка потянулся за чаем.

Матрос махнул рукой:—Сбирайтесь, нужно бежать. Все засуети-лись; у женщин юбки широкие, с рассеянными просторами. Плюнул матрос с балкона, потер пальцами обгорелую трубку.

— А хорошую им баню турка устроил!

Над скалистыми зубьями Ай-Петри осыпалась и росла заря.

— Так я и знал, что незладно—подергивал карманы Прилукьянов.— Ни одна связь не пришла... Свежо.—Брыкнул губами и побежал вперед. Самой последней вышла Нур-Задэ—дочь света.

V.

Дом старого Абдулы из точеного камня. На плоской крыше—цветочные ящики. На пригорке рыжий телок за ногу привязан. Жует телок зеленые крючки, винтики, такая в Крыму трава есть.

Старые жены Абдулы разносят воду в глиняных кувшинах по молодой рассадке и поливают мелкую зелень.

Голоса женщин мычливые и скучные. Может, от этих голосов и затосковал старый Абдула. Все чаще ложится он на диван на низень-ких ножках; об еде не думается, на катык и брызгу—глаза не глядят. Нур-Задэ—дочь света,—„Солнце всходит, сердце мое радуется“,—бывало поет татарскую песню—серебром звенит. Чернокожая, ноги, с козлиной проворностью, шлепают по горячей пыли. Лицо—цвета желтого осен-него солнца, когда оно кутается в туманы „Чатыр-Дага“.

Жили спокойно, как спокойны кипарисы у высокой ограды. Сперва в порту пошел человеческий лом, топили, давили, жгли, стре-ляли; потом пришли к татарам, взяли со стойлов коней, да верхами через горные хребты, в степную глубь. Навстречу им шумят сухие ко-выли, ломаются под копытами.

От брани и пожарами тесно на полуострове.

На горах под каждым кустом бандиты кишат, на зубастом Ай-Петри зеленые; в пещерах скрываются красные.

Попросилась к старому Абдуле женщина в дом пожить, садилась Нур-Задэ на диван с низенькими ножками, читали вместе и много го-

ворили; следил Абдула, но женщина была простая, жарила на углях каштаны и кормила старого Абдула. Пожила женщина, а уходить стала—и Нур-Задэ с собой увела. Старик не соглашался, грозил властям передать, а приневолить не смел: как шайтан, лих женский язык; купил с горя новые чуваки и сидел под черешней Мустафы.

А вчера не стерпел Абдула, раздраженный пришел домой; прибил старуху Салых. Надел длиннополый сюртук, плюсовую шапочку, глянул в старушечье зеркальце—на лбу гармошка из морщин, глаза ввалились—мутные лужицы.

Был у полковника Несолоного, сробел, а как глянул—такой же трясущийся старичок, как Абдула, стоит, опираясь плечом на костыль, такие же глаза—мутные лужицы, только борода седая двумя клиньями на грудь.

Сел в лохматое креслице, топнул от злости больной ногой и застонал—ревматизм!

На стене в рамках за стеклами brave генералы глядят свирепо... Вошел адъютант, молодой, франтоватый, в белом кителе, тербит пальцами бронзовую пуговицу; записывает равнодушно, голос вялый, будто спроста:—Э-х, мол, тоска смертельная!

Лежит Абдула на диванчике и ждет, пришлет за ним офицер... И пойдет Абдула на лысые горы проводником, отдать свою дочь на поругание.

VI.

В буйной зелени длинная гряда лиловых камней лежит дорогою в горы. У края дороги глинистый обрыв, звенит в овраге ручей, манит солдат отдохнуть, прилечь в буйные заросли, поиграть руками в серебре воды.

Идет старик впереди звозда, шагает за глухим костылем в далекую потайную пещеру.

Несут солдаты винтовки, как ухваты—заложив за шею, и кроют Абдулу в морщины, в плешь, в седину.

Хоть бы его змея укусила!..

Офицерский картуз новый, с тугой проволокой на донышке:—

— Эй, малиновые головы, гляди чортом, взводнай!

Подпрыгнул взводный с камня на камень:

— Ты смотри за старой хворостиной, с глаз не спущай, они татары, тово... у леса цепочку пусти!

Идет Абдула, и жаль ему своей дочери—жаль своей крови; поздно спохватился старик, под сердцем черви шевелятся; отказать—пытать начнут, головой о сосны бить, на руках понесут, и не стерпит Абдула—покажет зеленое убежище.

Подожли к самому обрыву и столпились: через овраг две сосны перекинуты.

— Татарин, передом!—скомандовал офицер; предложил Абдуле папироску, не берет... И видит офицер, как будто старика ему кто подменил, это не тот старик—сутулый, дряхлый, с маленькими дымчатыми глазками, а стоит перед ним старик с суровой сединой, с библейскими глазами.

Пробовал с ним пошутить: поднял строгий костыль—уйди от меня!

Под ногами бронзовые сосны скользят.

Татарские песни с надрывом и гиканьем...

— О, Нур-Задэ! Нур-Задэ...—вздыхает по-песенному старый Абдула. На дне оврага остролюбые камни; сошли с бревен, цепляются за рукава колючий шиповник, больно руке—боль в сердце; поравня-

лись с кустами, и захолонуло в сердце: неподвижна в густой зелени турецкая феска... Прикинул рукой расстояние, выпрыгнул из кустов, толкнул ножик в грудь, заплакал Абдула старыми слезами, ударился плечом о лавровое дерево, трава теплая, и кровь теплая; торчит в груди козья ножка... и первый раз увидел старик мир по-новому, в раскрытых глазах голубые капельки неба.

Гнались солдаты за матросом, кидали над головами, как голубей, сизые ружейные флеры. А после столпились:—Да рази это война, одно томление.

Катали турку по земле, били ногами, толкали прикладами, потом надоело, плевали на кровавое лицо и тут же легли отдыхать...

Вытащил офицер из татарской груди нож, вытер клинок о траву, срезал тонкую трость, поковырял кончиком у турки в носу, чихнул турка.

— О, ребята, большевик жив, он нам нужен, нести придется!

С досадой подымали турку на плечи, голова на-весе, феска в ногах запуталась. На привалах устраивали турке щипанцы-рванцы, отпускали на гривенник деру, горячую порцию щелчков лопатчатыми пальцами по лбу, оттягивали на животе кожу и отрубали банки. Визжал турка, корчился, а погом был спокоен; затосковало его лицо, над запрокинутой головой кровавый туман, кровавые сумерки. Бред, как чалма, закручивался в голове, и видел турка апельсиновые рощи своей родины...

— Амбач, амбач, амба-ач!..

VII.

Первую неделю турку не трогали. Сидел он в каменном подвальчике, заменявшем тюрьму; ставили ему в крошечное отверстие хлеба и воду. Чертил турка на стене углем полумесяц и звезду.

А сегодня вызвали на допрос; выскочил из руки уголек, сжался турка, тупо поглядел на конвойных, отвернулся и прошел мимо винтовок. Сзади по его следам хрустели шпоры.

Привели в светлую комнату с жестким диваном и столом.

— Как зовут?

Молчит турка, уставился в капитанские усы; пожелтел капитан, позвал переводчика. Положил турка себе на губу палец, косо глядит на переводчика, и ни слова. Загляделся на стол: рядом с чернильницей лежит письменник, на обложке красавица, и капитан глядит на красавицу.

Потом красавицей турку по щекам...

Выбросил из стола нож с козьей ножкой:

— Это твоя штучка?

Поднес переводчик к жирному лицу сталь и засмеялся. Турка замахал курчавой головой и протянул руки к ножу, но тут же получил по рукам.

Вывели турку на двор, положили на пенек, капитан в окне покручивал табачные усы. Командовал с расстановкой:

— Заставьте говорить!..

Стены двора узкие и белые, как стены мечети; рад пленник горячему солнышку, воробью, взлетевшему на стену. Зацепил в руку горсточку травы,—ах, теперь бы ему на зеленые волны...

Пороть собирались с шутками, с приговорами; сперва шомполами посверкали по солнцу, а потом жвыкнули по туркиной спине. Завопил, заерзал коленями...

— Сиз голубчик мой, жалко расстаться с тобой!...— припевали сзади, кланяясь по самую спину. Выступила кровь на шомполе, окатала землю, спина в багряной росписи...

— Алла-а!... зывал бедный турка...

По окрестности крик сухой и жгучий. Женщины становятся кувшины с водой на дорогу и подвывают скорбными голосами. Очнувшись и припав к голубому отверстию. Что-то сзади зашуршало, пробежала по телу противная дрожь. Оглянулся, — две темные крысы с зелеными огоньками пили кровавую лужу, потом прыгали друг на друга, поиграли огоньками и пропали.

Заглядывал в окошко часовой, удивился турка: лицо ласковое. Насыпал на бумажку табаку, просунул спички.

— Жалко мне тебя, ты хоть по своей воле на это пошел, а я, што мне прикажут, то и делай; как, например, тебе: говорить не приказано — бьют, а молчишь, так и мое дело...

Закручивал турка цыгарку, руки трясутся, а солдат прилип к самому отверстию. Борода круглая, щеки красные, бритые.

— Мое начальство што? Набедокурили тут, да бежать собираются, мечутся, как угорелые, не знают, куда деваться. Татары говорят, ваши Перекоп взяли; они-то убегут, а мы оставайся, да за все отвечай...

Турка разговора не понимал, но по голосу чувствовал, что перед ним заискивают. Потыкался часовой сизым носом о камень:

— Вот, браток, дела-то каки. Сам-то я дальний, в моей стороне березы растут; затащили меня сюда силой... И зачем, сам не знаю. У тебя хоть, как господа говорят, идеи есть, а у меня никаких идей нет!...

Выпил турка из банки глоток воды; запах жести напомнил запах крови, и почувствовал турка в спине режущую боль. Застонал, приложил ладони к лицу, — в глазах багровые круги, и туман густой на весь подвал. Сдавил горло, дышать трудно, забило лихорадкой тело, свернуло винтом, а после все было спокойно...

Очнувшись турка ночью от острой боли под икрами. Двинул ногой, — заиграли во тьме зеленые огоньки. Шуршат по углам, скрипят зубами, писк, визг над самой головой. Сорвались с полки и по ногам. По телу противная дрожь... Стучит турка банкой о стену, — часового за окошком нет, и чувствует турка пустоту всего дома. Пробует заснуть, но каждый раз жуткий шорох открывает глаза. Только на свете, когда ни визга, ни скребучего шороха, свалился турка в полузабытии на подоконник, ноги по-турецки, шевелит ветер на макушке волосья. Утренний сон сладок: приехал турка в Бахмут, покупает у перса белые, розовые, легкие, как воздух, восточные сласти. Потом плыл по Золотому Рогу, любовался на белоснежные минареты.

Стукнулась фелюга о пристань, таскает турка ящики на скрипучую арбу, ударил о чугунные перила ящик, зазвенели бутылки, потекло вино, и стала лужа кровью с розовым туманом. Погнались за ним греки, упали ему на спину и стали душить.

Вскочил турка и проснулся; за дверью сшибали замки.

Заскрипела дверная ржавчина, замолели татары быстро, по-жонглерски, потом на турку по-русски:

— Вещи какие есть?

Махнул турка рукой, глядел бессмысленно и всего ждал покорно.

— Белый бежал, скоро ваша придет, тебя к нам возьмем, а то за тебя плохо буде...

Сложили руки крест-на-крест, приподняли турку и понесли. Крымская заря разлилась по высокой ограде из дикого камня, подожгла черепичные крыши и подняла дорожную пыль малиновой радугой.

Турка заснул.

VIII.

Сидит товарищ Осман в Восточном Институте за столом профсекций, выводит лиловыми чернилами — „1924 год“. Волоса на голове — курчавый барашек, нос орлиный, глаза орлиные, а лицо бритое, в темных морщинках. Глянул в папку с концертными билетами — синие и красные; сует в протянутые ладони. Брови черней чернильницы нахмурил на полученную книгу, раскрыл — не разрезана. Снял с кавказского ремня нож с козьей ножкой, чиркает, как спичкой, по страницам.

— Товарищ, возьмите книжку!

— В наш группком?

Видит Осман, — глаза черные угли... Вспыхнуло лицо Нур-Задэ, потемнело, зарыбило вокруг... „Солнце всходит, сердце мое радуется“... И был день, как тогда, в зеленой пещере.

Дрогнули ресницы горячим серебром, и скатилась неосторожная слезинка... „Солнце всходит, сердце мое радуется“...

— Ничего, ничего, товарищ Нур-Задэ, вот ваш нож!...

П. ЧИХАЧЕВ

Из цикла „Земля“.

Я каждый новый день,—
Я каждый новый год
Встречаю радостью и песнею весенней,
Земля цветет в распесканном цветенье
И зеленеет поле —
у моих ворот.

В зеленом шопоте краснеющих рябин
Я слышу песни, слышу разговоры,
Под солнцем греются разбитые заборы.
И запах меда расплескал овин.

Дрожит под солнцем каждый тонкий лист.
И в каждом шорохе я слышу пенье.
Ведь, каждый куст—простое украшение,
Ведь, каждый человек—любимый сын земли.

И, может, в скопище бесчисленных планет
Нет пышных тополей и не струятся реки.
А здесь, ведь, в каждом человеке
Есть и рабочий и поэт.

И вот дома!..—
Как каменные корабли.
Машин стальных стальное пенье,
И каждый куст—зеленое цветенье,
И каждый человек—любимый сын земли.

А этот клен,—он на меня похож!
Своей зеленою курчавой головою,
В глазах цветет и зеленеет поле,
И зреет колосом волнистым рожь.

И каждый на земле почтенный гость,—
А вместе с тем всему хозяин
И на лицо зеленое окраин
Бросает каждый—
желтых зерен горсть.

А в городах—
дома, как корабли.
А фонари, и свет, и украшение
Машин стальных—стальное пенье,
И каждый человек—любимый сын земли.

ГЕОРГИЙ НИКИФОРОВ.

Великая победа.

Рассказ

Служит помощником главного кассира железнодорожного управления, лет тридцать служит. А что значит кассир? Еще вчера это было так, между прочим, ерунда. Теперь, известно, не то. Ну, а если бы спросить Павла Петровича Пушкина, лет десяток назад, он так бы и ответил: ерунда!..

Сто тысяч приданого за женой, да еще дача, да... Положим, приятно ли перечислять, когда этого уже нет?.. Ах! корова слизнула, т.е. не корова, а эта... Павел Петрович дальше не распространялся.

Посмотрите вы на Павла Петровича: к примеру его спина. Кто бы сказал, что это спина? Не спина, а спиральная пружина, до того эластичная, что может кланяться: вправо, влево, прямо... универсальная спина. А улыбка? Целая симфония. А лицо? Э, нет! все равно не изобразишь. Тут бы музыку: певучую, нежную, а мотив: че-го и-з-во-ли-те. За-ме-ча-тель-но-е лицо...

Вы что? По-вашему у человека должно быть другое лицо? Чорта с два...

Спрашивают:—„Павел Петрович! есть папиросы?“

— „Пожалуйте-с, сию минуточку.“

Или:—„Я вам принесу-с, вечером-с. Вот...“

Как тут с другим лицом?

Павел Петрович—тип приспособившихся.

Он торгует папиросами в разнос между служащими правления, где работает сам.

Служит и торгует.

Но десять лет тому назад: чистое белье, изящные костюмы. Да, ведь, как же: с женой, десятилетней дочкой, плюс: горничная, няня и кухарка, расходовалось 300—400 рублей в месяц. Это была жизнь!..

Должность кассира с жалованьем в 75 рублей, в довоенное время, для Павла Петровича, нужна ли была? Не нужна, но надо же было быть чем-нибудь занятым? А потом: все же эта должность считалась государственной. Вот, ведь, что.

Конечно, между Павлом Петровичем довоенным и теперешним никакого сходства нет. Прежний-то Павел Петрович такой был важный, с гордо выпрямленной спиной, со снисходительно-покровительственной улыбкой и барскими манерами, но осенью 1917 года умер этот барин и стал жить другой Павел Петрович, с униженно-застывающей улыбкой и универсальной, пружинной спиной.

Время, когда особенным шиком считалось иметь на спине мешок и прокатиться, с комфортом, на крыше вагона, произвело на него довольно сильное впечатление и перекроило до неузнаваемости.

Павел Петрович, мечтавший во время оно о свободе, когда это было даже модно в приличном либеральном обществе, полагал, что эта свобода доставит ему некоторое этакое удовольствие видеть приходящего за его столом лакея в белых перчатках, корректного и воспитанного в духе подобающего почтения к своим милостивым господам. Но чтобы отнять у него дачу и заставить его работать ради куска хлеба? Нет, это не укладывалось в голове Пушкина и, во всяком случае, в программу его „свободолюбивой“ натуры не входило...

Павел Петрович торгует. Понятное дело: с саквояжем в руках, доверху с папиросами собственной набивки. Ему каждый день до занятия необходимо обежать все отделы и подотделы пятиэтажного здания управления. Он трудолюбив, он зарабатывает... В праздничный день, за столом пирожок, закусочка, чай и все. Он принимает усиленные меры к тому, чтобы сохранилась атмосфера прошлого уюта, комфорта и не нарушался привычный порядок: хождение в церковь, грошевое приличие и проч. А его жена, Софья Борисовна, продолжает еще быть прежней, правда, немножко потрепанной стихиями, барыней.

Павел Петрович ухитряется держать для нее прислугу и называет жену нежным именем: мамуся.

Главное — тон.

Утром непременно: — Что сегодня к обеду, Павлик?

— А не знаю, мамуся, уж ты сама, мамуся!

По уходе Павла Петровича долго совещается с прислугой об обеде.

Обед самый обыкновенный, но надо же выдержать марку. Кроме того, Софья Борисовна заботится о воспитании их единственной дочки Танечки. Она дает ей уроки практической жизни. Совещания по хозяйству ведутся непременно при участии Танечки, но Танечка, ученица школы второй ступени, плохо слушает, рассеяна и не вникает.

Скажет: — Фу! какая интересная штука.

— Ты не слушаешь?

— Нет. — И убежит в свою комнату...

Софья Борисовна жалуется своим прежним знакомым: — Ах! как трудно в теперешнее время воспитать ребенка.

Сочувственно вздыхают.

— И не говорите, дорогая Софья Борисовна, и не говорите. Такое вступление.

Разговор нанизывается привычными словами; говорят обо всем: прежде всего — воспоминания, прежде всего — гимн прошлому, такому близкому и далекому, забываемому... Театры, наряды, сытое довольство, вечера, романы и надуманные, искусственные, но казавшиеся настоящими страдания „возвышенных“ душ.

Театральные жесты и вздохи...

В переживаниях время почти не замечается.

Софья Борисовна не то, что ее Павлик. Она неумолима к этим насильникам, которые...

К этим грубым мужикам...

Она надеется, она ждет, что все вернется и жизнь потечет в старых берегах истории...

Но центр внимания Софьи Борисовны — Танечка

— Вы понимаете, господа, мой ужас? Я вынуждена мириться с ее хождением в „их“ школу. Можете представить, чему там учат? Демонта!

Критический, короткий взгляд в сторону Тани.

— Она огрубела, появились этакie вольные противные манеры... А потом книги. Вы посмотрите, что это за книги, — жуть...

— Мамочка, да я...

— Молчи, молчи, пожалуйста, молчи!

Долго говорит Софья Борисовна, говорит картинно, с увлечением.

Потом было так: кто-то что-то шепнул.

Софья Борисовна решила пойти в школу.

Вернулась расстроенная, недовольная.

Заведующий школой, молодой, вихрастый, в очках, принял ее тут же, среди галдящей толпы учащихся, с которыми он с увлечением играл в чухи.

— Вам что угодно, тов. гражданка?

— Я к вам по делу. Разрешите с вами побеседовать, но... — Софья Борисовна растерянно озиравшись, ребята окружили плотным кольцом. Кто-то узнал Софью Борисовну, и по двору понеслись крики:

— „Таня, Таня, Пушкина!.. Иди, за тобой пришли“.

Заведующий школой пригласил в учительскую.

Отрекомендовалась: — Я — Пушкина. Мне хотелось бы выяснить некоторые вопросы.

— Я вас слушаю. — вежливо ответил заведующий школой. Подвинул стул. — Присаживайтесь, пожалуйста.

Величественное наклонение головы. — Благодарю вас. Видите ли... — Софья Борисовна замаялась.

— У вас в школе учится моя дочь.

— Да, знаю. Девушка очень хорошая, способная, живая...

Голосом, в котором не было радости: — Что вы говорите! Напротив, она мне не нравится, в особенности за последнее время. Я как раз пришла к вам за тем, чтобы обратить ваше внимание именно на ее живость и способности.

И с оттенком тонкой иронии добавила: — Кажется, что ее способности имеют какой-то странный характер?..

— То-есть?

— Ну, как бы вам это... объяснить... Она груба, развязна, и я, к сожалению, совершенно не узнаю в ней девочки порядочного общества.

Заведующий нетерпеливо ерошил волосы и морщился.

— Простите, гражданка, я вас не понимаю: Мы даем учащимся больше, чем когда бы то ни было. Что же касается приличий, то на этот счет у вас, очевидно, существует особое понятие.

Насмешливо закончил:

— Теперь не заведено иметь при школах так-называемых классовых дам, обучавших барышень светскому приличию, этот институт выродился и...

Встала, церемонно-холодно раскланялась.

Нет границ возмущению Софьи Борисовны.

Было жалко смотреть на суетящегося Павла Петровича, когда вечером его мамуся нервничала.

По словам Тани: — „Задавала феферу“...

Ахала, охала, глаза закатывала.

Воды подавал, валерианку капал и словами успокоить старался:

— Мамуся! Да что ты, мамуся?

А мамуся кричала:

— Я не позволю уродовать дитя... Это моя единственная неприкосновенная собственность. Надо ее взять из школы. Можно, наконец, найти частного преподавателя...

Безвольный, мягкотелый Павел Петрович:

— Я, мамуся... Как хочешь, мамуся. Только...

— Знаю, знаю, тебя тревожит вопрос с деньгами. Не беспокойся.

Я, если нужно, продам все, что у меня осталось из золота, но так дальше нельзя. Ты посмотри, что из себя представляет наш ребенок? Она начинает увлекаться этими их... ну, как это там называется?.. манифестациями... и, знаешь, на днях мне говорили, они там у себя проводят какую-то анти... антирелигиозную пропаганду. Ты понимаешь, Павлик?

— Что ты говоришь, мамуся?! Ты меня пугаешь, мамуся. Я... Я не знал. Это...

— Ты не знал, да? Ну, а я отлично знаю.

Вернувшаяся Таня была огорошена сообщением:

— Ты больше не будешь посещать школу.

— Я?..

— Мы уже решили этот вопрос...

Не подготовлена была, растерялась.

— Мама! ведь я...

— Мы уже решили этот вопрос, — подтверждает Павел Петрович.

У Тани в глазах слезы.

Таня сжилась со школой, в школе у нее все, она живет только там, а здесь... Здесь она имеет квартиру, стол... Отец. Мать. Что же общего? Чувствует какую-то невидимую стену взаимного непонимания. Кто из них заглянул за эту стену?.. Мучительно думает: „Как я уйду, — нельзя уйти“...

— Что же ты молчишь? Ты, кажется, плачешь?

Софья Борисовна спрашивает строго-недовольным тоном:

— Я... мне осталось учиться только один год, мама.

— Ах! только один год. — Иронически: — Учиться пропаганде. Да? Политграмоте? Нет, милая, уволь. Куда же уходишь? Ты не хочешь слушать? Павлик! ты видишь?

Павлик виновато разводит руками.

Таня торопится уйти в свою маленькую комнатку. Что будешь отвечать? Нет, отвечать не надо. А мысли, толкаясь, перегоняют одна другую.

Чувствует Таня: бороться с матерью трудно. Дикое — черносотенное упрямство сразу не пойдет на уступки...

С чего это началось?

Во-первых: знакомые Софьи Борисовны видели Таню в рядах комсомола, когда с пением, свистом и задорным гамом тащили размазанных богов на всеожожение, и Таня чуть ли не впереди других, хохоча, размахивала кадильницей и пела.

А во-вторых: вместе с учебниками затащила домой журнал, а на обложке-то саваоф в очках... Мать, конечно, подняла бучу. Но самого главного, того, что Таня была членом школьной ячейки РКСМ, ее „благородные“ родители не знали, иначе столкновение произошло бы двумя годами раньше...

Когда мысли пришли в порядок и волнение улеглось, Таня решила не подчиняться...

На другой день на повестке ячейки, в текущих делах, стоял вопрос об уходе тов. Пушкиной из школы.

Таня сделала краткий информационный доклад: „Товарищи! за все время моего пребывания в школе я старалась скрыть от родителей, что я состою членом нашей ячейки. Дома была послушной и „воспитанной“ барышней, меня заставляли ходить по праздникам в церковь, и я по целым часам просиживала ходить по праздникам в церковь, дожидаясь конца обедни. — Одним словом, делала все, чтобы у родителей не явилось подозрение в том, что я состою в ячейке РКСМ, и принимала участие в организации нашей комсомольской папки, но меня кто-то видел донес, и теперь мать настаивает на моем уходе из школы, а я, товарищи, не могу уйти, я не хочу уйти...“

Заволновалась, отвернулась к окну и глухо закончила: „и не знаю, как мне быть...“

Первым говорил сын старого коммуниста, секретарь ячейки, 17-летний энергичный юнец тов. Либер. Указав на тяжелую зависимость большинства товарищей от своих родителей, просил давать свои конкретные предложения. Ух! какой поднялся галдеж. Как ни старался Либер восстановить порядок, ничего не выходило.

Окружили Таню, расспрашивали, возмущались, советовали...

— Плюнь, Татьяна, — говорил Вася Накоряков.

— Если их, чертей, слушать, так живо прокиснешь, честное слово... Тебе говорят: уйти из школы? А ты не уходи, вот и все. Что они тебе сделают?

Возражали:

— Ты, Накоряков! ничего не понимаешь. Загрызут, какое уж тут ученье!

Когда утихомирились, Либер, обругавши всех чертями и галма-нами, сказал, что он будет говорить со своим отцом, и, если т. Пушкина захочет уйти от своих родителей, то в его семье место для Тани найдется и будут даже рады. Пусть только т. Пушкина изъявит желание.

Возвращалась домой опечаленная.

Мысль порвать с семьей пугала своей неожиданностью. Предложение т. Либерова как-то не укладывалось: это он от доброты своей... Оставалось последовать совету Васи Накорякова: не послушаться.

Предстояла борьба. Что же, она не трусила. Двухлетняя работа в ячейке достаточно основательно подготовила ее, выковался характер и самонастойчивость.

Решение не подчиняться крепло...

Дома мать встретила:

— Надеюсь, ты покончила со школой?

Твердо:

— Нет, мама!

— То есть, как это нет?

— Я не ухожу из школы, и не уйду.

— Ах, так! Значит, тебе школа дороже спокойствия матери, да?

— Не будем об этом говорить, мама, но я не уйду...

— Не уйдешь? Ну, мы еще посмотрим, милая. Я, как мать, имею право...

— Ваше право собственности так далеко не распространяется.

— Так, так, мило, нечего сказать. Ну-с, а если я тебе приказываю?

— Мама, не говорите так... я... я все-таки вас не слушаю...

— Не слушаешь? Да, не слушаешь?

Бестолково размахивая руками, упала на диван, истерически вскрикивая.

Прибежала с кухни перепуганная прислуга.
До прихода Павла Петровича лежала с мокрым полотенцем на голове, усталая, разбитая...

Павел Петрович, с видом потрепанного индюка, бегал от жены к дочери и обратно. Ох, как тяжело Павлу Петровичу: уговаривает Таню, капает валерианку мамусе. Бе-е-да!.. Софья Борисовна ныла: — Ах! Павлик, до чего мы дожили. Если бы ты слышал, как она со мной говорила! Б-о-же мо-о-й! Нет, кажется, я этого не перенесу. У меня отнято все, чем я жила: моя радость, моя дорогая мечта...

Бо-ольшая была любительница говорить высокопарным слогом. Павел Петрович окончательно сбился спанталыка, тыкался без толку в углы комнаты, хватался за ненужные предметы и все бормотал расерянно: — Ну, что же, мамуся. Потерпи, мамуся. Такое время, ничего не поделаешь...

Заглядывал в комнату Тани, укоризненно покачивал головой: — Стыдно, Танюша! Посмотри, как мамуся убивается. Хотя бы сразу-то не говорила, покоришься бы. Ах, искушенья с вами, господи! Молчала Таня.

А Павел Петрович в горести на иконы поглядывал и все вздыхал... Пакетики для папирос клеить сел тогда лишь, когда успокоилась его взволнованная мамуся...

Неделю не появлялась Таня в школе, а когда пришла и рассказала, ребята овацию устроили...

Вася Накоряков в особенности ликовал: — Что? Правильно я говорил? А то: ты не понимаешь... Молодец, Танча! Клянусь остатком моей совести. Ишь собственники! Небось, похнычет твоя родительница — и все... Пройдет дурнота-то...

Радость была общая.

Либер, на что уж сдержанный парень, и то, подпрыгнув козлом, крикнул: „Да здравствует Татьяна Победительница!“

Торжествовали свою юношескую, светлую победу...

И. КАУРИЧЕВ

Морозный город строго скован
Громадой каменных морщин,
И стынет медною тоскою
Заката потускнелый щит.

И осторожно сеет ошупь
Дождем серебряным луна.
На заметленную площадь
Легла ночная тишина.

Молчаньем спаянные плотно,
На площадь на морозный дым,
Всю ночь, как черные полотна,
Плывут рабочие ряды.

И медленно дробится ропот
У беломамарных колонн,
Когда знамена перед гробом
Последний отдают поклон.

Суровой скорбью горько вспенен
Притихнувший людской поток,
А над Москвою мертвый Ленин
Лег головою на восток.

БОРИС КОВЫЧЕВ.

* * *
В ладони слов всего не положить,
Но часто чувствуешь, как-будто
Уже хрипит оборванная жизнь,
И капает последняя минута.

Бывает день, как розовый плакат,
Когда смеешься кстати и некстати,
А вот сегодня, глядя на закат,
Подумал я и о своем закате.

Во имя нас могу я горы несть
И двести лет стоять на карауле.
Но где-то есть... у смерти есть
Моей фамилией помеченная пуля.

Я знаю день, я знаю страшный день,
Который непременно будет:
У городов, у сел и деревень
Построят баррикады люди.

И я умру, свалюсь у баррикад,
Пропахший порохом и кровью,
И солнце, падая в закат,
Придет ко мне на изголовье.

И тысяч тысяч умерших имен,
Как я, уйдут в подземные жилища,
Но пахарь будущих времен
Меня под трактором отыщет.

Увидит смертную печать
На лбу у вырытого гостя,
И будет долго изучать
Строенье черепа и кости.

И будет тайны старины
Искать, таращась и глазей,
Потом поставит у стены,
У революции в музее.

И станет с гонором скелет,
Качая черепом пробитым,
И буду снова знаменитым
Я через сотни тысяч лет.

В. ВЛАДИМИРСКИЙ.

Перед ноябрем.

Морозный день и свеж и чист,
И красен ветер жгучим свистом,
И тлеет старый желтый лист
Под светлым инеем пушистым.

Деревья голые уснули...
На мостовой фабричных улиц
Ни грязи, ни осенних луж.
Чиста дорога в путь заснеженный.
Уж пахнет вьюгой неизбежной
Пред бодростью ноябрьских стуж.

И вот, как звон прозрачных льдинок
В порханье голубых снежинок
По подоконникам, по крышам,
По трубам каменным и выше
К освобожденным небесам
Детей вспорхнули голоса.
Где вы — карманные волчата?

Гляжу со светлым упоеньем,
Как дети в жизнь чередой влюбленной
Идут, и тянутся к знаменам
Под барабанное биенье,
Под звон ломающихся льдин.
И не один я, не один
Пылаю буйным вдохновеньем.
Светла душой в ребячьем пеньи
В работе высохшая мать —
Под Октябрьским поколеньем
Тепло ей мирно умирать.

Поднятие производительности труда.

(Обзор провинциальной прессы).

На 8-м году советской жизни революция ставит нам труднейшую задачу—поднять производительность труда. Эта задача более трудна для старшего поколения рабочих; ведь вся наша предыдущая революционная борьба состояла в том, что нужно было приучить рабочий класс бороться с капиталом, т. е. с бывшими хозяевами фабрик и заводов.

В этой борьбе разность интересов труда и капитала состояла в том, что хозяину было выгодно, как можно больше заставить рабочего работать и выжать из него, как можно больше прибыли для себя. А в интересах рабочего класса было—дезорганизовать производство и бороться за улучшение своего классового положения.

Другая картина теперь: производство находится в руках рабочего класса, хозяин—сам рабочий класс. И надо научиться по-хозяйски относиться к этому производству.

Задача—удешевить вырабатываемые товары: 1) борьба с накладными расходами, 2) увеличить вырабатываемое количество товаров. 3) весь 8-ми часовой рабочий день должен принадлежать производству.

8-ми часовой рабочий день—об этом мечтали и боролись многие поколения рабочих. Сколько из-за этого пролилось крови! И проливается еще до сих пор за границей. И вот это величайшее достижение нашей революции, а вместе с тем газета „Уральский рабочий“, № 232 от 11/X сообщает:

Несмотря на то, что у нас существует давно 8-часовой рабочий день, на Наслинском чугуно-литейном заводе фактически он до сих пор не проводится. Согласно установившейся традиции, работали не 8 часов, а 5—6 часов с необычайной поспешностью и утомительностью для себя. Теперь Гормет предложил заводоуправлению строго следить за своевременностью прихода и ухода с работы. Такое уплотнение рабочего дня даст возможность увеличить производительность и не так будет отражаться на физическом утомлении самих рабочих.

А разве это не типичная картинка для других фабрик и заводов во всем нашем Союзе? Вот другая аналогичная картинка из рабочей жизни Ленинграда. Сообщает „Смена“ в № 96, 19/X:

„Поднимаем производительность труда.

На заводе Электросила комсомольцы заметно подтянулись в отношении поднятия производительности труда.

Раньше, бывало, вместо полчасового обеденного перерыва, толкались в коллективе без дела часами. Придешь в два часа,—коллектив полон, а теперь только и видишь ребят во время обеда.

Также очень часто снимали активистов с работы, то туда, то сюда. А теперь все успевают сделать и после работы!

Вот—то новое слово, появившееся в наших газетах: „Уплотнить рабочий день“. Старикам рабочим это совсем незнакомое дело.

Но наше производство знает, кроме этого слова, другие болящие места: нам досталось от буржуазии тяжелое наследство: есть производства настолько неразумно и нецелесообразно построенные, что сейчас ближайшая и трудная задача перестроить их так, чтобы с наименьшей затратой сил—получить наибольшие результаты.

Вот картинку сообщает Томская газета „Красное Знамя“ от 10/X № 233.

„Образец нецелесообразности.

Механическая мастерская Прокляевского рудника смело может претендовать на звание „образцовой“ в смысле хаотичности своего оборудования.

Паровая машина помещается между двух станков—действующего и неработающего токарного. Никакой загородки около машин нет.

Строгальный станок приоткрыт с третьей стороны, а с четвертой находится воздушный резервуар. За резервуаром умывальник для рабочих приспособлен. Несколько шагов в сторону и пролез в подуход в трансмиссионную, и подполье.

Чтобы сделать ремонт трансмиссий, пол в мастерской разобрали, потом доски сложили на старые места, не позаботившись их поплотнее сбить. Так до сих пор между ними и аяют шели, чуть не в четверть аршина. Это—в самом бойком проходе.

Станки в мастерской, словно палех, расставлены поодаль от окон. Должно быть стекла берегли. Стекла то целы, а вот работать темно.

Спешно устраивали нашу мастерскую, так спешно, что вышло как раз по пословице: „срочно, да не споро“.

Охрана труда указала на все дефекты. Надо и самим рабочим через профсоюз нажимать“.

Эта же газета в другой заметке сообщает о другой стороне этого вопроса—где благодаря неумелому, а частично преступному директорскому надзору—производство гибнет и разрушается:

Красное Знамя 10/X, № 233.

„Незадолго складывается работа на томских лесопильных заводах. Сырья не хватает, и потому один из заводов, № 2, уже остановлен. Другой завод, № 1, имени Хатурсина, будет дорабатывать остатки сырья (около 300 куб.) и тоже должен бы стать, да подтвердился заказ на ра пиловку постороннего леса (сибиряка) и некоторое время завод будет продолжать работу.

Заводоуправление взялось по договору распилить лес по 6 коп. с куб. фута, тогда как самому заводу распиловка обходится в 7 коп. куб. фут. Кто будет распилываться за убыток?

Выход найден: уменьшают жалованье сторожам и другим мелким сошкам. В то же время увеличили оклад директору и бухгалтеру.

Не лучше ли было бы убытки отнести за счет директора, не уменьшая правильно рассчитанной стоимости работы.

Заводской комитет своевременно указывал на невыгодность этого договора и поднимал вопрос о пересмотре его, но заводоуправление энергично отставало, елою позицией и доказывало, что разработка взятого на подряд леса уложится в договоренную сумму.

Действительность же показала обратное. Предположения завкома заводов оправдались. Рабочие не одобряют деятельность директора и указывают, что он мало уделяет внимания на производственно-техническую сторону дела. Работы посещает очень редко. Занят исключительно торговою стороной завода, но и посещая тоже у него неудачна. Договоры заключаются невыгодные. Инициативы в организации сбыта проявляется мало. Дело больше идет самоотком: модернируется готовый покупатель—ладно. Искать же покупателя не стоит. Не принимает участия в работе общественных организаций.

Вплоть до последнего времени директор на общих собраниях заверял, что заводы в этом году обеспечены сырьем до навигации. Выказывавшиеся по этому поводу рабочими соображения директор опровергал. Но действительность показала противное. Сырья нет“.

Производственные совещания организуются на всех фабриках и заводах; интерес к ним растет среди партийных и беспартийных,

и роль комсомольцев на этих совещаниях все больше поднимается. Сибирская газета в Ново-Николаевске „Путь молодежи“ от 5/X, № 39, сообщает:

„У нас в Сибири 6 тысяч работающих в производстве комсомольцев. Эти комсомольцы уже приобрели опыт работы, они слышат, как старшие рабочие говорят о неурядицах в производстве, они видят, как работают предприятия, видят его недостатки. Нужно использовать эту активную силу и в борьбе за увеличение производительности труда.“

В некоторых местах с производственной работой ячейки РККом уже привлекаются. Например, в Анжеро-Судженск районе в состав производственно-технических совещаний все члены бюро ячеек РККом входят с правом решающего голоса.

Нужно добиться этого везде. Теперь организуются при заводах производственные комиссии. В состав их каждая ячейка РККом должна привести не меньше одного комсомольца.“

Не отстают и уральские рабочие от производственных совещаний. Как известно, уральское железо играет очень крупную роль в общ. хозяйстве республики. В особенности это касается деревень нашего Союза. И сообщение на Перми „Мотовилиха“ имеет очень крупное значение. „Уральский рабочий“ от 15/X, № 236.

„Ячейка крупноресортного цеха.“

Надо снизить цены на железо. Путь для этого один — поднять производительность. В сутки будем прокатывать вместо 7,500 пуд., которые сейчас прокатываем, 9000 пуд. Тогда сутка выйдет дешевле.“

В Мотовилихинском заводе ячейка близко сотрудничала с производственными вопросами завода и особенно цеха, заслушивала на открытых ячейковых собраниях доклады руководителей цехов, вплоть до заведующих.

Во всех основных цехах были созданы технико-производственные совещания. С февраля по 16-ти цехам проведено 48 цеховых производственно-технических совещаний.

На всех совещаниях было 552 участника: в среднем, число присутствующих доходило до 40—50 чел. Работа совещаний дала ощутительные результаты.

Для примера можно взять для цеха инструментальный и ремонтно-механический. Производственно-техническое совещание первого цеха, происходившее 6 августа, констатировало, что цеховые наладочные расходы снизились на две трети по сравнению с прошлым годом брж. достигавший до 10%, упал до 1,5% экономия по цеху от приема нефти выражается в 850 руб. и т. д.

На совещании постановлено увеличить интенсивность труда служащих и рабочих, особенно локальных, у которых нормы выработки недостаточны, разобрать материал в кузнице, привести в порядок шаблоны и инструменты и каждой, улучшить ремонт станков, выявить причины простоя рабочих и т. д.

На совещании ремонтно-механического цеха особенно ценно постановление, что за проведение вынесенных решений персонально отвечают лица, обязанные проводить их в жизнь.

Но наряду с хорошими сторонами работы совещаний в некоторых цехах нужно отметить и недостатки.

Первый пробел — это отсутствие учета и руководства в этой работе и цехом по заводу, так как до сих пор заводского бюро или правящей производственной заводской комиссии не существовало. Только на днях было первое организационное собрание комиссии, где намечена заводская производственная техническая конференция, которая должна состояться в середине октября.

Второй недостаток — не все внимательно подходит к вопросам: набрасывают сразу большие планы, не указывая, как устранить замеченные дефекты и т. п.

Наконец, в некоторых цехах рабочие еще недостаточно вовлечены в совещания.

Но при общем внимании руководящих организаций, мы сможем сделать многое и выполнить заветы нашего вождя и учителя Ленина. Можно не сомневаться, что при поддержке и помощи рабочих удастся устранить все недостатки и улучшить в хозяйственной работе.“

Но это явление далеко не всюду в нашем Союзе захватило весь активный элемент в рабочем классе.

Вот „Туркестанская Правда“ от 10/X, № 226 сообщает такую печальную картину:

„Производственная конференция началась 28-го сентября. Нужно было ждать, что она пройдет живо, вызовет страстный обмен мнений. Коллективный разум и опыт рабочих, пробужденных докладами о поднятии производительности труда, дадут свои практические советы в этом великом деле. Все замечания, дефекты будут обсуждены и серьезно проработаны.“

Рабочие должны были уйти с конференции, полные мыслей о необходимости поднятия нашего производства. Они должны были это настроение унести в массы.

А оказалось — нет вопросов, нет прений. Резолюция никакого не имеет.

Нужно было кому-то позаботиться о том, чтобы провести подготовительную работу в тех кругах по настоящему, всерьез заинтересовать рабочую массу кампанией поднятия производительности труда.“

Повидимому, это не один случай из жизни Туркестана. В той же газете, но в другом № 225, от 9/X, есть аналогичная заметка:

Вопрос о поднятии производительности труда не может не коснуться транспортного хозяйства. Ведь до сих пор некоторые наши дороги еще бедны.

Железнодорожники в течение всего революционного периода по размерам своей зарплаты жили в нищете. Такое положение кое-где вызвало недовольство. Нерешительный шаг не позволил транспортнику бросить свой пост. Зарплатный смысл, сознательность нашего железнодорожника подсказывали ему, что выход только один — улучшение своего производства, искание эффективности.

Результаты такого отношения к работе наших красных транспорт в настоящее время показывают, мы не только справляемся с перевозками, но, наоборот, грузы все еще не хвалят. Мы грузим, в сравнении с довоенным временем, значительно уменьшились. Это означает, что транспорт порежет в бездефицитное состояние.

Но можно ли объяснить нашу неэффективность одним лишь уменьшением грузооборота. Нет, да у нас на транспорте тех дефектов, тех „якобы“, которые значительно уменьшают производительность нашего труда.

Они, конечно, в большой количестве имеют место на наших железных дорогах. С ними-то и предстоит нам, в первую очередь, вести борьбу.

Сознанные производственные комиссии в совещаниях с самого начала своей работы должны заняться над рш. устранением этих „якобы“. Наши железнодорожные рабочие должны потрудиться. Через производственные комиссии они приступят к практической работе по увеличению доходности транспорта.“

Кроме этих вопросов, производственные совещания заинтересовались решением вопроса о несоответствии поднятия производительности труда заработной плате. Почти всюду наблюдается одно явление: заработная плата растет быстрее и интенсивнее, чем производительность труда.

От чего, конечно, в значительной степени зависит и удорожание товаров.

Вот одна из многих типичных картин нашего производства. Мы берем на жизни не Москвы и других крупных рабочих центров, а, например, Сибирь: „Советская Сибирь“, № 231 от 9/X сообщает:

„Войсковая текстильная фабрика в отношении нагрузки предприятия не имеет больших достижений, нагрузка ее почти не изменилась с 1922 года. Такие же показатели отмечаются в состав рабочих и служащих. Что касается интенсивности труда, то нормы, близкие к довоенным, выдерживаются, но также недостаточного роста интенсивности труда, например, с 1922 г. Так, в ткацком отделении интенсивность возросла за это время от 6 до 18 проц. в материю — до 17 проц. Только заработная плата с 1922 г. выросла для ткачей и материков до 280 процентов.“

На суковской фабрике в Омске производительность ткачей возросла по сравнению с прошлым от 127 до 145 проц., а в последнее время даже от 153 до 173 проц., тогда как зарплата возросла до 252,5 проц. То же наблюдается и у придельников: производительность возросла до 106, а в последнее время до 156 проц., тогда как заработная плата возросла до 218,5 проц. И так, и здесь, есть несоответствие роста зарплат и производительности труда.“

Конечно, — это отрадное явление Октябрьской революции. Положение рабочего улучшается. Но теперь нужен следующий шаг и, правда, очень трудный: **нужно поднять производительность труда.**

Киевская газета „Молодой Пролетарий“ № 82, 21/X сообщает из жизни наших „сахарников“ большое событие о пуске 2 сахарных заводов.

„Юзефо-Николаевский Госссахзавод“

С 4-го октября наш завод в ходу. Рабочие по заводу шныряют, чистят, надевают плащи. Все готово. Вот старикашка засвистел, и под звуки Интернационала машины пускаются в ход.

В этом году наш завод вырабатывает ту же норму, что и до войны. В первый раз после долгой стоянки наш завод пошел в ход и сразу прислушался к дозвонам производительности труда.

Даешь для начала сто процентов — и никаких гвоздей!

Коринский завод пущен в ход.

Еще кое-где постукивают молотки, забывая последнюю заклещку, но в общем — капитальный ремонт закончен.

Радостью светятся лица рабочих, когда они оглядывают свой завод, поставленный их трудами на ноги.

Теперь ждем пуска. Ждем, когда запустят шквы, заработает центральная машина и начнется „полнобное“ превращение грязной свеклы в белое золото.

Скоро начнется срада. И днем и ночью будет идти работа.

Эх, любо-дорого смотреть на рабочий улей!

Такое бодрое настроение — очень знаменательное явление. Оживление сахарной промышленности имеет важное значение для нашего Союза, — это признак улучшения жизни рабочих и крестьян. Но наряду с этими бодрими заметками эта же газета сообщает уже совсем другую картину из жизни Киева.

„Нужна гайка — разбирай вагоны.“

Напротив телеграфа есть тупик, куда загоняют вагоны, т. е. „исключенные из инвентаря“. Больно злоупотребляют этими вагонами. Кому гайку, болт, стойку, или еще что нужно для ремонта, сейчас же „даешь“ — и разбирают вагоны. В конце концов, остается одна рама и скаты.

Скаты забирают, а рамы бросают тут же на кучу, где они зарастают травой и ржавеют.

Не лучше и с ремонтом вагонов. Заделывают стенку в вагоне. Мохотком неаккуратно выбивают старые дражки, так что после того они больше никуда, кроме толдана, не годятся.

А возле вагонной и за депо устроили склад скатов. Вагоны мы не собираемся делать, а скатов больше 250 штук стоит и опять же ржавеют годами.

Ленинградская комсомольская газета „Смена“ уделяет много внимания вопросу производительности труда; в № 91 от 17/X и № 95 от 22/X есть такие заметки:

„Специальной комиссией, обследовавшей завод „Красная Звезда“ в Зиньевске, установлено, что этот завод является одним из образцовых. Производительность труда составляет 110% довоенных.“

„На прицельно-точной фабрике им. Халтурина было много явлений, мешающих росту производительности труда.“

Например, администрация и комсомолы халатно относились к производству, к моторам, происходили простои, часто сменялись мастера, стоящие у моторов.

Рабочие-подростки не участвовали в кружках: производственном и ПОТ'а. Зато принимали живейшее участие в прогулах.

Сейчас коллектив РЛКСМ вместе с администрацией принял ряд мер к устранению подобных неурядиц, мешающих поднятию производства.

Улучшено качество смазочного материала.

Ряд подростков, халатно относившихся к производству, переведены на другую работу, а некоторые вовсе уволены с фабрики.

Установлен строгий надзор за техническим персоналом. Взятые на учет все прогульщики, опоздавшие, а более злостные совсем удалены.

Теперь ребята занимаются в производственном кружке и в кружке ПОТ'а. Простои уменьшились на 65%, сильно сократились и прогулы, число их с 120% упало до 6%.

Наш обзор очень ограничен. Можно было его расширить до бесконечности. Можно было найти в московских газетах много материала. Но нам кажется это мало целесообразным.

Москва — это центр политической жизни Союза. И здесь, в центре, каждая новая кампания проходит живо.

Но в вопросе поднятия производства нам нужно расшевелить весь Союз.

И здесь для нашего комсомола очень широкое и большое поле.

И думается, что сообщение ленинградской газеты „Смена“ говорит нам о многом.

„В переплетном отделении школы-типографии им. В. Алексеева — ожидание. Молодежь прощается с ученицами-фальцовщицами, уходящими на производство.“

Все 10 учениц, как вполне квалифицированные, переводятся в типографию им. Зинovieва.

Как от заводоуправления, так и от кол-ва РЛКСМ было сделано горячее пожелание работать, как их научила школа.

Так школа фабзауча постепенно пополняет редкие ряды старших товарищей.

„Подарок Октябрю.“

Фабзайчата ст. Сортировочная, Окт. ж. д., принимают самое активное участие со всеми рабочими в выпуске паровозов серии Ц. № 3010 и десяти товарных вагонов к 7-летию Окт. революции. Хотели сделать сами паровоз, да администрация подпугала — домкратов нет. Делаем еще пять кроватей для детского дома Октябрьской ж. д.

Началась Октябрьская революция в Ленинграде.

Дети ленинградских рабочих продолжают дело своих отцов. Надо всему Союзу равняться по Ленинграду.

А. ЕРСИГНЕЕВ

В красном парламенте.

Итоги сессии ВЦИК и ЦИК СССР.

Октябрь месяц прошел в усиленной и плодотворной работе по советскому законодательству. С 7-го по 16-е октября работала 2-я сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, а с 17-го по 29-е октября заседала 2-я сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик.

Свыше 300 речей деловых и серьезных, прозвучали в рабочем крестьянском парламенте под сводами бывшего царского дворца в Кремле красной столицы. Было обсуждено около 30-ти разнообразных докладов по всевозможным отраслям государственной жизни. Тут были вопросы, относящиеся к самым обыденным делам, как, например, о штрафах за самогон и порубку леса. Тут были вопросы о наших международных отношениях, касающиеся самой высокой политики, как, например, о признании Францией нашего Союза.

Но в них было одно общее: в них был виден дальнейший рост нашего государственного благоустройства, уверенно продвигающегося вперед на основе развивающегося народного хозяйства.

Самое обсуждение вопросов было более, чем когда либо, подробным и деловитым.

Были вынесены важнейшие решения по вопросам: об урожае и помощи сельскому хозяйству, о государственном и местном бюджете, о просвещении, о высших и низших органах власти, о международных отношениях, о торговле, о лесном хозяйстве, о районировании Юго-Восточного края, о размежевании границ между Средне-Азиатскими советскими республиками, наконец, по ряду важных изменений в нашем судебном законодательстве.

Стенографический отчет и резолюции обеих сессий составляют книгу почти в полторы тысячи страниц. По некоторым вопросам разгорались горячие споры, которые в кратком обзоре невозможно передать. Нашей задачей является дать главнейшую суть докладов и решений.

Итоги урожая и помощь сельскому хозяйству.

Валовой сбор хлебов в 1924 году по всему Союзу исчисляется в размере 2 миллиардов 615 миллионов пудов. Этот сбор, вследствие недорода в ряде губерний, на одиннадцатую часть (на 9 процентов) ниже прошлогоднего, несмотря на увеличение посевной площади на 7 процентов.

Прибавляя к этому сбору 162 миллиона пудов хлебных остатков от прошлых лет, видим, что общая хлебная наличность Союза равняется 2 миллиардам 777 миллионам пудов.

Из этого хлеба на обсеменение, прокорм скота и питание сельского населения пойдет 2 миллиарда 199 миллионов пудов. Остаток у сельского населения—578 миллионов пудов. Этот хлеб оно может продать.

На питание городского населения, на снабжение Туркестана и Закавказья, на прочие надобности пойдет 314 миллионов пудов. Значит, всего будет потреблено внутри страны 2 миллиарда 513 миллионов пудов. Свободный остаток—264 миллиона пудов.

Таким образом, хлебная наличность вполне обеспечивает потребности страны и позволяет уверенно развивать промышленность, продолжать восстановление всего народного хозяйства и ликвидировать последствия неурожая.

Одновременно надо отметить рост посевов ценных культур,—например, льняного волокна будет получено 29 миллионов пудов против 22 миллионов пудов 1923 года. Сильно возросло животноводство. Если бы не неурожай, этот рост пошел бы еще быстрее.

Неурожай в текущем году охватил 7 губерний целиком и часть уездов 6-ти губерний, с населением 7 миллионов 611 тысяч человек, с посевной площадью 6 миллионов 338 тысяч десятин. В общем, неурожай охватил 7 процентов населения и поразил десятую часть посевной площади.

По сравнению с 1921 годом, когда неурожай охватил около 30 губерний с посевной площадью свыше 25 миллионов десятин, неурожай 1924 года по числу населения составляет 25 процентов неурожая 1921 года, а по количеству посевной площади—около 24 процентов. В общем, неурожай меньше в четыре раза. Ни о каком повторении бедствия 1921 года не может быть и речи.

Поэтому перед правительством встала задача не спасения населения от голодной смерти (этого не будет), а поддержка сельского хозяйства от разорения.

Для помощи пострадавшим районам отпущена озимая семенная ссуда в размере свыше 10 миллионов пудов. Ссуда получена по-прежнему, и поля засеяны с превышением против прошлого года. Яровой ссуды будет отпущено 16 миллионов пудов. На выдачу ссуд под залог скота отпущено 10 с половиной миллионов рублей, на организацию детского питания—8 миллионов рублей, на общественно-мелиоративные работы—14 миллионов рублей. Даны льготы по сельскохозяйственному налогу.

Помощь оказывается в первую очередь бедняцким и середняцким хозяйствам.

Неурожайными районами признаны те, где сбор хлебов не превышал 6 пудов на душу, тогда как в 1921 г. неурожайными считались те места, где сбор хлебов был не выше 4 пудов на душу. Прибавляя к этому сбору помощь государства, видим, что в неурожайных районах на душу придется 14 с лишним пудов хлеба на год. За вычетом расходов на обсеменение, остается 9 пудов на душу. Прибавив сюда кардов на обсеменение, остается 1 пуд хлеба на душу. Получим, что в неурожайных местах обеспечен 1 пуд хлеба на душу в месяц, ни о каком голоде не может быть речи. Спасению скота будет содействовать выдача ссуд.

Вследствие повышения цен на хлеб против прошлого года, крестьянство выручит за свои продукты не меньше прошлогоднего, а даже на 100, на 200 миллионов рублей больше. Это благоприятно отразится на покупательной способности крестьянства.

Сессии одобрили отпуск средств на помощь сельскому хозяйству Союза в размере 88 миллионов рублей.

Признано необходимым обратить особое внимание на снабжение населения яровой сеудой, на завоз хлеба и фуража в неурожайные районы и продажу их там по невысокой цене, на развитие выдачи сеуд под скот. Особо отмечена важность проведения общего плана сеуд с засухой, чтобы навсегда покончить с неурожаями.

За последние 122 года у нас урожай ниже среднего был 64 раза, из которых 30 лет урожай был особо понижен. Неурожай объясняется не только погодными условиями, а, главным образом, отсталым ведением сельского хозяйства. Для перестройки сельского хозяйства в засушливых районах надо напрячь все усилия. План борьбы с засухой уже разработан. Он рассчитан на пять лет и потребует для проведения 115 миллионов рублей. Население должно принять в этой борьбе горячее участие.

Так как неурожай и недоедание всегда влекут за собой развитие болезней, то сессия обратила внимание местных органов на необходимость содержания сельской лечебной сети в полном порядке, чтобы немедленно гасить каждую вспышку заболеваний.

Об итогах урожая докладывали на сессиях зам. народного комиссара земледелия РСФСР тов. А. И. Свдлерский и начальник Центрального Статистического Управления тов. П. И. Повов.

По финансовым вопросам докладывали: народный комиссар финансов СССР тов. Г. Я. Сокольников и зам. народного комиссара РСФСР тов. Р. Левин. Доклад тов. Сокольникова продолжался 4¹/₂ часа.

Наши финансы.

В прошлые годы, когда устойчивых денег не было, государственные расходы и доходы намечались на один, на три месяца. Только теперь в первый раз нам удалось составить твердую смену, твердый бюджет на целый год вперед. Притом составить в самом начале хозяйственного года.

Твердые деньги и твердый бюджет обеспечивают правильное поступление доходов и правильное бесперебойное удовлетворение потребностями государственных нужд. Это большая победа.

Государственный бюджет всего Союза в 1922—1923 хозяйственном году составлял 1 миллиард 300 миллионов руб., в 1923—1924 г.—1 миллиард 900 милл. руб.

На 1924—1925 г. бюджет Союза намечен в размере 2 миллиардов 100 милл. руб., то-есть всего на десятую часть больше прошлогоднего. Это увеличение бюджета строго соответствует росту народного хозяйства, в частности, сельского. До тех пор, пока сельское хозяйство не станет решительно на путь подъема, до тех пор и рост государственного хозяйства, государственного бюджета будет замедляться.

Рассмотренный сессиями государственный бюджет сведен без дефицита,—доходы не покрывают расходов на 120 милл. рублей. Но в отличие от прошлых лет этот недостаток не будет покрыт выпуском бумажных денег. Емкости для покрытия дефицита допущено не будет. Дефицит покрывается кредитными операциями—займами. Кроме того, может быть выпущено на 80 милл. руб. серебряных монет. Но это серебро нужно и для размена.

Государственные доходы состояются, прежде всего, из прямых и косвенных налогов и пошлин. Они дадут свыше 862 милл. рублей

Это значит, что на душу населения придется налога, в среднем, по 7 рублей в год. До войны же налоговое обложение составляло 11 руб. на душу. А так как покупательная способность червонного рубля почти в два раза меньше довоенной, то теперешние налоги, по меньшей мере, в два раза ниже довоенных.

В указанной общей сумме налогов и пошлин прямые налоги в Союзном бюджете составляют 441 милл. руб. Из них сел.-хоз. налог даст 250 милл., промышленный—66 милл. руб., подоходно-имущественный—70 милл. руб. Сел.-хоз. налог—налог деревенский, промышленный и подоходный—налоги преимущественно городские. Как будто выходит, что перенес в налогах на сторону деревни. Но, если к налогам присоединить надбавки, которые установлены на местные нужды, то выйдет, что весь сел.-хоз. налог с надбавками в местный губернский и волостной бюджеты составит 340 милл. руб., промышленный—240 милл. руб. и подоходно-имущественный—90 милл. руб. Таким образом, налоги на город и на деревню почти равны между собой и исчисляются каждый в размере 340 милл. руб. Это факт—новый и очень важный. Он говорит, что тяжесть обложения все более перекладывается на плечи города. Это не значит, что деревня платит мало. Платежная способность деревни напряжена, и пришлось даже из-за неурожая снизить на 60 милл. руб. общую сумму сел.-хоз. налога (вместо предполагаемых сначала 400 милл. руб. берется 340 милл. руб.). Но, в общем, деревня с каждым годом платит в налог все меньшую часть своих доходов. В 1922—1923 г. деревня платила 7 с половиной процентов своей валовой продукции, в 1923—1924 г.—3 и шесть десятых процентов, а в 1924—1925 г.—3 и две десятых процента валовой продукции. Процент обложения понижается.

Далее, в доход казны поступит 300 милл. руб. акциза, 75 милл. руб. таможенных доходов, 63 милл. руб. от почты и телеграфа, около 780 милл. руб. от железных дорог, 83 милл. руб. от промышленных предприятий, 60 милл. руб.—от лесов, 16 с половиной милл. руб. от возврата сеуд и долгов, 10 милл. руб. от реализации разных государственных фондов.

Что касается расходов, то они разделяются на три части: во-первых,—расходы на оборону, во-вторых,—хозяйственные расходы, в-третьих,—расходы на управление и культурные нужды.

На оборону в этом году отпускается 878 милл. руб. против 356 милл. руб. прошлого года. Это небольшое увеличение расходов на армию более всего доказывает наше миролюбие. Однако, эти деньги надо израсходовать с таким умением, чтобы еще улучшить положение красноармейца.

Лучшим же усилением нашей обороноспособности является укрепление транспорта, промышленности и сельского хозяйства. Поэтому вся выручка от транспорта пойдет на улучшение наших средств сообщения. Промышленность получит в сеуду около 60 милл. руб. Сельское хозяйство получит на поддержку, включая сюда средства по местному бюджету, 125 милл. руб. На электрификацию пойдет 37 милл. руб. На восстановление Ленинграда—12 милл. руб.

Зато расходы на управление значительно сокращены. Увеличены расходы на просвещение, на низовые органы, на агрономов, на лесные нужды. На просвещение в прошлом году было отпущено по государственному бюджету—80 милл. руб. и по местному—140 милл. руб., итого 220 милл. руб. В этом году по государственному бюджету на просвещение ассигновано около 101 милл. и по местному—165 милл. руб., а всего—265 милл. руб. На пятую часть больше прошлогоднего. До войны же расход на теперешней территории Союза был около 270 милл. руб. Таким образом, расходы на просвещение почти

совпадают с довоенными. На армию же до войны тратилось 850 милл. руб. в год. Это наглядно говорит о том, куда мы направляем свое внимание и свои усилия.

На сессиях был также отмечен успех денежной реформы. Несмотря на все трудности, которыми пугали наши враги, устойчивость новых денег твердо достигнута. Правильное покрытие государственных расходов доходами и кредитными операциями подводит под денежную реформу непоколебимый фундамент. Введение твердой валюты обеспечивает правильное развитие народного хозяйства.

Что касается бюджета РСФСР, входящего, как составная часть, в бюджет СССР, то он исчислен в размере 283 миллионов рублей, на пятую часть больше прошлого года. В нем также преобладают расходы на хозяйственные и культурные нужды, и он строго соответствует развитию народного хозяйства.

Сессии потратили пять дней на обсуждение финансовых вопросов, кроме работы в комиссиях. Сессии призвали, что бюджет, построенный на твердой валюте, составлен правильно и своевременно; что в бюджете сделано все возможное для увеличения расходов на культурные нужды и на восстановление сельского хозяйства; что дальнейшее увеличение бюджета, как и до сих пор, должно строго соответствовать росту народного хозяйства.

Кроме того, сессии внесли некоторые изменения в положение о местных финансах и установили порядок распределения прибыли Гострах. Прибыль от страхования в той или иной форме опять возвращается населению.

Закрывая сессию ВЦИК, тов. М. И. Калинин сказал, что никогда еще не было такого подробного и делового обсуждения нашего бюджета. Расход каждой народной копейки строго рассчитан и определен.

На третьем фронте.

В тесной связи с обсуждением расходов государства средств стоял доклад о народном просвещении.

Как докладчик тов. А. В. Луначарский, так и делегаты с разных концов страны отметили, прежде всего, горячую жажду к образованию, которая наблюдается среди широких масс населения. Особенно велика она среди комсомольцев. Было указано также, что в среде учителя наметился самый широкий сдвиг в сторону тесного сотрудничества с Советской властью. Таковы положительные факты.

С другой стороны, не хватает средств для полного удовлетворения всех желающих учиться. И доклад Народного Комиссариата Просвещения в этом отношении был очередным призывом о помощи, причем, в случае непредоставления средств, высказывалось даже опасение в сокращении сети школ. Была развернута яркая картина тяжелого положения сельской школы и сельского учителя. Правда, заработок сельского учителя, в среднем, поднялся с 10 до 20 рублей, но есть губернии, как, например, Рязанская, где сельский учитель все еще получает 6 рублей в месяц.

До войны было 62 тысячи школ первой ступени, и в них училось 4 милл. 200 тыс. детей. В 1921 году, до голода, у нас было 76 тыс. школ, и в них училось 6 милл. детей. Но потом число школ сразу снизилось, чтобы затем медленно идти на подъем. К октябрю 1923 года в наличии было 49 тыс. школ с 3 милл. 700 тыс. учащихся. Почти такое положение и теперь.

Число школ второй ступени было до войны 1.063, к 1921 году — 3.700, теперь — 2.028. Но школы второй ступени еще не удовлетворяют своему назначению. Они не дают нужного выпуска учащихся ни для высшей школы, ни для практической жизненной деятельности. Для заполнения высших учебных заведений приходится брать студентов в пролом стены — с рабфаков. Среднюю школу надо преобразовать. Тов. Луначарский подробно остановился на этом вопросе, весьма важным для молодежи и заслуживающем особой статьи. Он познакомил с целым планом преобразования средней школы, уже разработанным коллегией Наркомпроса.

Что касается высшей школы, то, несмотря на значительную чистку, высшие учебные заведения все еще переполнены. Положение пролетарского студенчества надо улучшить; надо удвоить стипендии, а для этого нужны средства.

С просветительной работой дело обстоит так.

Всего по РСФСР существует 7.347 изб-читален. Сочувствие населения к ним растет. Но это — ничто учреждения. Они нуждаются в поддержке; чтобы дать им дешевые книги, Госиздат выпускает пятирублевые библиотечки из 100 книг в каждой, в рассрочку на 6 месяцев.

Библиотек по РСФСР насчитывается 6.800, из них 5 тысяч в селах. В библиотеках имеется 20 милл. книг, но многие из них устарели. Есть еще 4.729 передвижных библиотек, имеющих 1 миллион книг. Половина из них — в деревне. Имеется 1.926 народных домов — почти все в деревне, и 41 дом крестьянина.

В отношении ликвидации неграмотности дело продвигается вперед. Особенно горячее участие в этом деле принимает комсомол.

Учебниками, и притом новыми, советскими, все школы должны быть обеспечены; учебники напечатаны в десятках миллионов экземпляров.

Какой же ответ был дан на запросы и нужды народного просвещения?

При обсуждении государственных расходов было обращено сугубое внимание на отпуск средств на народное образование. Отпуск средств на народное просвещение в этом году будет выше прошлого года и по цифре не ниже довоенного.

Тов. Левин даже заявил, что по РСФСР весь единый сел.-хоз. налог идет на нужды народного образования.

Помимо того, сессия ВЦИК вынесла обширную резолюцию о народном просвещении.

Главная ее суть заключается в том, что ВЦИК «полагает крайне необходимым и неотложным перенести центр внимания и забот Народного Комиссариата Просвещения на деревню». Неотложной задачей является «улучшение быта и повышение квалификации учительства и забота о более удовлетворительном материальном состоянии школ».

Для этого ВЦИК считает необходимым довести заработную плату сельского учителя до 25 руб. в месяц, предоставить учителям льготные условия для получения литературы, удешевить учебники и продвинуть их в деревню, улучшить состояние и снабжение школ, дать деревне дешевую книгу.

Школа второй ступени в городе (второй концентр) должна быть преобразована в целях подготовки учащихся к трудовой деятельности соответственно потребности в работниках районов (кооперативно-торговая, производственно-техническая, административно-хозяйственная и культурно-просветительная установка школы). Одним словом, школа второй ступени должна давать специалистов со средним образованием.

В отношении высшей школы указано на необходимость увязки стипендий, улучшения подбора студентов, пересмотра учебных программ в отношении их целесообразности и выполнимости для студентов. Поручено выработать новую систему проверки знаний и учета успешности студентов.

Далее, была одобрена деятельность пионеров. Отмечена важность общественного участия в борьбе с беспризорностью. Обращено внимание на издание учебников на языках разных национальностей Союза.

В общем, Центральный Исполнительный Комитет сказал: — Несмотря на недород ни шагу назад в деле народного просвещения. Напротив, по мере сил — вперед!

Низовые органы власти.

Но как бы ни были важны другие вопросы государственного строительства, «звездой» сессии ВЦИК был вопрос о низовых органах власти. Доклад секретаря ВЦИК тов. А. Киселева скромно назывался: «Положение о сельских советах» и «Положение о волостных съездах советов и волостных исполнительных комитетах». Но за этой скромностью скрывалась огромнейшая задача улучшения наших низовых органов власти.

До сих пор сельсоветы и волисполкомы были, по большей части, лишь исполнителями распоряжений вышестоящих органов. Новые же «Положения» дали сельским советам и волостным комитетам, в связи с укрупнением волостей, весьма широкие права. Сельсоветы и волисполкомы становятся, в полном смысле, организаторами местного хозяйства волости. Нормы представительства крестьян в сельсоветах и волисполкомах увеличены. Волостные съезды советов отныне могут не только обсуждать вопросы местного хозяйства и волостного бюджета, но обсуждать вопросы общегосударственного значения, как бы важны они ни были.

Новые Положения являются деловым ответом на растущие политические потребности деревни. Они содействуют укреплению и организации советской общественности в деревне.

Особенно важны новые хозяйственные права и обязанности сельсоветов и волисполкомов. Тут работа по улучшению сельского хозяйства, по проведению землеустройства, по организации прокатных пунктов, семенных фовдов, по упорядочению лесного хозяйства, по борьбе с вредителями. Тут работа по наблюдению за торговлей, борьба с повышением цен, содействие кооперации. Велики задачи и по управлению, и в области культурной.

Важность принятых решений со всей ясностью отметил в своей речи тов. М. И. Калинин. Он сказал:

— «Управление является одной из труднейших задач. Управлять надо так, чтобы управление, как метод принуждения, проявлялось наименьшим образом.

Наша власть родилась из революции. Наша власть родилась из насилия, из борьбы. Первым проявлением нашей власти был метод насилия. Он и не мог не быть методом насилия: новый класс, который встал у власти на смену старой власти, мог заставить старый класс подчиняться новым законодательным нормам, выработанным новым классом, только при насилии, только при жестоком принуждении другого класса.

Но теперь мы ясно видим, как из года в год на наших глазах эти методы изменяются: методы принуждения все больше и больше уступают место законодательным, правовым нормам.

Мы наблюдаем в мире два характернейших процесса: буржуазный мир от методов «законного» управления, управления конституционного, переходит к фашистским методам, к методам непосредственного, прямого, открытого насилия, к насильственным методам управления.

Наше же правительство, рожденное в буре борьбы и насилия, переходит от методов насилия к методам законного, регулируемого управления. Принятые нами «Положения» о сельских советах и волостных исполкомах являются одним из основных краеугольных камней внедрения законности в низовые советские аппараты.

Наш метод должен сказаться по всей линии.

Сейчас у нас происходят выборы в Советы. Только что принятые «Положения», в сущности говоря, указывают путь нашим органам на местах: избирательные собрания следует полностью использовать для вовлечения широких внепартийных масс в органы управления.

Нам нечего бояться влияния недоуловства, если оно есть. Мало того, я считаю не только возможным, но и допустимым, чтобы те самые лица, которые проявили то или другое недоуловство в отношении тех или других частных ошибок власти, или в отношении каких-либо законодательных актов, — тех самых лиц выдвинуть, пустить непосредственно в работу Советов, не боясь внепартийных, которые резко выступают по тому или другому вопросу, и пропускать их по советской линии в самые важные советские органы.

Мы великолепно знаем, что 99 процентов всего крестьянского населения и все 100 процентов населения рабочего безусловно стоят за советскую систему управления. Даже враги Советов в таких условиях не смеют открыто выразить свое праждебное отношение к Советской власти и маскируют его. Поэтому принципиально больших разногласий между критикующими лицами и органами власти не может быть, и их нет. Могут быть и должны быть разногласия по тем или другим частным вопросам, и эти разногласия необходимо выявлять...

Сейчас, когда уже напечатаны эти строки, перевыборы советов закончились. И надо думать, что ценнейшие указания Всесоюзного и Всесоюзного «старосты» были полностью использованы на местах. Во всяком случае, новые «Положения» открывают широчайший путь творчества и плодотворной работы для низовых органов власти.

Что касается высших органов власти, то сессия была оформлена, согласно конституции, организацией народных комиссариатов, права наркомов, их заместителей и коллегий. Важнее всего здесь было постановление об упразднении Наркомпрода и утверждение нового Народного Комиссариата по внутренней торговле.

Наша внешняя политика за истекший год.

Два заседания посвятила сессия союзного ЦИК докладу тов. Чичерина и приемам о нашей внешней политике.

Два больших ярких интересных заседания.

Переполненный зал, напряженное внимание слушателей, бурные аплодисменты, покрывавшие речь тов. Чичерина и других выступавших ораторов, страстные прения, обилие выступавших представителей мест, — все свидетельствовало о том, с каким вниманием и участием следят трудящиеся СССР за международной политикой своего правительства.

А присутствовавший в полном составе дипломатический корпус, иностранные журналисты, усердно строчившие в своих записных книжках, равно как и появившиеся позднее в иностранных газетах многочисленные отклики на эти заседания, с такой же несомненностью убеждают нас в том, что иностранная буржуазия не менее нас зорко и пристально следит за политикой советского Наркоминдела.

Да и неудивительно. Последний год в нашей внешней политике был годом блестящих успехов, подробно перечисленных в докладе тов. Чичерина.

С января текущего года мы получили признание со стороны Англии, Франции, Италии, Швеции, Норвегии, Дании и Греции. Мы восстановили правильные политические сношения с Австрией и быстро налаживаем отношения с Венгрией.

Нам удалось с признанным всем миром успехом уладить отношения с Германией, ухудшившиеся после пагубного налета германской политики на наше торговое представительство в Берлине (это было 3-го мая). Нам удалось закончить выгодный для нас в хозяйственном и, особенно, в политическом отношении договор с Англией.

Это в Европе. Еще быстрее развиваются наши успехи в Азии. Угнетенные народы Востока, быстро пробуждающиеся от векового сна, бурно поднимающиеся на борьбу за освобождение своих стран от долголетнего грабительского господства иностранной буржуазии, обращают свои взоры к единственному государству, вышедшему из недр революции трудящихся. Они все свои надежды возлагают на СССР, они ищут у него сочувствия и поддержки, они стремятся опереться на его быстро растущую международную мощь и заключить с ним тесный и нерушимый союз.

Революционная Турция, все продолжающая упорную борьбу за сохранение своих революционных завоеваний, возрождающаяся Персия, обновляющийся Афганистан, Китай, раздираемый гражданской войной, напрягающий нечеловеческие усилия, чтобы сбросить с себя путы и истинных виновников этой войны — иностранных капиталистов, — весь угнетенный Восток, преодолевая бешеное сопротивление иностранной буржуазии, неуклонно идет по пути сближения с СССР.

С Китаем мы заключили договор. Нам удалось даже, — это было гораздо труднее, — добиться того, что договор уже проводится в жизнь. 20 сентября Восточно-Китайская железная дорога (она построена в 1902 году русским правительством на китайской территории), находившаяся до этого времени в руках французских банкиров и хозяйничавших по поручению этих банкиров русских белогвардейцев, передана СССР. Организовано новое правление дороги из пяти представителей СССР и пяти представителей китайского правительства.

Прения по докладу тов. Чичерина развернулись, главным образом, вокруг англо-советского договора.

Тов. Рязанов и поддерживавшие его несколько представителей мест настойчиво требовали, чтобы Советское правительство взяло обратно включенное в договор обязательство СССР уплатить Англии часть довоенных царских долгов и частично вознаградить тех английских граждан, которые являются бывшими собственниками национализированных предприятий. Тов. Рязанов утверждал, что заем нам в Англию не получить иначе, как на грабительских условиях.

Тов. Рязанов указывал, что изменить эти условия к лучшему не в силах будет даже гарантия (поручительство) английского правительства и требовал нашего отказа от получения займа.

Защищавшие договор тов. Ларин и другие указывали на огромное политическое значение договора.

— Если даже договор, — говорил тов. Ларин, — нам и не очень выгоден, если он и заставит нас кое-что переплатить, зато он вгоняет клин в тот общий фронт, который снова организует против СССР мировая буржуазия, он закрепляет связь между нашим Союзом и английским пролетариатом, он, таким образом, в значительной степени обеспечивает СССР от нападения и удлиняет крайне необходимую для нас передышку.

Тов. Чичерин в своем заключительном слове коснулся вопроса о займе. Он указал, что гарантия английского правительства обеспечивает нам возможность получить заем на сходных условиях.

— Взамен получения займа, — говорил тов. Чичерин, — мы согласились уплатить часть довоенных долгов и частично вознаградить бывших собственников национализированного имущества. Но расходы на эти платежи мы будем покрывать не из своего кармана, мы не заплатим ни одной копейки из советской казны. Мы будем их покрывать за счет полученного займа.

— Если же мы займа, и при том на сходных условиях, не получим, — мы ничего платить не будем. Если же получим, то нам выгодно будет платить, так как на это пойдет только часть займа. Остальная же сумма даст нам возможность быстрее, чем до сих пор, двинуть развитие нашего хозяйства.

— Мы согласимся, — отметил тов. Чичерин, — платить долги только в виде исключения из нашего декрета об аннулировании долгов. Поэтому англо-советский договор ни в коем случае нельзя рассматривать, как наш отказ от завоеваний революции, от наших, вышедших из революции, законов. Наоборот, англо-советский договор, — как это признают наши самые непримиримые враги, — является международным признанием нашей революции и рожденных ею законов.

Резолюция, принятая по докладу тов. Чичерина, одобряет деятельность Наркоминдела. Она одобряет, в частности, англо-советский договор, но указывает, что утверждение договора ЦИК'ом должно быть отложено до тех пор, пока выяснится исход перевыборов парламента в Англии, пока выяснится, кто победит на выборах — сторонники или противники договора.

Отложили утверждение не напрасно. Последние события в Англии подтвердили правильность этого решения.

За три дня до выборов в парламент английское министерство иностранных дел обратилось к представителю СССР в Англии тов. Раковскому с нотой протеста по поводу революционной агитации, которую якобы ведет в Англии Советское правительство.

Нота пыталась доказать это приложенной к ней копией подложного письма, которое якобы было послано Коминтерном английской коммунистической партии и которое предлагало английским коммунистам немедленно же усилить революционную агитацию в войсках и на военных заводах.

Конечно, Советское правительство дало на ноту достойный ответ и приняло все меры для того, чтобы разоблачить подложный характер письма.

Однако, подложное письмо, напечатанное во всех английских газетах, сделало свое дело. Оно нанесло жестокий удар английской рабочей партии и обеспечило огромное большинство мест за консервативной партией, буржуазной партией, открыто враждебной СССР и англо-советскому договору.

Этим, конечно, судьба договора еще далеко не решается. Победа консерваторов вряд ли сможет сорвать англо-советский договор. Ведь, она не в силах устранить, уничтожить заинтересованности английской буржуазии в тесных хозяйственных связях с СССР. А эта заинтересованность еще больше усиливается теперь, после того, как Франция признала СССР.

Нота французского правительства, извещавшая о признании Францией СССР, была получена к концу сессии и обсуждалась на экстренном вечернем заседании обеих палат.

На заседании был составлен ответ на французскую ноту. В этом ответе Советское правительство приветствует предложение Франции о немедленном установлении правильных политических сношений между обоими государствами и выражает согласие на немедленное открытие переговоров между Францией и СССР.

Задачи внутренней торговли.

Вопросам внутренней торговли также уделено было много внимания. Наша внутренняя торговля за истекший год усиленно развивалась. Оборот государственной торговли по промышленным товарам возрос на 56 процентов, в том числе по текстильным товарам на 92 процента. Обороты кооперации увеличились на 81 процент.

Таким образом, вытеснение из торговли частного капитала не только не сократило товарооборота, а напротив, рост оборотов продолжался, причем позиции все более завоевывались государственной торговлей и кооперацией.

Другой крупной задачей в области торговли была борьба с „ножницами“, с расхождением цен на промышленные изделия и сельские продукты. Мерами правительства было достигнуто понижение промышленных цен на 25 процентов и повышение цен на сельские продукты на 96 процентов. „Ножницы“ в огромной степени сомкнулись. Понижение промышленных и повышение сельских цен вызвало со стороны деревни усиленный спрос на товары. Рост покупательной способности крестьянства дает твердую основу для дальнейшего развития промышленности.

В обширной резолюции по внутренней торговле сессия ЦИК СССР одобрила работу молодого комиссариата внутренней торговли и наметила ряд новых задач торговой политики.

Прежде всего, указано на необходимость усиления оборотных средств государственной торговли и кооперации, причем кооперация должна всемерно привлекать к своей работе средства крестьян. Для улучшения кредитования государственной торговли и кооперации должны быть пересмотрены сроки и размеры кредитования в соответствии с особенностями различных отраслей торговли и сроками оборота в них.

Так как позиции государственной торговли и кооперации в оптовой торговле теперь достаточно прочны, центр внимания должен быть перенесен на завоевание розницы. Главной задачей государственной и кооперативной розницы является сближение оптовых и розничных цен. Накладные расходы и товаропроводящая цепь должны быть сокращены. Народный Комиссариат внутренней торговли и его органы на местах обязаны расширить свою деятельность в области ограничения розничных наценок к оптовым ценам, особенно в провинции, создавая и усиливая надзор также над частной торговлей.

При обсуждении доклада о внутренней торговле особое внимание привлечен вопрос о хлебозаготовках и ценах на хлеб. Для снабжения хлебом и семенами пострадавших районов, рабочего населения городов, Красной армии и потребляющих губерний государство должно иметь в своем распоряжении значительные запасы хлеба. При этом государство должно снабдить население хлебом по недорогой цене, не допуская спекулятивного повышения хлебных цен. Повышение хлебных цен грозило бы уменьшением продуктов, получаемых рабочим за его жалованье. Это вызвало бы необходимость увеличения заработной платы и вслед затем повышение цен на промышленные изделия. Покупательная способность рубля упала бы, и денежной реформе был бы нанесен серьезный удар.

Поэтому хлебные цены должны стоять на уровне, не только приемлемом для сельского хозяйства, но и для промышленности и всего народного хозяйства. В этих целях государство, являясь главным заготовителем хлеба, установило по районам так называемые лимитные (предельно-высокие) заготовительные цены на хлеб. Эти цены значительно выше прошлогодних. Пуд ржи в июле прошлого года стоил 37 коп., в этом году — 78 к., в августе прошлого года — 31 коп., теперь 92 коп., сентябрь — 27 коп., теперь — 60 коп. В отношении пшеницы: прошлый год в июле — 65 коп., теперь — 1 руб. 12 коп., август — 56 коп., теперь — 1 руб. 20 коп., сентябрь — 53 коп., теперь — 90 коп. Эти цифры наглядно говорят, что заготовительные хлебные цены в среднем вдвое выше прошлогодних.

В своей резолюции сессия ЦИК СССР указала Народному Комиссариату внутренней торговли на особую важность организованного проведения хлебных заготовок через кооперативные и государственные организации.

Лесное хозяйство.

Наши леса можно сравнить с теми неизмеримыми богатствами, какие заложены в районе Куреккой магнитной аномалии.

Такое сравнение сделал в своем докладе о лесах член коллегии Наркома М. И. Козырев.

Государственный лесной фонд РСФСР занимает площадь около 612 миллионов десятин. В довоенное время все виды пользования лесами давали в год народному хозяйству около 700 миллионов рублей дохода. Годовой прирост лесов исчисляется в размере около 50 миллионов кубов. Вследствие неравномерного распределения лесов по районам и недостатка средств используется ежегодно только 24 миллиона кубов, то есть меньше половины прироста.

Доход от лесов за 1923—1924 год, несмотря на недостаточный отпуск средств для нужд лесного хозяйства, был получен полностью в намеченном размере — около 40 миллионов руб. В будущем году по РСФСР намечается поступление от лесов на сумму 48 миллионов руб., а по всему Союзу — 60 миллионов руб. Однако, если учесть все предоставляемые льготы по отпуску леса, то годовой доход от лесов РСФСР надо считать свыше 100 миллионов рублей.

В 1924 году впервые за время революции было обращено достаточное внимание на снабжение средствами лесного хозяйства. Было израсходовано на леса около 11 миллионов руб. Однако, это надо считать недостаточным. А в прямой зависимости от расширения отпуска средств находится доходность от лесов. Отпуск средств надо расширить.

При снабжении средствами главное внимание должно быть обращено на увеличение заработной платы лесных работников, на лесостроительство, на ремонт построек и на охрану лесов. До войны средний заработок высшего лесного персонала составлял 127 руб., а средний заработок лесной стражи — 17 руб. В настоящее же время высший персонал получает 14 руб., а стража — 5 руб. в месяц. Особенно большое значение Наркомзем придает увеличению сумм, отпускаемых лесничим на разъезды, ибо только этим путем возможно увеличение надзора со стороны лесничих над лесами.

В настоящее время лесных материалов вывозится за границу 22 процента довоенного количества. По сравнению с предыдущими годами вывоз леса за границу сильно растет с каждым годом. Перед нами стоит задача — занять первое место на мировом рынке по вывозу леса, как это было до войны.

Тов. Козырев особо остановился на том значении, которое имеет лесная кооперация по улучшению лесного хозяйства. В особенности велико значение лесной кооперации в лесистых губерниях.

В заключение тов. Козырев коснулся вопроса о снабжении древесины сельского населения. Это одна из важнейших задач Наркомзема. Здесь, прежде всего, нужно сказать о передаче крестьянам лесов местного значения. Лесов, которые будут переданы в руки крестьян, насчитывается около 15 миллионов десятин. Эта площадь лесов в пять раз превышает площадь всех лесов Украины и в три раза больше лесов всей Германии. Можно считать, что к 1 октября передано в руки крестьян до 10 миллионов десятин. К намеченному лесным кодексом сроку передача лесов крестьянам будет закончена полностью.

Однако, леса местного значения покрывают только 30 процентов потребности крестьян в древесине. Остальные 70 процентов необходимого крестьянам леса будут отпущены из лесов государственного значения. Чтобы облегчить крестьянам покупку леса из государственных лесов, Наркомзем наметил отпуск древесины в рассрочку до одного года. Кроме того, предполагается упростить продажу леса сверх норм. Большим облегчением могло бы быть также организованное, а не единичное получение древесины.

По докладу о лесах было вынесено постановление об усилении отпуска средств на лесные нужды. Эти средства будут возвращены с многократным превышением.

По части отпуска леса вынесен ряд решений, особенно важных для сельского населения.

Народному Комиссариату земледелия поручено разработать: правила коллективного отпуска леса, порядок отпуска леса в рассрочку до одного года, правила продажи леса на сруб сельскому населению на его хозяйственные потребности, сверх нормы — подорожно и мелкими деланками в порядке упрощенного соревнования. Наконец, Наркомзем должен озаботиться открытием лесных складов в сельских местностях для облегчения получения лесных материалов в готовом виде.

Отпуск леса государственным учреждениям без торгов заменен отпуском по соревнованию.

Районирование Юго-Восточного края.

Прежде чем осветить рассмотренные сессиями изменения в нашем судебном законодательстве, отметим два доклада, стоявшие на сессиях особняком. Это — о районировании Юго-Восточного края и размежевании Средне-Азиатских республик.

В ближайшие годы Союз Республик подвергнется новому делению на области и районы. Границы наших губерний и областей не подвергались коренному пересмотру со времен Екатерины Второй. С тех пор жизнь изменилась, и нахождение губерний в старых границах очень осложняет жизнь. Поэтому границы надо перекроить.

Пересмотр границ еще необходим потому, что нет ни одного района, который походил бы целиком на другой. Только при установлении новых границ возможно развитие в полной мере все хозяйственные особенности каждого района. Организация новых районов даст ряд удобств населению и укрепит Советское дело.

Районирование — дело важное, и к нему надо подходить осторожно. Поэтому ВЦИК решил проводить районирование постепенно. В виде опыта взяты для районирования две области: промышленная — Уральская и сельско-хозяйственная — Юго-Восточная. Организация Уральской области уже закончена. Теперь нужно закончить районирование Юго-Восточного края.

Юго-Восточный край составляется из прежних: Донской, Кубанской и Терской областей и Ставропольской губернии. Площадь этого края составляет около 300 тысяч кв. верст. Земель, удобных для сельского хозяйства, около 20 миллионов десятин, причем в довоенное время засеивалось из них только 8 миллионов десятин. Вывоз хлеба из Юго-Восточного края составлял треть вывоза из всего Союза Республик. Ежегодный сбор хлеба достигал 500 миллионов пудов.

В годы войны и революции сельское хозяйство Юго-Востока сильно пострадало. Но, начиная с 1922 года, замечается быстрое его восстановление. Так, в 1922 году посевная площадь составляла 3 с половиной миллиона десятин, в 1924 году — 5 миллионов 200 тысяч десятин. Количество скота с 5 с половиной миллиона голов в 1922 году поднялось до 9 миллионов в текущем году. Промышленность Юго-Востока развита незначительно и занята, главным образом, переработкой сельско-хозяйственных продуктов.

Вначале предполагалось не включать в Юго-Восточный край Северный Кавказ, а объединять этот последний с Закавказьем. Но это предположение вскоре было оставлено, так как между Северным Кавказом и Закавказьем мало общего и в хозяйственном, и в политическом отношениях. А главное — в Закавказье большое будущее за промышленностью, на Северном же Кавказе будущее за сельским хозяйством.

Тогда и решено было объединить Северный Кавказ с Доном, образовав один Юго-Восточный край. Обе эти области имеют много общего. С присоединением Дона Юго-Восточный край будет иметь свою промышленность, способную перерабатывать сельско-хозяйственные продукты.

Некоторое время шел спор с Украиной о двух округах — Шахтинском и Таганрогском. В конце концов Украина согласилась на отделение их от украинских земель и на присоединение к Юго-Востоку. На это были прямые основания: Таганрогский порт обслуживает не Украину, к Юго-Востоку. Из Шахтинского же округа каменный уголь вывозится преимущественно на Дон и Северный Кавказ. Юго-Восточный край будет состоять из 11 округов: Донецкого, Морозовского, Таганрогского, Шахтинского, Донского, Сальского, Кубанского, Армавирского, Майкопского, Ставропольского и Терского. Кроме того, в Юго-Восточный край войдут: Адыгейская (Черкесская), Карачаевская, Кабардино-Балкарская и Чеченская области и республики — Горская и Дагестанская. Округа будут разделены на районы, числом около 100.

Районирование уже начато. Проведены районные съезды Советов. Образованы окружные и временный краевой исполкомы. Положительные результаты районирования уже имеются налицо. Власть приближена к населению, целый ряд крупных работников переброшен в низовые органы.

Сессия приняла изложенный план районирования Юго-Восточного края, переименовав его в Северо-Кавказский край.

Размежевание Туркестана.

Предложение о новом размежевании Средне-Азиатских республик исходило от ЦИК Туркестана.

Размежевание один из путей той политики, какую провозгласила Октябрьская революция в Туркестане. Если до революции русские пролетарии и крестьяне чувствовали гнет капиталистов, то для трудящихся Туркестана был еще и другой гнет — национальный.

Только с Октябрьской революцией народы Туркестана освободились от гнета и вышли на путь возрождения.

7 лет после Октябрьской революции были посвящены в Туркестане хозяйственному строительству и, прежде всего, проведению полного равноправия народов.

До сих пор Туркестан был выделен в самостоятельную республику с соблюдением прежних границ. В Туркестане — несколько основных народностей: узбеки, туркмены, таджики и другие. У каждой свой язык, свой хозяйственный быт, свои привычки. У каждой народности, кроме того, свои предрассудки. И вот, для того, чтобы все особенности каждого народа получили законное и всестороннее развитие, а предрассудки скорее отжили, и производится размежевание границ между этими народностями.

Почему не было произведено размежевания 2—3 года тому назад? Ответ ясен. Чтобы его произвести, нужно было иметь три условия. Первое — построить крепкую Советскую власть. Второе — уничтожить басмаческое (бандитское) движение. Третье — приурочить размежевание к тому времени, когда на этот путь встанут родственные народы Бухарской и Хорезмской республик.

Теперь басмачество уничтожено. Всебухарский Съезд Советов постановил произвести размежевание, такое же постановление имеется и в Хорезмской республике. Поэтому теперь мы и приступаем к размежеванию.

В чем будет заключаться размежевание?

Будут образованы две республики и три автономных области. Из частей Бухары, Хорезма и Туркестана, населенных узбеками, будет образована Узбекская Советская Социалистическая Республика. Площадь этой республики составит около 350 тысяч квадратных верст с населением около 6 миллионов человек.

Части этих республик, населенные туркменами, составят Туркменскую Советскую Социалистическую Республику, с площадью в 500 тысяч кв. верст и населением в 900 тысяч человек.

Из таджиков, проживающих в восточной части Бухары и горных районах Самаркандской области, составится Таджикская автономная область, с площадью в 76 тысяч кв. верст и населением в 850 тысяч человек.

Кара-киргизы, населяющие горные районы Ферганской и Семипалатинской областей, составят Кара-Киргизскую автономную область

с населением до 850 тысяч человек. Киргизы же, живущие в количестве 2 миллионов человек в Сыр-Дарьинской области и смежной части Семипалатинской, будут присоединены к Киргизской Советской Социалистической Республике.

Наконец, кара-калпаки, населяющие части Хорезма и Аму-Дарьинской области, выделяются в Кара-Калпакскую автономную область. Их насчитывается 300 тысяч человек.

Сессия приняла постановление о размежевании границ между средне-азиатскими Советскими республиками. Сессия поручила президиуму ВЦИК'а произвести размежевание в кратчайший срок.

Исправительно-трудовой кодекс.

Весьма важным явилось принятие сессией ВЦИК'а нового исправительно-трудового кодекса.

Исправительное дело не имело у нас до сих пор особого законоположения. Оно проводилось на основе некоторых постановлений 1918 и 1919 годов и указаний уголовного и уголовно-процессуального кодексов. Рассмотренный и принятый сессией исправительно-трудовой кодекс заполнил этот пробел.

Главной задачей нашей карательной политики является не мстить преступнику, не жестокая кара, а охранение общества от преступника и перевоспитание и исправление его трудом. Из этих основ исходит исправительно-трудовой кодекс.

Наши законы предусматривают отделение преступника от общества на срок до 10 лет. В зависимости от состава преступления и от того, насколько преступник может поддаться исправлению, ему определяется и место отбывания наказания: либо преступник совсем лишается свободы, либо осуждается на принудительные работы без содержания под стражей.

Наши буржуазные враги за границей сеют ложь о сотнях тысяч заключенных. У нас в действительности имеется по РСФСР 413 мест заключения, где числится 69 тысяч 500 преступников, из них 26 тысяч подследственных и 43 тысячи срочных.

Что касается условий содержания преступников, то самые разнообразные заграничные представители посещали наши места заключения и нашли их вполне удовлетворительными, даже лучше многих заграничных.

Исправительно-трудовой кодекс содержит 9 разделов, включающих 232 статьи.

В основе его, как уже было сказано, лежит не мстить и мучительство преступника, а исправляющий труд. Трудиться в местах заключения обязаны все преступники. Однако, и здесь они ограждены 8-часовым рабочим днем и выбором работы по способностям. Второй особенностью наших мест заключения является ведение там культурно-просветительной работы, ликвидация неграмотности, устройство музыкальных и просветительных кружков и прочее.

Преступнику, оказывающему успехи в труде, срок заключения сокращается.

Места заключения разделяются на: 1) дома заключения, 2) исправительно-трудовые дома, 3) трудовые колонии: сельско-хозяйственные, ремесленные, фабричные, 4) изоляторы специального назначения, 5) переходные исправительно-трудовые дома, 6) трудовые дома: а) для несовершеннолетних правонарушителей и б) для правонарушителей из

рабоче-крестьянской молодежи. При каждом месте заключения учреждается наблюдательная комиссия в составе: начальника места заключения, народного судьи, в районе которого находится данное место заключения, и представителя бюро профсоюзов.

Неисправительно-трудовой кодекс подробно предусматривает общий режим в местах заключения, работы заключенных, организацию культурно-просветительной работы в местах заключения, разбивку заключенных по разрядам, дисциплинарные меры, порядок выбытия заключенных, меры против побегов, правила об употреблении оружия стражей, порядок посещения мест заключения посторонними лицами и организацию помощи заключенным и освобождаемым из мест заключения.

Изменения в кодексах.

По предложению Народного Комиссариата Юстиции были внесены изменения в уголовный, гражданский, уголовно-процессуальный, земельный, лесной кодексы и в Положение о судостроительстве РСФСР.

Наиболее важными являются изменения, касающиеся кар за изготовление самогона и за лесные порубки.

Чем это было вызвано?

Обследование народных судов по 32 губерниям показало, что на 1-е января 1924 года состояло неразобранных дел: 122 тысяч уголовных и 85 тысяч гражданских. За истекшие затем полгода поступили: 421 тысяча уголовных дел и 147 тысяч гражданских. На 1 июля число неразобранных дел состояло: 124 тысячи уголовных и 94 тысячи гражданских. Таким образом, залежь дел увеличилась.

И это, несмотря на усиление работы судов. Если ранее каждый суд в среднем разбирает в течение месяца 75 дел, то теперь он разбирает 95 дел.

Надо покончить с этой залежью. Но как?

Рассматривая состав дел, мы видим, что по Брянской губернии 49 процентов (половину) всех дел составляют дела о лесных порубках и 11 процентов — о самогоне. В Пензенской губернии 11 процентов составляют дела о порубках и 36 процентов — о самогоне.

Это дало основание заключить, что значительную часть мелких дел о лесных порубках и самогоне, для облегчения работы судов, необходимо передать из ведения судов на рассмотрение административных органов.

Поэтому в отношении кар за лесные порубки постановлено:

— «Нарушение постановлений, изданных в интересах охраны лесов от хищения и истребления, если стоимость незаконно добытого не превышает 15 рублей по местной таксе, карается в административном порядке волостным исполнительным комитетом штрафом в размере не свыше тройной стоимости незаконно добытого по местной таксе.

Нарушение постановлений, изданных в интересах охраны лесов от хищения и истребления, если стоимость незаконно добытого превышает 15 руб., по местной таксе, или хищение совершается в виде промысла, а равно ведение лесного хозяйства с нарушением установленных правил карается лишением свободы на срок до 1 года или штрафом до 100 руб. с обязательной конфискацией незаконно добытого во всех случаях».

Таким образом, мелкие лесные правонарушения будут изъяты из ведения судов и переданы органам управления. Это упростит и уско-

рит судопроизводство. Крупные лесные правонарушения остаются в ведении суда.

Облегчит работу и передача из ведения судов мелких дел о самогоне и хулиганстве.

Преступления по парке самогона разделены на несколько разрядов. За парку самогона, совершаемую в виде промысла для целей личного обогащения, назначается наиболее высокое наказание — не ниже 3 лет. За изготовление самогонных аппаратов определяется наказание не ниже 1 года. Наконец, парка самогона из-за нуждежности карается не свыше 3 лет, но может быть определена и в 1 месяц.

Подготовка же самогона без цели сбыта, или если сбыт носит случайный характер, карается штрафом в размере до 500 рублей. При этом этого рода штрафы назначаются не судом, а органами управления.

Хулиганство, общественное безобразие, совершаемое в первый раз, также наказуется немедленно органами управления принудительными работами на срок до 1 месяца или штрафом до 50 рублей.

Мелкие фабрично-заводские кражи караются администрацией штрафами в размере до 15 рублей.

Далее, в уголовном кодексе изменен срок наименьшего наказания. Наименьшее наказание за уголовные преступления теперь может быть не 1 месяц, как было до сих пор, а только 7 дней. Для некоторых дел и этого срока вполне достаточно.

В отношении судопроизводства расширены права губернских судов. Им передана часть прав Верховного Суда. Например, им теперь дается право окончательно отменять решения нарсудов по соглашению с губернским прокурором. Губсуды получают право, утверждая приговор нарсуда, вносить в него необходимые изменения, не направляя дела в нарсуд для нового рассмотрения.

Расширяются и права нарсудов. Им передаются дела о конокрадстве, также все иски, не превышающие 1.000 руб. (было 500 руб.).

В ряде местностей народным судам даны нотариальные права. Так называемые «судебные приказы» приравнены к судебным приговорам и могут быть обжалованы лишь в высшую инстанцию.

Наконец, надо отметить введение в закон статей, охраняющих права женщин. Эти статьи были внесены по предложению Киргизской и Туркестанской республик. В этих республиках все еще существует «калым» (выкуп) за невесту, замужество несовершеннолетних, многоженство. В Хорезмской республике еще теперь можно нередко слышать: — Женщины подорожали, а верблюды подешевели.

В борьбе с предрассудками, закабаляющими женщину, введена статья, карающая уплату «калыма» лишением свободы до 1 года. Принуждение женщины к выходу замуж против ее воли карается лишением свободы до 5 лет.

Похищение женщины против ее воли также карается заключением до 5 лет. Карается и вступление в брак с лицами, не достигшими половой зрелости. Двоеженство и многоженство карается принудительными работами до 1 года.

Положение о воинских преступлениях.

Кроме того, сессией принято новое «Положение» о воинских преступлениях.

До сего времени особого Положения, определяющего воинские преступления и устанавливающего наказания за них, не было. Это входило в уголовный кодекс РСФСР.

Новое „Положение“ является единым для всего Союза, как единая наша Красная армия.

Новое „Положение“ дает точное определение воинских преступлений. В пункте первом Положения говорится:

„Воинскими преступлениями признаются преступления военнослужащих рабоче-крестьянской армии и флота, лиц, зачисленных в команды обслуживания, и лиц, состоящих на службе в территориальных формированиях, направленные против установленного порядка несения военной службы, если при том эти преступления по своему характеру и значению не могут быть совершены гражданами, несостоящими на военной или военно-морской службе“.

По другим преступлениям, то-есть по преступлениям, которые могут совершаться, как военнослужащими, так и прочими гражданами, военнослужащие караются по общим гражданским законам.

Отличительной чертой нового Положения является то, что название „военнослужащий“ применяется для всех служащих в Красной армии и флоте, независимо от того, принадлежат ли они к командному составу или красноармейцам.

Кроме уточнения отдельных статей старого законодательства по воинским преступлениям, в Положение добавлены две новых статьи. Одна из них гласит:

„Насилие над гражданским населением, учиненное военнослужащим в военное время или при боевой обстановке, карается высшей мерой социальной защиты (высшая мера наказания)“.

Другая статья говорит так:

„Незаконное использование начальником своего подчиненного для обслуживания личных потребностей начальника или его семейства, карается лишением свободы со строгой изоляцией на срок до 6-ти месяцев“.

Эта статья определенно устанавливает, что пользование „девчиками“ есть преступление.

Кроме этого, новым Положением устанавливаются несколько наказаний за различные побег с военной службы. Старым Положением за каждый побег, кроме тюремного заключения, налагалась еще конфискация имущества. Это, конечно, в большинстве случаев приводило к разорению крестьянского хозяйства. Новым Положением конфискация имущества за побег красноармейца со службы в мирное время совершенно отменяется, а также значительно сокращается тюремное заключение. Конфискация имущества остается лишь при побеге командного состава, совершенного, как в мирной, так и в боевой обстановке, а для красноармейцев конфискация имущества остается при побеге в военное время или при боевой обстановке.

Льготы военнослужащим и их семьям.

Многочисленность разрозненных постановлений о льготах военнослужащим влекла за собой большую трудность по осведомлению красноармейцев и их семей о льготах, которые им закон предоставляет. По этим же причинам органам власти было очень трудно следить за выполнением этих льгот.

Теперь все разнообразные льготы военнослужащим и их семьям сведены в единое постановление, содержащее 99 статей. В него включены льготы в области землепользования и сельского хозяйства, льготы по налогам, жилищные льготы, льготы по образованию и лечению,

льготы при поездке по железным дорогам, почтовые и судебные льготы, денежные пособия, льготы по страхованию, льготы при несении службы в отдаленных местностях.

На местные исполкомы возлагается защита правового и имущественного положения семей красноармейцев как в судебном, так и в административном порядке, в случаях нарушения их справедливых интересов со стороны прочих граждан.

Если в местном исполкоме будут получены сведения о заключении семьями красноармейцев явно невыгодных сделок по имуществу двора, то исполком, не ожидая заявления потерпевших, обязан сам возбудить соответствующие иски в судах о признании таких сделок недействительными или о прекращении их действия на будущее время. Исполком обязан поддерживать эти иски на суде через своих представителей.

Должностные лица, не принявшие мер к защите справедливых интересов семей красноармейцев, привлекаются к ответственности по соответствующим статьям уголовных кодексов Союзных республик.

Таможенный устав.

Наша торговля с иностранными государствами сильно расширилась и продолжает расти. Растет и наша промышленность, которая требует в некоторых случаях защиты от капиталистического вторжения в виде тех или иных товаров, вырабатываемых и на наших государственных заводах.

У нас существует государственная монополия внешней торговли, регулирующая ввоз и вывоз тех или иных товаров и продуктов.

Эти причины придают особую важность контролю за ввозом и вывозом.

Назрела необходимость иметь единый свод таможенных законов. Таможенный устав будет также нашим оружием при заключении торговых договоров с другими странами.

Таможенный устав довольно обширен. Он состоит из 311 статей и содержит в себе все правила, начиная с порядка перевозки государственных грузов через границу, вплоть до борьбы с контрабандой.

Союзное гражданство.

По докладу тов. Г. В. Чичерина было утверждено Положение о союзном гражданстве.

Этим Положением устанавливается единое союзное гражданство. Каждый гражданин Советской союзной республики—есть гражданин и всего Союза Советских Республик. Советский гражданин имеет все права и несет все обязанности, установленные, как законами всего Союза республик, так и законами той союзной республики, в которой гражданин проживает.

Закон о союзном гражданстве резко отличается от буржуазных законов по вопросу об иностранных гражданах. Если эти граждане проживают в Союзе республик, занимаясь собственным трудом, и принадлежат к рабочему классу или трудовому крестьянству, то они пользуются всеми правами советских граждан.

Чтобы предупредить уклонение некоторых граждан от выполнения гражданских обязанностей, всякое лицо, живущее в Союзе республик и не могущее доказать своего иностранного подданства, будет считаться советским гражданином.

Далее, Положение точно предусматривает порядок перехода на одного гражданства в другое; принятие в советское гражданство детей, один из родителей которых несоюзный гражданин; порядок изменения гражданства супругов и прочее.

Наконец, точно установлено, кто и в каких случаях лишается прав союзного гражданства. Таких случаев несколько: лишение гражданства по приговору суда, переход в другое гражданство, невозвращение из-за границы по требованию советских органов и другие.

Тов. Чичерин с особенной яркостью подчеркнул в своей речи важность и почетность союзного гражданства.

— Октябрьская революция, — сказал он, — впервые создала гражданина, представляющего из себя частицу объединения трудящихся. Когда гражданин Римской империи гордился тем, что он принадлежал к государству, распространившему власть на весь мир. Также теперь и англичане гордятся своей принадлежностью к „всемогущей“ Британии. Но гражданин Советской страны стоит неизмеримо выше их: он принадлежит к тому государству, которое выполняет историческую задачу создания власти трудящихся.

Основы судостроительства и судопроизводства.

В беглом обзоре нет возможности подробно остановиться на всех постановлениях сессий. Но одно из них еще необходимо отметить. Это — основы уголовного судопроизводства Союза, основы судостроительства Союза и основные начала уголовного законодательства Союза.

Эти вопросы были пробным камнем новой двухпалатной системы работы сессии ЦИК СССР. Известно, что по Союзной Конституции у нас во главе Союза стоят две палаты: Союзный Совет, избираемый на Съезде Советов, и Совет Национальностей, составленный из представителей народов отдельных республик.

И надо сказать, что двухпалатная система уже на первом опыте оправдала себя. Обсуждение основ судебного законодательства Союза в двух палатах показало, что такое рассмотрение наиболее полно обеспечивает права отдельных республик, укрепляя в то же время мощь Союза.

Основы союзного судебного законодательства были сессией утверждены. Единство суда в Союзе обеспечено, причем все шероховатости, могущие породить разногласия в судебном деле, были сглажены, а особенности судебной работы в отдельных республиках не стеснены. И общее мнение высказал делегат Украины тов. Блакитный, когда образно сказал:

— Мы никому не позволим рещеплать волос на волокна!

А. МИЛЬЧАКОВ

Уроки одной комсомольской дискуссии.

Читая доклад Центрального Комитета на VI-м съезде нашего союза, т. Чаплин специально остановился на рассмотрении и оценке ряда явлений, связанных с последней партийной дискуссией „о новом курсе“ и так или иначе отразившихся на комсомоле.

„Конечно, в нашей крестьянской стране нельзя пройти мимо того, что мелкобуржуазное влияние в тех или других, особенно в крестьянских, организациях дает себя чувствовать. Оно дало себя чувствовать и во время союзной дискуссии, в ряде выступлений и статей отдельных товарищей в московской организации в отношении независимости союза от партии, но эти голоса были одиноки... Особенно ярко проявилось это мелкобуржуазное влияние на наш союз во время дискуссии в юго-восточной организации. Про эту дискуссии, которая, действительно, была наиболее характерной в смысле проявления мелкобуржуазного влияния в Ставропольской и Краснодарской организациях на юго-востоке, уже много говорили и говорят. Я думаю, что мы, пожалуй, надоели юго-восточным товарищам, которые великолепно справились со своей „оппозицией“, но во всяком случае съезду будет не безынтересно познакомиться с теми лозунгами, которые выставляла союзная „оппозиция“ на юго-востоке“ (Бюллетень VI-го съезда РЛКСМ, № 2).

XIII-й партийный съезд подчеркнул всю важность воспитания молодежи в духе ленинизма и сигнализировал опасность мелкобуржуазного перерождения отдельных клеточек партийного организма. В последней дискуссии все мы были свидетелями чрезвычайно тревожных симптомов проявления мелкобуржуазного влияния в рядах нашей партии и, в частности и в особенности, — в рядах партийного и комсомольского молодняка.

На юго-востоке, где как в партии, так и в комсомоле, борьба между большевистским большинством и мелкобуржуазной оппозицией протекала довольно болезненно, дискуссионный период прошел очень своеобразно и, можно сказать, поучительно.

VI съезд комсомола придал дискуссии на юго-востоке общее значение и общий интерес. Нам представляется полезным познакомить партийного и комсомольского читателя с историей, существом и лозунгами мелкобуржуазной „оппозиции“ на юго-востоке в его отражении на рядах комсомола.

В самый разгар и в связи с партийной дискуссией о „новом курсе и рабочей демократии“ юго-восточная организация РЛКСМ развернула широкую дискуссию „о внутри союзном положении и очередных задачах“.

Основным документом, фигурировавшим в дискуссии, было постановление юго-восточного бюро ЦК и Донского областного комитета, от 3 января, в котором давалась характеристика состоянию комсомола, отмечался ряд болезненных явлений, оставшихся и накопившихся в практике союзной деятельности от прежнего военного периода, и выдвигался ряд основных мероприятий, направленных к устранению ненормальных явлений и поднятию всей союзной работы.

Это постановление в ходе **трехмесячной дискуссии** встретило поддержку подавляющего большинства организаций, особенно таких, как Ростово-Нахичеванская и Грозненская, актив которых показал себя партийно-выдержанным и правильно оценивающим положение. Юго-восточное бюро ЦК и Донской комитет отдавали себе отчет в том, что это постановление вызовет острый интерес со стороны широких союзных масс, и непролетарскими, партийно-невыдержанными элементами будет использовано **против** руководящих органов, **против** партийного влияния на молодежь.

Подобное обстоятельство усугублялось тем, что внутрипартийная борьба еще не закончилась и местами носила чрезвычайно тяжелый характер.

Учитывая все это, юго-восточное бюро ЦК и Донской комитет, имея в виду слабость партбюро и наличие в комсомоле массы новичков, предупреждали на счет возможных уклонов в дискуссии в сторону отвлеченных споров о демократизме.

В этом постановлении, опубликованном 3-го января, говорилось следующее:

«Ставя рассмотрение этих вопросов в **связь** с протекающей в РКП дискуссией о новых задачах партии, юго-восточное бюро ЦК и Донской комитет РЛКСМ рекомендуют местным организациям через участие комсомольцев в общепартийной дискуссии и через привлечение партийных организаций к практическому обсуждению очередных задач комсомола **учесть** опыт партийного обсуждения целого ряда основных вопросов, имеющих общие корни и устранимых мерами, **аналогичными** общепартийным мероприятиям».

Всем нам должно быть ясно, что обсуждение очередных задач союза непосредственно вытекало из партийной дискуссии «о новом курсе», что союз молодежи идет по стопам коммунистической партии, а в последней дискуссии — по свежим следам внутрипартийных споров.

Союзному активу и особенно той его части, которая входит в ряды партии, нужно было осознать себя **партиработниками в комсомоле** и изменять новый курс партийной работы в союзе, не возобновлять споров, партий после XIII Всероссийской конференции окончательно решенных и в части, касающейся выступлений мелкобуржуазной «опозиции», осужденных.

Однако, уже после Всероссийской партийной конференции частью активных работников Краснодарской организации дискуссия с пути практического обсуждения недостатков союзной работы и мер ее улучшения была сбита на рельсы принципиальных споров о демократии.

Это произошло после того, как основные рабочие организации края (Ростов, Грозный) в районах, на активе и в ячейках подробно прорабатывали очередные задачи союза и внесли во всю дискуссию деловитость, чувство ответственности и партийное понимание комсомольской обстановки.

Общегородское собрание Краснодарского актива (за которым пошел в ходе дискуссии актив трех других организаций: Ставропольской, Тихорецкой и Крапоткинской) точки зрения юго-восточного бюро ЦК

противопоставило свою точку зрения, нашедшую достаточно яркое выражение в принятой собраньем (в результате четырехдневных споров) оппозиционной резолюции.

Основная линия разногласия между Кубанской (Краснодар, Тихорецкая, Крапоткин) и Ставропольской городской «опозицией», состоящей из союзного актива и позднее отказывающейся от своих утверждений, и большинством юго-восточной организации проходит по следующим **шести пунктам**.

1. «Опозиция» объявила «неправильной организационную линию союза, начиная с V-го Всероссийского съезда, вызвавшую, по мнению ее, — в неприведении в союз принципов самостоятельности и демократии» (Резолюция «опозиции», «Дискуссионный листок» № 1).

Такое огульное охаванье всей союзной политики за последние полтора года (со времени V съезда до момента дискуссии), когда союз окреп, расширил свои ряды за счет пролетарского юношества, воспитательно охватил широкие массы молодежи, начал проникать во все поры деревенской общественности, содействовал улучшению экономического положения рабочей и батрацкой молодежи — такое охаванье союзной политики объективно чрезвычайно опасно, родило неверие в наши силы, ставило под подозрение Центральный Комитет и, наконец, просто не отвечало действительности.

2. «Опозиция» обвиняла в консерватизме ЦК и весь союзный аппарат и требовала разгрома аппарата своим лозунгом «пересмотра актива на предмет изъятия подмоченных старым курсом руководителей» (Резолюция «опозиции» — «Дискуссионный листок» № 2).

Здесь «опозиция» **разработала** союз, не способствовала сближению руководящих органов с массой, подрывала партийное влияние на молодежь, дискредитировала партийное руководство союзом, ибо всем нам ясно, что партия руководит комсомолом через коммунистов, в нем работающих, через союзный аппарат.

3. «Опозиция» требовала отмены партийного и союзного стажа для руководителей, в обстановке строгого подбора работников, по мнению ее, вырождающихся в бюрократов по отношению к массам и в подхалимов по отношению к верхушкам».

«Опозиция» явно разрывала преемственность между активом и новичками, роняла авторитет актива, в большинстве случаев партийного, и **противопоставляла** комсомольского новичка «старой союзной гвардии».

4. «Опозиция» выдвигала на первый взгляд совсем невинный лозунг «обсуждения на комсомольских собраниях всех основных вопросов партийной работы», очевидно, забыв, что пропитанию партийным духом всей союзной деятельности, усвоению комсомольцами ленинизма не способствует голое требование обсуждения в комсомоле, а следовательно, и **критики**, всех основных вопросов партийной работы. Разве можно преподносить комсомольцам (завтрашним большевикам-ленинцам) большевистское воспитание через обсуждение в союзе **всех основных вопросов политики партии**, т.е. через обсуждение и критику **всех партийных линий поведения партии**?

Комсомол должен усваивать и применять основные принципы партработы в своих рядах, **не умаляя, а разъясняя руководящую роль партии**. «Опозиция» на деле в этом своем лозунге попыталась отдалить комсомол от партии-руководительницы.

5. «Опозиция» требовала в своих резолюциях «широкой демократии для всех членов союза без всяких рамок». И особенно нападала

на имевшую еще в слабых организациях место форму руководящей помощи людям—на назначенство.

Здесь „опозиция“ утратила всякое чувство меры, необходимое молодежи ленинского союза, и подрывала основы большевистской дисциплины в нашей организации.

Во время партдискуссии тов. Крупская на страницах „Правды“ совершенно правильно писала, что весь вопрос заключается в том, как и какими мерами обеспечить **рабочую демократию** в рядах нашей партии, создать обстановку наиболее благоприятствующую развитию пролетарской части партии. Так что демократия „не для всех и не без всяких рамок“... И здесь нужна особенно терпеливая разведывательная работа.

6. „Опозиция“ придала чрезвычайно расширительное толкование тому пункту постановления юго-восточного бюро, где было сказано, что союз должен перейти к организованному влиянию на школьную жизнь, отнюдь не **обременяя** своих рядов непролетарскими элементами. „Опозиция“ провозгласила лозунг **широкого охвата** влиянием союза интеллигенции. Так как в школах мы не имеем достаточного, по мнению „опозиции“ слоя комсомольцев, то ею предлагалось через усиление работы среди учащихся, через создание особых групп учащихся, сочувствующих комсомолу, и через создание специальных бюро по работе среди учащихся—изжить существующее положение.

Ясно, что такое толкование пункта постановления юго-восточного Бюро ЦК о работе в школах доводило его до противоположности, до **обременения** наших рядов непролетарскими, мещанскими элементами.

В конце марта состоялся расширенный пленум Юго-Восточного бюро ЦК с представителями местных организаций, который подвел итоги разногласиям, вскрыл причины, их породившие, и единодушно пришел к выводу, что выступления данной „опозиции“ можно охарактеризовать, как отражение мелкобуржуазного уклона, отмеченного в партийной дискуссии на союзе, как бунт партийно-невыдержанной и большевистски-незаконной части союзного актива „за новичка—против старой комсомольской гвардии“, как болезнь левизны и расширенного, полуменьшевистского толкования принципов внутрипартийной рабочей демократии.

Пленум нашел, что против подобных уклонов необходима борьба и систематическое партийное воспитание комсомольской молодежи.

Вот какова, в общих чертах, идейная сущность и вооружение одной комсомольской „опозиции“, занесшей в комсомол дух и лозунги мелкобуржуазного уклона, имевшего место в партии за последний период и осуждаемого высшими партийными собраниями.

Выводы теперь представляются убийственно ясными.

„Необходимо наладить систематическое изучение истории партии, ее программы и тактики, ее организационных принципов, всего идейного наследства, оставленного партией тов. Лениным. В особенности должна освещаться борьба партии с оппортунизмом, на которой выросла и в которой закалилась наша партия“. (Из резолюции XIII-го съезда РКП о молодежи).

Тогда ленинский комсомол станет действительно школой волевого, творящего большевизма, как то провозгласил наш VI Всесоюзный съезд.

С. ФИЛИНСКИЙ

Макс Гельц.

Его жизнь в германском каземате.

Начиная со времени избрания высшего рейхстага, германская компартия не прекратила борьбу за освобождение жертв германской реакции, за освобождение передовых борцов революционного пролетариата.

Во всех заседаниях весенней сессии рейхстага проводилась кампания, требующая амнистии политических заключенных: из пределов рейхстага она перешла на собрания, митинги, в прессу, наконец, на заводы и фабрики.

В этот период борьбы за освобождение борцов, мы познакомим наших читателей с жизнью в германских казематах одного из лучших революционеров, выходцев из рядов германского пролетариата, осужденного на пожизненную каторгу, **Манса Гельца**.

Это было в марте 1920 года, во время вооруженного восстания в средней Германии, когда имя **Манса Гельца** наводило ужас не только на всю Германию, но, быть может, и на всю Европу, опасавшуюся победы германской революции. **Макс Гельц**, мелкий коммерческий служащий, участник войны, на собственном теле прочувствовал весь гнет хищнического капитализма и во время восстания оказался революционером редкой величины, вожаком, за которым массы шли в бой, которого все окружающие любили и ему подчинялись. Во время борьбы Гельц применял приемы революционной войны, и поэтому испуганная буржуазия оклеймила его „атаманом разбойников“, а во время крупного процесса классовый суд, несмотря на горячую самозащиту Гельца, и вавилу как своих коммунистических идей, так и своих революционных приемов борьбы от осквернения, был все же осужден, как **уголовный преступник**, на вечную каторгу с лишением всех гражданских прав.

В борьбе с революционным движением германская белая юстиция прибегает не только к жестоким приговорам, но всеми мерами старается морально осквернять пролетарских вождей для того, чтобы подрывать их авторитет у широких народных масс. Так было и с Гельцом. Революционный вождь, который во время массового восстания конфискует у помещиков съестные продукты для того, чтобы пропитать свою революционную армию, или забирает у капиталиста автомобиль, или под угрозой конфискует оружие, не получает, конечно, орденов, как генерал империалистической войны, а осуждается буржуазным судом к смерти, а затем бросается на всю жизнь в тюрьму.

Заслуга Гельца германским пролетариатом, однако, ставятся в другом свете, чем это делает буржуазия. Это показывает тот факт,

что Макс Гельц был выставлен кандидатом в германский рейхстаг во главе одного списка герм. компартии, но не был властями допущен к выборам.

Узнавать о жизни Гельца представляется чрезвычайно трудным, так как он особенно изолирован и сильно охраняется от соприкосновения с внешним миром. Ввиду этого, ознакомим читателя с теми сведениями, которые недавно были опубликованы в одной немецкой республиканской газете.

Буржуазный писатель Ганс Гатман пишет в „Республиканской прессе“ следующее:

„Макс Гельц, который в течение короткого времени служил ужасом для средней Германии, желавший „грубой“ *) энергией осуществить в Германии русскую революционную практику, отбывает в каторжном отделении уголовной тюрьмы Клетшнау свое пожизненное тюремное наказание“.

Клетшкау представляет собою огромный комплекс красных домов, окруженных мертвой каменной стеной, и расположен впереди гор. Вреклава в В. Силезии. Мимо тюрьмы целый день прокатываются поезда и электрички, и кто из проходящих или проезжающих мельком взглянет на окна темницы, тот замечает прижатые к решеткам лица, глаза которых полны тоски по воле, которую обладатели ее так мало умеют ценить.

В этой тюрьме Макс Гельц находится под исключительно строгим надзором. К нему никто не допускается. Все прошения о малейшей с ним беседе тюремная дирекция отклоняет. Этим преследуется цель сделать Гельца для мира сего мертвецом. Из вполне достоверного источника я узнаю, что Гельц, на которого одно время в Германии, быть может, во всей Европе, были направлены все глаза, сейчас должен обретаться совершенно изолированным. Чтобы отрезать его от всякого соприкосновения с другими заключенными, чтобы в корне уничтожить и предотвратить всякий план бегства, так не только изолировали его, Гельца, но и его камеру. Обе по бокам лежащие камеры держатся всегда пустыми. Кругом и около него никто не должен жить, с ним никто не должен говорить, свою короткую ежедневную прогулку он делает один, скрытый во дворе, под присмотром вооруженных надзирателей.

Гельц все время энергично добивается пересмотра своего дела. Все его мысли заняты этим. Его неотступно угнетает мысль о том, что всю жизнь должен провести в каторжной тюрьме, как простой преступник, лишенный всех гражданских прав. Он верит, что ведет борьбу в интересах освобождения рабочих.

Макс Гельц, среднего роста, крепкого телосложения, мечтатель, ходит во время прогулки во дворе с глубоко опущенной головой, — вечно размышляющий, с собою говоря, с глубокой думой о достижениях свободы.

2 года он находится в одиночке с цементным полом, и только после долгих просьб и требований там сделали деревянный пол. Единственное, что ему разрешили, — это чтение некоторых газет.

Гельц сохранил свою революционность и в тюрьме; она еще усилилась глубочайшей ненавистью к господствующему строю и к его угнетателям.

*) Кавычки всюду мои, ибо я с буржуазным автором в характеристике не согласен. С. Ф.

Автор приводимой ниже статьи это его состояние приписывает издерганным нервам; но революционеры, знакомые с тюремным заключением с вечной борьбой с администрацией за свои незначительные права в одиночном заключении, добывающиеся этих привилегий годовыми вкладами вплоть до смертных исходов, иначе объясняют поведение т. Гельца.

Но посмотрим, что нам рассказывает дальше буржуазный автор: „Одиночное заключение в высшей степени отразилось на физическом и душевном состоянии Макса Гельца. Нервная суетливость, воспламеняющееся беспокойство съедают его. Его недоверчивость, его ненависть к окружающему — безграничны. Тюремной администрации не легко с ним обходиться. Бывает, что он не точно в 9½ часов утра получает свои газеты, тогда он начинает стучать табуретом в дверь так сильно, что вся тюрьма дрожит и гулко отзывается далеко в округности. Чиновникам приходится переносить его фанатические злобные выпады. Его „необузданный“ темперамент ему часто приносит особые наказания. Когда ему отказывают в каком нибудь, по его мнению, справедливом требовании, он требует прихода директора; если последний долго не является, Гельц долго „неистовствует“, и если директор отказывает в его желаниях, он преследует свою цель до высших инстанций. Гельцу разрешено чтение 6 газет, — это единственное, что его связывает с внешним миром. При всей его изолированности, администрация все же не могла предотвратить, чтобы т. Гельц некоторое время тому назад отозвался на некоторое политическое событие (его письмо было тогда отпечатано в „Красном Знамени“ — С. Ф.). Вся его одиночка, поскольку это допущено тюремным распорядком, выклеена газетными вырезками. Но жизнь и с этими мелкими облегчениями до того ужасна, что энергия такой сильной натуры, как у Гельца, иногда отказывается служить. Уже несколько раз случалось, что он на лестнице или во время прогулки на дворе впадал в бесчувственное состояние“.

Описывая в таких штрихах жизнь крупнейшего германского революционера в его каземате, этот буржуазный панфилист замечает, что „тогда как мигают самых ужасных уголовных преступников, следовало бы Гельцу, этому фанатическому поклоннику и передовому борцу за русский большевизм, дать возможность добиться пересмотра его процесса“.

Как наивно! Буржуазия боится таких людей, как Гельц, и еще более таких политических процессов и никогда не станет выкапывать таких дел на поверхность, хотя бы и в случаях ошибочного приговора. И насколько известно, Макс Гельц не ожидает своего освобождения от буржуазии, но единственно от победной Германской пролетарской революции!

Эстония сегодня.

Очерк.

Ревель слегка.

Эстония—„заграница“, маленькая Европа.

Столица Эстонской „демократической“ республики Ревель—Лондон в миниатюре. Не нам чета...

Все по-заграничному, все на английский лад.

Первым делом на улицах Ревеля бросаются в глаза чистенькие, выхоленные, в белых перчатках, в новеньком английском обмундировании... Кто бы вы думали? Гм...

Да городские! Самые настоящие. Старые, царские.

Стоят как истуканы, но все видят, все слышат, все знают...

В такое же новое обмундирование одеты офицеры эстонской армии и солдаты. Только солдат почти не видно на улице. Их всех держат в казармах, чтобы не „заражались“ большевизмом.

Не помогает. „Большевицкие язвы“ и там их поражают...

Ревель производит впечатление чистенького, опрятного города. Здания в большинстве—готика, много башен.

В городе ни одного нищего, зато уйма шпиков!

Все чистенько одеты. Даже дворники с галстуками, в перчатках, в модных шляпах...

Отсутствие нищих и бродяг отчасти объясняется, как особая психологическая черта эстонцев-трудовиков: голодают, но не идут попрошайничать, и притом существует закон, запрещающий просить милостыню. Всех нищих ловят, сажают в тюрьму, а потом этапным порядком отправляют к „месту жительства“—излюбленный метод эстонской полиции.

Кому в Эстонии жить хорошо.

Внешнее благополучие, отсутствие на улицах нищих еще не говорит за то, что там живет хорошо рабочим и крестьянам...

Хорошо живут торговцы, спекулянты спиртом и вообще всякие дельцы и махинаторы. Одним словом „вся демократия“...

Рабочим живет чрезвычайно тяжело.

Самый что ни есть квалифицированный рабочий получает в месяц до 6.000 эстонских марок (около 30 советских рублей), женщины-работницы до 3.000 эстонских марок, правда, при 8-часовом рабочем дне.

Но этот заработок имеют не все.

Многие фабрики и заводы работают два-три дня в неделю.

Как растет число безработных, видно из следующего: по Ревелю на май—август числилось 8.776 рабочих, осталось к первому октября—6.533 человека.

Министры

В Нарве на первое мая числилось 7117, к октябрю с/г, осталось 5909 человек.

В Юрьеве промышленности почти нет. Из 394 рабочих, числившихся на первое мая, — осталось к первому октября 304 человек. И так везде и всюду.

В Ревеле выходят газеты ночью. Возле редакций толпы безработных. Ждут выхода номера, чтобы по объявлению „получить“ место. Если по-

падется объявление с требованием рассылного, то на следующий день пятьсот, шестьсот прошений о принятии на службу. Особенно в Ревеле наблюдается много проституток, к которым полиция относится довольно благосклонно — не замечает их или усыласт в более темные улицы.

Крестьянство как рабочее, так и сельскохозяйственное находится в несколько лучших условиях, хотя не все.

Крестьянство делится: на зажиточных хуторян, на крестьян новопоселенцев, батраков и крестьян-рабаков.

Крестьяне-хуторяне живут хорошо. Они нечто среднее между нашим кулаком и помещиком. Сами не работают, нанимают батраков, которых эксплуатируют самым гнусным образом. Чуть ли не за одну жалкую копейку.

Крестьяне-новопоселенцы — нечто новое в Эстонии.

В Эстонии есть закон, ограничивающий количество земли у помещиков и баронов.

Рабочая деревня.

Эти „излишки“ земли (и нужно сказать—самые худшие) достались солдатам, участвовавшим в „освободительной войне“ 1918 г. против большевиков, часть земель досталась батракам.

Крестьяне-новопоселенцы живут скудно, так как у них отсутствует рабочий скот и инвентарь.

Большинство из них бросают свои участки, уходят на заработки от помещика к помещику, от кулака к кулаку, или переходят из города в город в надежде найти заработок.

Эта часть батрацкого элемента—ни рабочие, ни крестьяне, скорее люмпен-пролетариат, за которым охотится полиция.

Экономическое состояние Эстонии настолько плачевно, что всевозможные предприятия все больше и больше сворачиваются, выбрасывая на улицу сотни рабочих.

Золотого запаса—15 миллионов,—который достался Эстонии по договору с нами в 1920 году,—хватило до декабря 1923 года. Если до этого времени марка падала, то они брали из золотого фонда, покупали валюту, и марка опять подымалась. Теперь хуже. Марку держат искусственно. Вышел золотой запас,—его значительную часть эстонские министры просто „пробанкетили“...

Характерно, что почти каждый эстонский министр—„демократ“, когда его спихивали с министерского кресла, уходя, открывал магазин или вступал в паевое товарищество.

Чтобы избежать окончательного экономического краха, министр финансов Эстонской Республики Штрадман пытался повысить пошлины до 300%, но это вызвало дороговизну.

В эстонской прессе промелькнуло как-то, что мы сокращаем транзит. Это вызвало общественное мнение. И они, не желая слышать, что живут почти нашим транзитом, успокаивали себя тем, что, мол, большевикам невыгодно сокращать свой транзит, петроградский порт замерзает, а ревельский—никогда. В кино стали демонстрировать фильму, как „идеально“ ревельский ледокол спасает какой-то пароход, затертый льдами. Кажется „советский“ пароход, который чуть не „пропал“ где-то под Питером...

Теперь, говорят, эстонцам кое-как повезло. Удалось получить от английских банкиров что-то около миллиона фунтов, только под гарантию частного банка Шеля—эстонского некоронованного короля.

Эстонцы очень гордятся своей родиной. Говорят: „Мия Маа“ (наша земля, родина), а теперь многие, будучи озлоблены, что эстонское правительство, спасая свою шкуру, отдало всю Эстонию в руки Шеля, говорят: „Шель-Маа“...

Эстонская рабочая молодежь.

Развитие эстонской рабочей молодежи идет параллельно с рабочим движением. При всех профсоюзах есть комиссия молодежи (не союз, а комиссия; комиссия рабочих и т. д.). Молодежь издает свой журнал, но реакция настолько сильна в Эстонии, что журнал дальше первого номера не может выйти. Выходит все под новым названием.

Эстонская молодежь (рабочая, конечно) очень любит спорт, увлекается спортом. Недавно существовал кружок спорта „Геркулес“, но такого рода организации преследуются полицией так же, как и профсоюзы. „Геркулес“ был разогнан полицией. Теперь специально рабочего спортивного кружка нет.

Рабочая молодежь, особенно подростки находят другой выход. Они собираются группами при профсоюзах и работают над собой путем самообразования.

Существуют хоровые, драматические кружки. Есть даже кружок по изучению русской революции.

Но это продолжается недолго, пока не пронюхает полиция. Редко кружки выживают по месяцу.

В прошлом году не так была сильна реакция.

Даже в деревнях существовали союзы крестьянской молодежи. Теперь их почти повсеместно разогнали.

Крестьянская молодежь не особенно отстала от заводской и фабричной молодежи. Неграмотных нет.

В смысле активности можно выразить так: рабочая молодежь активна на 80%, крестьянская—наоборот.

Но эта неактивность не имеет враждебности.

Они признают переворот, но кто сделает его—не их дело.

Эстонская интеллигенция.

В большинстве националистична.

Ненависть не только к большевикам, но и вообще к русским, даже к своим соратникам—русским эмигрантам.

Что же касается интеллигентской молодежи, то в последнее время заметен значительный переворот.

В Юрьевском университете существуют кружки по изучению нашей революции. По настоянию значительной части студентов Юрьевского университета, чрез наше отделение Ленинградского Госиздата, которое находится в Ревеле при торгпредстве СССР, были выпущены полностью сочинения В. И. Ленина, Плеханова, Троцкого.

Мотив: для научно-исследовательских целей.

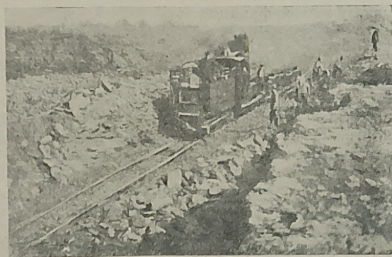
На самом деле для пополнения университетской библиотеки.

Русская эмиграция.

Одна из скучнейших страниц истории—жизнь белой эмиграции вообще, но в Эстонии, где остались лишь подонки, презабавные их—нечто кошмарное.

В Ревеле выходит эмигрантская газета „Последние Известия“ под редакцией монархиста Р. С. Ляхвичего.

Эта газета то „сына Чичерина с согласия самого Чичерина“ постигает в монахи, то сажает на всеороссийский престол императором: то Кирилла, то Николая Николаевича, то обоих вместе, или отказывает им в престоле. Что же касается „кроваво-политных боев в Грузии“, то она еще до сих пор „уничтожает“, и притом зверски, сотни

Эмигранты на работе.

тысяч „несчастных грузин“ и то берет, то отдает обратно гор. Тифлис.

Вообще газета „боевая“... как и вся эмиграция.

Но, видно, процесс Савингова нанес жестокий удар всей эмиграции. Зашевелились. Заговорили об эмиграции в Канаду и т. д. Эта газета поддерживается английскими и французскими банкирами.

Эстонцы белую эмиграцию ненавидят, но терпят постольку, поскольку боятся разобидеть французских и английских банкиров—своих в данное время работодателей.

Недавно не выдержали.

Были уволены из армии все бывшие русские офицеры, которые не знают эстонского языка. Было много шума.

Белые эмигранты поустраивались кое-где переписчиками, но больше на лесных разработках, на торфяных (сланцевых) работах, а также работают у крестьян-кулаков в качестве простой рабочей силы.

Значительная же часть из них форменно голодают, но все-таки СССР считают „Чекистским застенком“...

Эстонская компартия.

В последнее время много коммунистов сидит по тюрьмам. Значительная часть в подполье и вне Эстонии.

Реакция свирепствует во всю. Рабочая печать под полицейским сапогом.

Я как-то спросил одного эстонского коммуниста:

— Есть у вас пролетарские поэты и писатели?—Он посмотрел на угрюмые стены тюрьмы, сказал:

— Зайдите, может, сумеете их увидеть...

Я понял его иронию.

Из белой прессы видно, что работа компартии их очень беспокоит. Они пишут, что вся южная Эстония освобождена от „большевизмской заразы“.

Но это не так.

Это обыкновенно разгоняются профсоюзы. Подпольники работают очень умело и искусно.

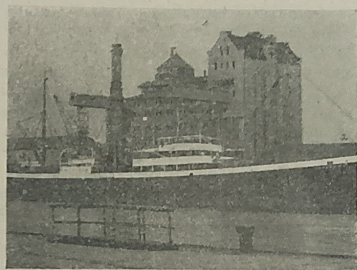
Несколько коммунистов имеется даже в Государственном собрании. Вечные споры бывают с коммунистами. Все собирают голоса, чтобы посадить в тюрьму членов Государственного собрания из коммунистической фракции.

Советский хлеб за границей.

Торговое представительство СССР в Эстонии по договору с министерством путей сообщения Эстонской Республики 8 апреля 1923 года взяло в аренду для целей эксплуатации Ревельский элеватор сроком на 12—15 лет с обязательством привести его на свои средства в рабочее состояние. Годовая арендная плата договором определена в 1000000 эстонских марок. Стоимость ремонта засчитывается в счет арендной платы с тем, однако, ограничением, что, если стоимость ремонта превысит 15000000 эстон. марок, то перерасход должен быть отнесен за счет торгпредства.

Элеватор не только восстановлен, но и улучшен.

Вместо прежней паровой силы, нами оборудована электрическая движущая сила, что дает возможность элеватору приводить в движение, по желанию, только те отдельные из имеющихся в элеваторе установок, которые нужны для каждого отдельного случая. Каждая установка имеет свой электромотор. Электрическую энергию элеватор получает от ревельской городской электрической станции на общих основаниях. Установлены новые аспираторы, позволяющие чистить зерно ветром и ситами при производительности в 100 тонн в час для такого зерна, как рожь, а также установлены триеры-куколетборники, позволяющие чистить овес от куколя и мелкой вики и пшеницу от куколя, при производительности от 8 до 16 тонн в час (в зависимости от сорности и количества зерновой примеси). В прежнем элеваторе таких зерноочи-

Элеватор.

Производительность элеватора и влияние на эту производительность подъездных жел.-дор. путей.

В элеваторе имеются приемные норки и каждая из них имеет производительность в 110 тонн в час,— две норки производят 220 тонн в час. Такую производительность элеватор даст только при работах по погрузке зерна из своих зернохранилищ на пароходы. Что же касается приемки зерна из вагонов, то производительность норки уменьшается в два раза и объясняется это тем, что подъездные железнодорожные пути у элеватора весьма неудобны.

Емкость элеватора и трех при нем складов.

Элеватор вместе с относящимися к нему складами и площадками на одновременное хранение может принять зерно в количествах: на хранение только россыпью (элеватор-бассейн) 275000 пуд., на хранение в мешках или россыпью:

склад элеватор № 1	}	— 175000 пуд.
элеватор № 2		
элеватор № 3		
на хранение только в мешках:		— 40000 пуд.
И т о г о		525000 пуд.

Пропускная способность элеватора и складов при нем.

Выгруженное зерно из вагонов элеватор-бассейн может принять двумя своими портами в 1 час 6000 пуд, т.е. в 8-часовой рабочий день 48000 пуд.

Склад „Элеватор № 1“ при помощи 4-х партий рабочих может принять в час 2000, т.е. в 8-часовой рабочий день 16.000 пудов.

Склады „Элеваторов №№ 2, 3“ при помощи 4-х партий рабочих могут принять 16000 пудов.

Общая приемка зерна — 80.000 пудов в сутки.
Отпуск зерна равен 86.000 пуд. в сутки.

Деятельность Эстонского отделения Доброфлота.

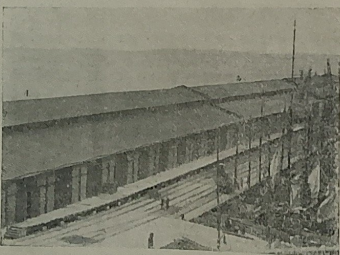
Эстонское отделение Добровольного Флота продолжает работу б. Транспортного отдела торгпредства СССР в Эстонии.

С конца 1920 по 1922 год работа производилась чрез посредство местной экспедиторской конторы Штуде, которая в свою очередь пользовалась рабочей силой таможенной артели.

В декабре 1921 г. Доброфлот отказался от посреднических услуг этой конторы, но продолжал пользоваться организованной рабочей силой таможенной артели.

Это продолжалось до 1923 г., когда Доброфлот отказался также и от услуг таможенной артели и сам стал набирать рабочую силу.

За этот период грузооборот Эстонского отделения Доброфлота в пудах характеризуется так: за 1921 год — 10 миллионов, за 1922 год — 22 миллиона и за 1923 год — 10 миллионов. Причина такого резкого сокращения нашего транзита вызвана голодом в Поволжье, когда наше зерно не экспортировалось за границу. Средний расход за доставку от борта парохода с пуда: за 1921 год — 32 эстонских марки, за 1922 г. — 20 эст. марок и за 1923 год — 16 эст. марок. Из сопоставления приведенных цифр вытекает, что отказ от посреднических услуг и переход конторы Доброфлота на хозяйственный способ ведения дела дал благоприятные результаты, выразившиеся в значительной экономии, что дало возможность повысить и рабочим почасную плату с 200—250 марок в день до 300 марок (приблизительно в день 1½ рубля в сов. твердой валюте), а при калькуляции сдельных цен исходила из того же повышенного заработка.

Склады Доброфлота.

За время с 1922 года отделением Доброфлота было достигнуто значительное уменьшение железнодорожных тарифов, в особенности на массовые перевозки, а также значительное уменьшение попутного портового сбора. Кроме того, отделение Доброфлота добилось отмены взимавшихся в пользу местных контор маклерского и стедажного сбо-

ров, но в значительной степени на понижение расходов повлиял отказ отделения Доброфлота от посреднических услуг экспедиторской конторы.

Погрузка, например, одного пуда груза с борта парохода через склад в вагон стала обходиться в 4 марки 50 пени, вместо обусловленного договором со Штуде — 8 марок с пуда, и всякий излишний расход получает не только значение перегрузки накладных на товар расходов, но еще большее значение препятствовать перемещению ресурсов в чужую страну, а потому вопрос об удешевлении транспорта поставлен отделением Доброфлота во главе своих задач.

Отделение Доброфлота транспортирует большое, выражающееся в миллионах пудов, количество самого разнообразного груза, как мас-сового, так и мелкого.

В виду сезонной и неравномерной работы, грузовая подвижность отделения Доброфлота достигает временами огромной по ревельскому масштабу высоты. Так, в период между 6 и 12 января 1924 г. одновременно погружалось Доброфлотом 7 пароходов с хлебным грузом и три парохода с волокнистыми веществами и выгружалось два парохода с мелким грузом и один с чаем. В течение этого периода было выгружено и погружено одного хлебного груза 1308 вагонов за неделю.

Отделение Доброфлота в Эстонии за такой короткий период, с 1921 года, сумело монополизировать все наши переправки грузов и его работа обходится дешевле, чем это привычно выполняют частные конторы. Что же касается срока выполнения заказов, то приведенный нами один из примеров погрузки такого количества грузов в период с 6—12 января говорит за то, что ревельская контора Доброфлота, ведя неустанную борьбу с местными конторами, которые пытаются нажиться на нашем транзите, выполняет свою работу вполне удовлетворительно.

ФУРМАНОВ

По Семиреченскому тракту.

(Окончание).

Начальник милиции дал нам джигита, а джигит привел нас в квартиру богатого сарта. Было ли тут у них раньше условлено, очередь ли пришла, или просто наугад его выбрал джигит—этого не знаем. Но прием был замечательный: ввели нас торжественно и чинно в большую, светлую, пустую комнату. Ни стола, ни стула. С непривычки мы сразу почувствовали себя неловко. Потом эти драгоценные коңры, которыми устлан весь пол: так жаль их топтать нашими грязными сапогами. Не выдержали мы—разулись. В глубокой выемке стены поставлен сундук, окованный в жестяные полосы—на этом сундуке, почти до самого потолка наложены подушки и многоцветные, дорогие одеяла. Ковром накрыт сандал¹⁾. В сандале тлеют угли. И как только раскрыли перед нами предупредительно двери—сейчас же сами все куда-то убежали, а через пять минут втащили омытые стулья и стол—все это очистили, насухо вытерли, накрыли прекрасной цветной скатертью. Обстановка начинала веселить. Живое согрели самовар, и хозяин собственноручно наливал и разносил нам пиалы²⁾.

Тем временем местные коммунисты собрались на общее партийное собрание. Здесь стояли почти все те же вопросы, что и в Аулие-Ата. Только уж не потребовалось нам заслушивать их столь подробно, многое было знакомо, понятно, ясно без слов.

Вопрос о взаимоотношениях туземцев и крестьянства стоял и здесь в центре всеобщего внимания. Было ясно, что этот загадочный процесс, это таинственное, чуть уловимое движение—является повсеместным, то более, то менее опасным, то вялым, то настойчиво жгучим. Говорили здесь на собрании, что особенно беспокойно держит себя по седам крестьянство, что молва идет от него, а киргизы лишь ее воспринимают и насторожились чутко, ожидая новой, бесшабашной расправы. Вопрос стоял именно так, иначе стоять он и не мог, но в этом убедились мы лишь позже, когда узнали всю правду о ликвидации Семиреченского фронта и о настроениях освободившейся Красной армии. Мы побеседовали здесь часа три. Какой-то седенький старичек с благочестивым видом записывал все, что говорилось, то и дело перебивая вопросом:

— Что вы изволили сказать?

1) Сандалом называется выложенный посреди комнаты четырехугольник, где постоянно тлеют угли.

2) Пиала—кружка, вроде небольшой миски, на которой пьют чай.

Старикашка был, видимо, глух. Я ему сначала сердобольно отвечал, но потом перестал—и что он там записывал, уж право не знаю: врид ли что он слышал путем.

Когда мы снова очутились в своем сказочном жилище—немедленно же притащили целую гору какого-то жарко-дышавшего кушанья. Это был пиллаф. Мы наелись, признаться, до неменьемости. Потом стащили с окованного сундука эти самые чудесные одеяла и стали стлать их на полу: уложили нас, укутали, потушили свечу. В окна мягкой и широкой волною вливался лунный свет. В комнате, увешанной и устланной коврами, было таинственно и до странности тихо. Мы затаили дыхание, не дышали, словно по уговору, и думали, верно, об этой сказочной обстановке, об этой фантастической восточной таинственности. Уснули. Ночью, приподняв голову, я видел, как один из хозяев сидел, скрючившись, возле сандала и что-то пришептывал. Так сладко и мягко мы не спали давно, а пожалуй, и никогда не спали. По утру нас окружали те же заботы, что и вчера, и не было никакой возможности от них отказаться: отказавшись—обидишь хозяина. А это совсем не входило в наши расчеты. Скоро мы тронулись дальше, на Чалдовар.

В нем не задержались.

Путь—дорога лежит за Чалдоваром на Беловодск: это осиное гнездо белогвардейского мятежа в 1918-м году. Тем более необходимо было здесь ознакомиться с настроением жителей, узнать—какими они живут интересами, чем недовольны, чего ждут, на что надеются. Уж через полчаса после того, как мы приехали, народу привалило к совету человек 400; погонышку нас осматривали, ошущивали, спрашивали: кто, дескать, такие, зачем их, мужиков, собрали и нет ли новой „набеллизации“.

— Да разве уж так часто вас мобилизуют?—удивился я.

— Не... не часто...

— А чего же вы всполошились?

— Да, ишь—ты, сказывали—военные быдто люди ваехали и весь народ на площадь загнать велят...

— Не загнать,—поправлю бородатого собеседника,—это я про-спл собрать вас сюда, чтобы потолковать о разных делах...

— Толковать, што не толковать.—ответил он и сразу замолк. Потом, после долгой паузы, чесанув за ухом, волосач еще раз отвесил:

— Толковать што же... оно можно... Только будто мужика при-близать хочут.

— Это как приближать?

— А землю отымать, надыть, желают... Одним оттянуть, а дру-гем отдать...

— Полно, отец,—говорю ему успокоительно:—отнимать никто ни-чего и не собирается.

— А киргизне?

— Что?

— Ей, говорят, все теперь пошло: и скотина у ней будет своя, и земля от вас под ее отойдет.

— Да ты давно на своей-то пашень земле?—спрашиваю его.

— Сызмальства,—проворчал волосач...

— Кто же у тебя,—никто и не возьмет... Это, знаешь, о какой ты слышал земле, будто ее киргизам станут возвращать? Это вот, что после 16-го года...

Я пояснил ему, в чем дело. Старался, как можно проще, убедительней, наглядней растолковать, что полунищей киргизской бедноте, возвращающейся ныне из Китая, надо помочь всемерно: это долг государства, это долг каждого честного человека...

Нас окружала густая толпа любопытных: всем охота была послушать приезжего человека. Стояли — молчали. Участия в разговоре никто не принимал. Даже не кивали головами, не пускали по-обычному односложных, крепких выражений. Но лишь только сказал я про необходимость помочь киргизам, как толпа загудела оживленно:

— Что не помочь. Кто против помощи. Каждому помочь надо... А чем помогать-то? А что мы дадим? А как он станет работать-то? Кто его научит, да кто ему соху борону подарит — где это кушцы такие?

И пошли, и пошли — заговорили.

Была нахустан один из основных вопросов, о котором могли они говорить, не расходясь три дня и три ночи... Этот вопрос буквально всех интересовал и волновал. На наш разговор подходили все новые и новые кучки; толпа у лавочки выросла настолько, что не было смысла вести дальше частную беседу — полезней было начать собрание. Когда я об этом заявил — дружно согласились, и, уже залезая на ящик, вдогонку слышал я напутственные слова:

— Не больно красно только нам, чтобы покрепче, да попроще... Разную там "историю" то не больно: ты о земле побольше.

Мы беседовали часа четыре.

От вопросов обще-политических, от оценки общего положения в Туркестане — мы подступили к Семиречью, к крестьянству, к земле. И толпа разгорелась. Выступали охотно сами, указывали, как трудно потеть над землей, какую ценой дается им хлеб.

— А после этого отнять, это что же за право такое? — выкрикивал с ящика желторотый сморщенный мужичок годов под 50. — Я ее, матушку, томлю-томлю своей работой, а тут на-тебе...

— Правильно, верно... — кричали кругом.

Это мужичка подбодрило и воодушевило:

— Землю надо взять, вот што, — кричал он еще громче: — сама она не дается... Взять ее надо, да и взять-то умеючи.

Толпа замерла; слушали с восторженным вниманием.

— А ты думал — вот тебе тут и все? — повернулся он ко мне. — То-то... Нет, она тебя, матушка, дугой перегибнет, а когда перегибнет, тогда и накормит... Ефто самое знать надо всякому, а он што знает, пастух? Киргиз — пастух, он одну скотину и знает. Ну, и знай, чего ты ему землю еще пехаешь. Может, ему и ненадобна эта земля... Наделил... Ты его скотиной дели, коли богат больно, а земля ему несподручна...

Под взрыв одобрительных криков мужичок спрыгнул с ящика. На его место моментально нашелся новый оратор — какой-то беззубый, с длинным бледным лицом, крестьянин годов сорока.

— Неправду он, што ли, говорил? — начал он вопросом. — Одну что ни есть правду. А потому что это все и есть правильно. Коли так оно было — так ему и быть: паси он свою скотину, а мы землю управим. Не умеешь, так нечего и брать ее... Порча одна от этого неумения происходит...

Таких ораторов, повторявших почти буквально слова друг друга, выступало несколько. Только уж под конец выступил молодой сухощавый мужичок в шинели, видимо, из красноармейцев.

— Не то вы говорите, мужики, — осадил он ораторов, — не умеет, не умеет... Эка мудрость — землю пахать... Научатся — небось. Дело не

о том, а вот о пасху скоро лбом ударимся, пахать надо яровые, а тут переделывать по самую осень... Вот оно што странно... вот где и нам, да и киргизу с нами могила будет; где хлеба возьмем? Мы тут передел пас не понуждали — поздно эту весну. По осени вот давайте, там можно, да и то время подобрать надо... А сейчас постановить, чтобы просить про это самое.

Умная речь его произвела на всех словно отрезывающее впечатление; не было больше вабалошных утверждений и предложений, были только в корень вопросы: как бы не оставить землю незапаханной.

Забегая вперед, скажу, что этот вопрос подробно обсуждали мы потом в кругу ответственных работников в Пишпекке и Верном и постановили просить центр — Совет Комиссаров и Турник — приостановить, в интересах общего дела, самый передел до осени. Там поняли, согласились с нашим мнением, прислали телеграмму, что передел временно следует оставить. Этою мерой была спасена область от большого недоседа, грозившего ей в случае столь несвоевременной и опоздавшей возни с переделом, когда на носу была забота о яровом.

Когда мы из Бедоводска приехали в Пишпек и разговорились с товарищами, они, оказываясь, уж знали половину из того, что мы обсуждали с бедоводскими крестьянами. И, признавшись, удивились этому быстрому способу сообщения:

— Каким это образом: по проводу что ли? — спрашиваю пишпекских товарищей.

— То проводом, а то и нет, — отвечали они. — У нас тут проще делается: вскочил на коня — и айда. На ближнем селе, али кишлаке передал, в чем дело — оттуда другие поскочут дальше... От одной точки до другой... Бывает, что вся область узнает о каком-нибудь особо животрепещущем деле, словно по телефону... Это тут "узун-кулак" зовется... В такой глуши, по горам — иначе нельзя...

Надо сказать, что в Пишпекке, на ряде заседаний партийного комитета, ревкома и ответственных работников — мало что узнали мы характерно нового. Все это уж было знакомо и по советам в Аулие-Ата, Мерке, по массе разговоров в пути, бесед и открытых собраний: волновались земельным переделом, волновались слухами о готовящейся новой резне мусульман с крестьянством; жаловались на недостаток партийных работников, на полукулацкий состав гарнизона и т. д.

Между прочим, здесь впервые с разительной ясностью встал перед нами вопрос о недостаточном взаимопонимании и доверии между собой даже коммунистов русских и киргиз. Киргизы-коммунисты, объединенные в мусульманское бюро (мус-бюро), то и дело стремились обсуждать вопросы только в своем кружке, как бы чего-то опасаясь. Когда я спросил председателя мус-бюро:

— Ну, как у вас, товарищ, дела идут с пополнением: много новых членов?

— Очень много, — ответил он с удовлетворением. — Бывает, что целыми кишлаками вступают...

— Все до одного? — удивился я.

— Все — не понял он моего удивления.

— Да, ведь, там же и бац есть — они как?

— Все, одним словом, целыми кишлаками, — повторил он еще раз заговорил о чем-то другом. Мне потом объяснили, что по кишлакам укреплялось убеждение, будто "наша власть пришла, киргизская... а русских — вон отсюда"... И наименее понимающая часть из самых кишлачных агитаторов отнюдь не опровергала этого убеждения, а, нао-

борот, укрепляла его. Потому и кишлаками записывались в партию: чтобы повсюду национальным количеством вытеснить русских. Это было дико, но это было так.

Пробравшись к власти, какой-нибудь бай, конечно, драг со всех десяти шкур, а все-таки на посту своем держался, пока не дощипывался сверху, что это была за птица. При последующих чистках вся эта публика была вычищена, выброшена на партию, и лучшая часть мусульманских коммунистов бережно стала охранять свои ряды. Но в половине 1920-го года ряды мусульманских коммунистов засорены были до чрезвычайности.

Помнится, что вопрос об отсрочке передела до осени мы решили в Пишпекке на ночном заседании. Были согласны тут все до единого. А после заседания, видимо уж на заре, — состоялось особое „фракционное“ совещание мусульман-коммунистов: во всяком случае на утро они долго не соглашались подписать постановление, за которое ночью голосовали так определенно и единодушно. Даже они, эти сравнительно ответственные работники, были в то время еще полны недоверием к коммунистам не-мусульманам: вековой гнет, которым царская Россия давала туркменам Туркестана — давил он, — конечно, и этих недавних коммунистов и в них он оставил глубокие следы, которые живы волей-неволей, которые не пропадают в недели и месяцы. Только этим, конечно, и можно объяснить, что даже молодые коммунисты из мусульман очень осторожно и недоверчиво держались по отношению к не-мусульманам, кто-бы они ни были.

Совместная работа разбивала эти опасения, но весь процесс перемены отношений был несомненно очень длительным, упорным и тяжелым — не закончился, конечно, он и по-сейчас.

Мы в Пишпекке задержались до следующего дня и перед самым отъездом, в обширном дворе, провели многолюдное собрание рабочих и красноармейцев. Оно прошло чрезвычайно оживленно: вопросов задавали уйму и устно, и записками; было видно, что интересуют собравшихся не только события и дела своего района или города — особенно много спрашивали о Москве, о Кремле, о Совнарком, об Ильиче, о красных фронтах. И можно было заметить, что факты, о которых рабочие где-нибудь в Самаре — Уфе и думать забыли давно — эти факты являются здесь новинкой, ими интересуются, как свежими новостями. Далеко-далеко позади живут люди в этих городках, селах, кишлаках, вогнанных под самые Тяньшанские горы.

Где-то неподалеку от Пишпека был в те дни и Джинозаков — председатель особой комиссии Тургика по помощи киргизам-беженцам. Мы с ним в этот раз не видались. Но все, что приходилось слышать — изумляло:

— Теря-кул Джинозаков, — говорили нам, — происходит из богатейшего рода. Он один из виднейших манапов. У отца его и до сих пор не мало скота. Теря-кул ведет переписку с манапами. Как личность — он весьма неприятен: бражлив, завистлив, зод, скандален и эгоистичен, до последней степени. За ним числятся разные „грешки“, но от ответственности каким-то образом он ухитряется отвертеться. Теперь, оказывая помощь беженцам-киргизам, он дает понять, что здесь чуть ли не его личная добрая воля:

— Хочу дам, хочу — нет.

Можно подумать, что, пожалуй, и добро он раздает свое, а не государственное: вот, дескать, каковы мы, манапы: поможем бедноте...

Мы слушали и поражались, не знали, верить этому или нет. Итак, набитые всякими сведениями и вопросами, насыщенные новыми впечатлениями — тронулись мы дальше. Теперь уж до самого Верного не будет крупных центров, вроде Пишпека и Аулие-Ата. Только села, аулы, бедные мазанки-станции. И снова степь. И снова горы. Природа все строже, величественней и прекрасней. Близится Курдай. Мы эту почку почуем в Сюгатах. Крошечная станция, кругом в горах, маленькая, белая мазанка, тихая, желанная, куда спускаются с гигантского Курдая или почувт темную ночь, чтобы по заре забираться в поднебесье — это Сюгаты. Рядом, близ тесовых ворот — киргизские юрты. За юртами — чистый, просторный двор. На удивление чисто вокруг: и в белой мазанке, и около юрт, и во дворе, даже по стойлам — по всему пути — это единственное исключение. Про Сюгатинское смотрителя нам говорили еще раньше, говорили, что это всем молодцам молодец и дело ведет образцово. Однако-ж, и будучи предупрежденными, мы поразились и обрадовались, что вот, дескать, человек в одинаковых со всеми условиях живет, а посмотри-ка чистота какая, порядок какой во всем. Ну, одним словом, — молодец — настоящий рачительный хозяин! Глянул в лицо ему — спокойное, умное, серьезное. Встретил нас и просто, и радужно, не было ворчанья, не было и заботливой суеты, хлопанья, беганья, криков и брани... Это обстоятельство расположило к нему с первого шага, с первого слова. Когда готово было „чайное действо“ — мы даже и за стол уселись вместе; Иван Карпыч — его звали, кажется, так — познал жену, покинул отца, оказавшегося довольно занятным стариком — и мы таким образом, за оживленным разговором, просидели до темной ночи. Иван Карпыч то и дело отлучался — сбегает куда-то во двор, или на волю выскочит, промелькнет под окнами, пропадает 2—3 минуты. Потом молча усаживается за стол и продолжает разговор с того слова, на котором остановился, уходя из-за стола. Это он, верно, проверял, как обстоит дело с конями — отпряжены ли, поставлены ли на место, задан ли корм, — мадо ли о чем есть подумать. И как только он подымался, старик отец, предупредительно заглядывая ему в лицо, каждый раз начинал:

— Ты сиди, Ваня... Я сам, а?

— Нет...

И Иван Карпыч исчезал за дверью. Мы разговор вели самый случайный, самый, что называется, легкий. Бывают моменты, когда хочется вдруг потолковать о чем-нибудь настолько безобидном и легковесном, чтобы вовсе не напрягаться мыслью, чтобы только вспоминать и перебирать что-нибудь очень понятное, знакомое, не вызывающее никаких сомнений, разногласий, споров. Гостеприимная обстановка Ивана Карпыча настроила нас всех на этот безобидный лад и мы наперебей торопились разузнать — какаля тут водится дичь кругом, близко ли подпускают утки, рабчики... Много ли зайцев. Не попадаются ли по горам медведи, или что-нибудь пострашнее; как они, обыватели, чувствуют себя в этой мазанке глухими осенними ночами или в зимние бураны. И узнали, что дичи масса, что подпускает она вплотную, не пугается, до глупости доверчива. Узнали, что по горам попадаются медведи берлоги и были случаи, когда киргизы напарывались на медведицу с ребятами.

— Тут одно спасенье — утекать под гору... У медведи передние лапы не годятся для того, чтобы кинуто шибко бежать, куврунуться может... Только этим и спасаются... А иной раз в берлогу, того

гляди, ногой ступишь... Горный наш медведь—у, какой живодер... Это не то, что какой-нибудь Митя-косопланный в сосновом бору, или в сладком малиннике. Этому лучше всего не встречаться, неровен час, все может быть... Узнали мы здесь впервые про горных баранов с чудесными ветвистыми рогами, про быстроногих красавцев—горных козлов, которые так скачут по скалам, такие выкидывают отчаянные трюки, будто все это происходит на ровной, чистой долине. Охотников мало, даже вовсе нет. И оружие нет—пороху, дрови—все перевелось. А дичь расплодилось обильно. Никого не боится, стала будто ручная. Пастухи-киргизы так изучили нравы этих горных жильцов, что баранов и быстроногих козлов бьют камнями, подстерегают где-нибудь за скалой, когда те пробираются в горы знакомой излюбленной тропинкой, или спускаются на водопой к горному ручью. Зайцев не трогают—их такое обилие, что прыгают по всему пути за Курдаем, словно кузнечики. Слушали мы и не верили.

— А вы сами охотитесь?—задал вопрос.

— Было, а теперь нет... все под чистую расстреляли...

Ну, думаю, раз охотится человек хоть пяток минут—надо быть осторожнее, слушать-то слушать, а уши не развешивать: —налет. С охотника что и спрашивать.

Но впоследствии все оказалось правдой: дичи в Семиречье неисчислимо: рябчиков мы едва не давили по пути, так близко подпускали, так долго не слетали с дороги; зайчата скакали то и дело; выходили на дорогу огромные, неуклюжие дрофы и мирно паслись, почти вовсе не пугаясь нашего появления и тяжело, как бы нехотя подымаясь, медленно-медленно улетая в горы. А в горах—дикие козлы: преставные, золотокудрые, быстрые, чуткие, мы их потом встречали многократно.

— Так неужто вам тут не скучно жить, в такой смертной глуши?—спрашиваю я старика.

— В такой благодати да скушно,—изумился, а, может, и оскорбился он.—Нет, чего там скушно. Да и некогда скучать—дела немало круглый год: то по станции надо помнить, то со скотиной, али вот по своим делам заботу имеешь... Время теперь не такое, чтобы пошел, да и все тебе есть. Не...ет... Ты сначала подумай, потом догадайся, где, да как все надо достать, а достанешь или нет, кто тебя знает. Может—и нет. Время знает, куда ему уходить, скучать нам нельзя...

— Так вы же тут одни. Ведь, совсем, как бы в берлоге.

— Ну, нет, зачем,—вступился и Иван Карпыч,—берлогой наше место звать нельзя. Нас тут—гляди-ка сколько. А потом все время, что ни день—сюда-туда живой народ едет... И разные вести нам везут: одни вот от Пржевальска, али Джаркента проедут, да нам не то, что про себя, а все, что и в Китае-то делается, расскажут. Все расскажут... Потом, глядишь, с Ташкента справляется—этот опять говорит. И выходит, что мы слышим, да знаем, хоть и в горах живем... Только интерес надо иметь... то-есть, чтобы самому про все... А сам не будешь—известное дело, и в Москве берлогу свить можно...

После этих слов Ивана Карпыча мне стало как-то неловко за то, что мы так горячо взялись пытать его, да и всех по части горной дичи. И в то же время припомнил я два-три вопроса, которыми Иван Карпыч, видимо, старался отвлечь меня с этой темы на другую. Теперь я поддался, затушил охотничьи свои инстинкты и разговор наладился совсем по иному руслу. Я рассказал ему про жизнь в Москве—это больше всего занимало Ивана Карпыча; потом, мало-по-малу, перешел к фронтовой жизни и ознакомил его с тем, что слышно было о «крымской бутылке», какая там сгрудилась для нас опасность, как мы ду-

мьем с нею бороться, что за жизнь теперь в Крыму, какой свирепствует там террор, и как ведут себя, что делают там наши товарищи, подпольщики-большевики.

Иван Карпыч слушал сосредоточенно—не поддакивал, не кивал головой, никак не проявлял своего сочувствия, восхищения или го- речи—вообще, не обнаруживал своих внутренних переживаний в связи с тем, что слышал теперь от меня. От стола мы уже давно перебра- разбрелись кто куда, нас оставили вдвоем. Спускалась в горы весен- ная тихая ночь. Все темней высокое, чистое небо; все более расплыв- чаты и широки, и далеки островчатые хребты, все ближе горные подножья—они плут, подступают вплотную и в густом вечернем су- мраке кажется, будто придивулись они под самую белую мазанку. Ка- кие-то порохи, чуть уловимые звуки—и писк, и свист, и глухое гу- дение—доносились с гор. Но этот горный сумеречный говор не нару- шал величественной тишины, которая остановилась над горами. Здесь, в сплошных массивах, среди гигантских скал, в такую тихую ночь чувствуешь себя необыкновенно: переполняешься новым, неведо- мым доселе настроением, полон новых, ясных мыслей, весь глу- бoko взволнован, и восхищен, и полон радостных, торжественных чувств.

— Ну, Иван Карпыч, и красота же здесь,—не удержался я, сби- ваясь снова с разговора.

— Не плохо,—промолвил он совершенно равнодушно.—А что этот самый Крым—не тово?—добавил он тем же спокойным тоном.

— Чего.

— А не опасно. Баню нам не дадут?—И мне показалось, что под усами у него скользнула улыбка.

— Не должно,—говорю ему твердо и уверенно.—Какая баня: вон Денижкин до самого Орла дошел, а где он?

— Ну, а где он?—переспросил и Иван Карпыч.

— Да где, кажется, теперь тоже в Крыму, а может уж и в Лондон уехал. Когда его под Орлом то стукнули—он по трем дорожкам по- катился: одной—на Одессу—там добили; другой—на Дон и на Кубань—там тоже в море сплывули, а третьей дорожкой он вот в Крым и про- брался... Теперь, надо быть, после разгрома в Новороссийске—он и от- туда войска-то перебросил в Крым... Ну, да это все уж не то, что под Орлом... Да, поляки еще шумят, эти тоже... Ну, пока что, и там горя мало...

Я рассказал Ивану Карпычу всю обстановку, что сложилась у нас к тем дням. Он слушал внимательно, и видно было, что все по- нимал и многое запоминал крепко и отчетливо...

— Слушаю вот я вас,—вымолвил он, когда я остановился,—и вижу, что оно там как-то все по-другому идет. Не то, что у нас.

— А что у вас?

— Да что у нас. У нас, можно сказать, ничего, хулиганство одно да разбой. А больше ничего. И не было и нет ничего. Потому что всяк себе сам хозяин, а управы нет ему, он и делает, что хочет. Я все дела тут с самого начала знаю, потому что и в Верном бывать пришлось, и послушал—узнал не мало со всех сторон—все знаю, еще как в 17 году, когда правительство это керенское было,—к нам сюда, т.-е. в Верный-то, два комиссара наехали: Шапский да Иванов.

— Это от Керенского?

— Известно, от него—и сейчас же с казаками лавочку развели: там оружие, глядишь, отбирают, там налог какой-нибудь накладывают,

али арестовывают, в тюрьму запихать — любимое дело. Ну, только киргиза — бей его — он долго терпеть может. Прищип. И прежде били — и тут бьют — значит, терпел до поры. А мужику што — ему какое ни дай правительство, только самого его не тронь. Так и терпели этих комиссаров, пока не трогали.

— А как же, — спрашиваю я Ивана Карпыча, — насчет Советской власти — было у вас тогда что-нибудь, али нет? Советы-то были какие, т.-е., примерно, вот к октябрю, в 17-ом году?

— Как же, были и советы — где их не было, — ответил он с нескрываемой иронией.

И остановился даже, чтобы дать мне почувствовать, что не зря подпустил он тут яду.

— Был рядом с комиссарами совет рабочий — областной. Да разогнали его комиссары. И не то што, а двоих убили, так оно и тела то весной только на следующий год сыскали. Потом крестьянский был совет — тоже на всю область — его не тронули, побанялись, мужиков-то не хотели травить.

— А в Туркестане тогда уж были советы? — спрашиваю я Ивана Карпыча.

— Ну, как же, везде советы, кроме нас, — и он снова иронически ухмыльнулся. — Только плохи больно, — добавил он, чуть помолчав, — нам таких-то, пожалуй бы, что и не надо.

— Чем же это так плохи?

— Да тем, что бестолково больно за дело взялись, а лучше сказать, и никак не брались за него, только свои делишки делали. Кому тогда было в советы идти: рабочий человек на деревне — не пошел, все еще боялся... А пошел тот, кто по своему понял Советскую власть: валяй, дескать, наша взяла... И пошло... Наши тут комиссары даже казаков выставили сюда, на границу: не пропускать, дескать, в Семиречье никаких советов...

— Так чего же, — говорю, — им было таких-то советов бояться. Они же им были не опасны?

— Нет, зачем, — возразил Иван Карпыч, — они, комиссары, понимали, что хоть по началу-то и одно вышло, а по концу совсем другое может быть: никаких и ничего, словом, в Семиречье не пущать. Будем жить, как сами хотим, как сами знаем. Ну, и пло пока ничего. Тихо было. Только этот крестьянский совет — съезд надумал в январе собрать, а комиссары: отчего ж, дескать, не собрать, коли на этом съезде мы со всеми крестьянами сговориться сможем — валяйте, зовите. Ну, и наехали. Да комиссары еще тут же казаков на съезд со всей области и киргизов — т.-е. не на этот, а на другой, рядом, на особенный, — всех созвали. Приехало народу не мало: на один крестьянский — больше полутораста человек.

— И все три съезда заседали вместе?

— Нет, не вместе, врозь — только в одно, значит, время, — пояснил Иван Карпыч. — Да и как им было вместе, когда казаки и киргизы одно, а крестьяне другое...

— Ну, казаки, — перебил я его, — это еще понятно: они тогда были против крестьян, они друг дружке мешали туземцев обирать, а вот киргизы — это туземный-то съезд — отчего они очутились с казаками?

— Как вам сказать, — задумался Иван Карпыч. — Я право вам этого не сумею сказать. Ну, я думаю, что прежде всего — у комиссаров, у казаков, ведь, войско было, а по кишлакам не забыли еще расправу в 16-м году: подкупивало. Потом, думаю я, что мужики-то все-таки покрепче насолпили киргизу, чем казаки... Да оно, может, все и не так,

как я, говорю, — может, казаки просто на съезд согнали киргизских чиновников — не со дня, а по городам набрали: сойдет, мол. А чиновники эти, известно, — навсегда со Шкапским заодно были — тоже Учредительное Собрание хотели устраивать... Так что не знаю, а все-таки подумалось тогда, что все на мужиков ополчились... И не одобровать бы с фронту понаехало — то отсюда, то оттуда. Иной, глядишь, почти вы в Питере дрались. Я, говорю, не позволю. Да што тут: одним словом, с фронту паревь наехал. Один больно делен был — Павлов.

— Из фронтовиков?

— Да. Этого ничего не боялся: долой, говорит, сукинных детей. Какое там временное правительство, когда нет его давно. Какая там Учредилка, когда ее разогнали. Даешь Советы, чего там!

Комиссары это видят, что дело неладно, — марш на съезд к крестьянам: так и так, мы, дескать, власть поставлены и будем ждать, когда Учредительное соберется, а Совет Народных Комиссаров не признаем — долой его. Тут атаман Щербаков — и я, говорю, тоже и казаки все со мной. Тут и киргизы, что на съезде были: мы тоже, говорят, за это же самое, что атаман. Что ты будешь — глядя мужики: все на них. Ну, только Павлов подымается: — Ничего, говорит, это нам не страшно, а я вам лучше расскажу, что теперь кругом по свету делается, что в Москве, в Ташкенте... Да и начал. Доклад. Целую речь. Ему, было, мешать, его прерывать, а съезд кричит: хочу слушать, да и только. И вот уж он накатал, так распарил всех, что когда резолюции стали разные голосовать, — мужики почти что все за Советскую власть, и чтобы ее по области устанавливать, и чтобы Красную Гвардию свою, — одним словом, загорелось дело.

— Иван Карпыч, — говорю я, — а чего же Шкапской-то с Ивановым смотрели — неужели они не могли ничего поделывать — сила же вооруженная была у них?

— Ну, у них. Так что — ничуть не смутился Иван Карпыч. Сила силой, а крестьяне все-таки наехали со всех сел-деревень. Тронуть их — ну-ка, тронь. Поговорят, мол, разведется — думали комиссары, а там мы опять... То-есть, я думаю, что так они полагали, комиссары то. Ан, вышло не так. Съезд-от уехал, а оставил после себя опять свой Совет и Совету наказал: делай дело, а не спи. Вот они, советчики, и давай к казакам подсыпаться, а особенно ко 2-му Семиреченскому полку. Там ребята все были молодые, сами на фронтах побывали, а офицеров своих не любили, — это как раз было на руку все советчикам. Вот они дружбу с полками и завели. Кружок там свой устроили. А еще кружок один и отцуских солдат, — тут и Берсенов был, этого знают на все Семиречье.

— Жив?

— Жив, чего ему — такие-то долго живут... Он, ишь, командует где-то теперь... Да, так эти самые кружочки вместе с Советом и стали дело свое затрафлять, на комиссаров. А в Ташкент послали двух делегатов: рассказать, как дело обстоит и помощи просить на случай. Вот Ташкент и давай бубнить: телеграмму за телеграммой, одну за другой, знает, жарит по Верному, да по разным городам.

— Все население, говорит, должно принять участие и свергнуть временное правительство, а ежели этого не будет, то в Семиречье будут посланы войска, и тогда не пеняй. А расходы придется платить самим же советчикам. Как их ни прятали, эти телеграммы да приказы, а знала их вся область. И побанялась, дрожала насчет шкурки, насчет кошелька.

— И вот один раз на митинге, надо-быть, 2-го марта, комиссары арестовали несколько ребят из этих кружков. Попал один и от Совета — Гречка. Эх, как полк узнал, эх, как зазвенел: давай, говорит, на тюрьму, ребята, сейчас же всех освободить! И поскакали. Сначала к войсковому кругу — аи, там прослышали — сбегали. Они к тюрьме, да всех и выпустили. Тут примыкать рабочие стали, город осмелел, — с вечера отрядами собрался, да к ночи от дома к дому — всех главарей-то и арестовали. А казаков, прапорщиков — этих всех обезоружили: молчат. Силы то, глядят, и нету у них. А в эту ночь буря была снежная — прямо страх по городу гудело. Ночь, хоть глаза коли, а они все скачут да бегают кучками:

— Куда?

— В казарму.

А вы куда?

— Мы на склад...

— Прибежали к Швапскому, — нет. Куда ушел? Не знаем. Сюда-туда, нет нигде. Только потом, на мельнице — глядь, он и фартук надел, муклой забелел, и шапку старую, пинжак и валенки, честь-честью — мельник настоящий. Тут его и спалили, голубчика. А Иванов — тот подполковник: в городе-то притих, запрятался, а потом и в Китай, в Кульджу ушел, — этого так и не достали...

Иван Карпыч остановился. Он говорил с большим воодушевлением и, видимо, устал.

— Ну, а дальше, — спрашиваю я, — как со властью: Ревком создали, верно?

— Ревком, — сокрушенным голосом ответил Иван Карпыч... — То и дело-то, что Ревком, да толку-то в нем — што было? Кто туда попал: у кого глотка шире была, тот и в Ревком. Почитай, всего пятак настоящего-то народу было, а то — у-у!

Иван Карпыч прорычал как-то неопределенно, давая знать, что тут что-то неладно.

— Пока готовились да выступали — тут все молодцами были, а как только до дела случилось, как шариками варить понадобилось — кому? Пятак, говорю, не больше. А то все — чорт-те што... И пошел кавардак...

— Ну, а чего же в Ташкент за помощью не обращались, — я думаю, там был народ?

— Как не быть народу. Везде много, только работников вот не хватает, — заявил он сурово. Ташкенту — сейчас же телеграмму: переверотили, мол, теперь помогай. А он прислал какой-то молодежи железной горсточку:

— Больше, говорит, не могу, у самого нет ничего...

— Значит, бедно?

— Ну, как же... Не деревня: самому работники надобны. Да, так это в Верном-то, — воротился он к оставленной теме, — пока там чесали затылки, а казаки, знай себе, съезды разные по уездам, да подготовку вводят. Талгарская, Иссекская, Большая и Малая Алматинская, Тастак — в этих гнездышках зашипели уж как следует: чего, дескать, робеть, коли не трогают.

— А не знаете, — спрашиваю я Ивана Карпыча, — отчего и как началось самое восстание казакское: что оно — в Верном, или со станиц поднялось?

— Кто его знает, надо быть — со станиц, — отвечал он, — в городе-то, собственно, и не было ничего. Хотели хлеба из Талгару взять да из Иссеку, а Талгар верст 35 от Верного, и казаки там, ой как дружные: идите-ка, говорят, откуда пришли, не то и накладем, пожалуй. А вооруженные — свое было попрыгано оружие. Да кричали-кричали, взяли

и арестовали посланцев-то за хлебом. Арестовали и посадили у себя: пушай, мол, сидят, пока не скажут из города, что хлеб отымать не станут. А Ревком, конечно: восстание! И наладил туда отряд, — кажется, ночью через обе Алматинки и пошел. Кто-то спирту достал, — шли наотряд идет, да как он только прошел — галоп-галоп, и свой отряд создали на помощь талгарцам. А в Талгар скакунов с вестями умчали.

Идут талгарцы, праготовились. Вот и отряд подошел, свои требования Шукин поставил: освободить арестованных, выдать оружие, выдать зачинщиков-офицеров, которые все дело готовили и народ на смуту подымали. На это вам размышленья — два часа. А если не так — огонь из орудий и всю станицу до тла свесут — вот как. Прошло два часа, а казаки и не почесываются, все готовят силы, подтаскивают оружие, зарытое в землю, делают шашки, патроны, седла чинят на дело.

— Так вы не хотите?

Молчат казаки.

Вух-бух — два выстрела по станице — из пушки. Видят казаки, что делу крах, прислали делегатов: погодите, мол, еще два часа, народ только собрался и будет сейчас все дело решать. Ну, отряд и притих: два — так два. Сидят себе бесечно, покуривают, болтают, словно в лагерах, да и хватились к тому же... Ни сторожей, ни охраны какой, нет ничего, спокойны. Да не дремлют казаки, — они уж сбили немалый отряд, на коней его посадили; тут помощь от Исыка подошла, вестник примчался от Алматинков, рассказал, что на помощь талгарцам и оттуда идет казачий отряд. Чего тут дальше дремать: гоп-гон, ура! Наскочили на отряд и давай его крошить, а эти ротозои и думать того не думали. Пришла беда отряду неминучая, даже и сражаться путем не сумел, помчал во все стороны. А тем временем подскакали казаки с Алматинков. Што было, говорят — уж молчать лучше. Только тридцать человек со Шукиним в горы отбегали, а то полегли, али в плен попали... Так-то кончилась эта игра с горячим Талгаром. А тут с Алматинков, Тастака да с Каскелена — этот тоже верст на 30 будет — казаки сомкнулись, город кольцом обложили. Ну, пропадай наш Верный. Да, так точно оно бы и случилось, коли нашелся бы у них, казаков, воевода решительный, — взял бы он в свои руки все дело — тогда бы где уж Верному сдобровать. А казаки сдружились, каждый сам по себе, про свою станицу только и думает; настроили тоже своих штабов с каждого краю. Оно штабов и в городе много было; — потом уж, Махотин в один их уделал. В городе тут Мамонтов отряд собрал; этот отряд худую славу потом заслужил, — чорт знает, во што превратился. И вот неделями стояли, боясь один другого: казаки думают, что в городе силы неисчислимо, да орудия поставлены на каждом углу, пулеметы. А городские отряды сидят да сидят, — тоже робеют на рожи кидаться. Тут как раз из Ташкенту и подошел Мураев со своим отрядом. По дороге к нему и в Пишпек подлипали и даже от Токмака, — человек всего до шести сотен набралось. Итти ему через Каскелен, — тут с казаками первая баня и разыгралась, те не выдержали — бросили станицу, ускакали. А Мураев — на Верный. И так был обременен командир, что казаки на Красную армию поднялись. Приказал он для примера пленных делую доджину расстрелять. Это были первые расстрелы по Семиречью. Содожились. Этого еще не знали. Страшно было всем по-первоначальному. А когда война-войной пошла, тут слышали кругом про расстрелянных, — а когда война-войной пошла, а не людей, все привыкли — и в армии, словно баранов там стреляли, а не людей, все привыкли — и в армии, и по станицам, по селам и в городах. Только вот кишляки дрожали

дрождю, да и было от чего: казакам да крестьянам есть чем защититься, у них оружие помянуто, да на руках, а у киргиза, у таранчинца что? Нет ничего. Нечем ему и оберегать себя. Надо бы недрожать... Конечно, робко было... Тут уж, когда Мураев пришел — война поднялась настоящая, тут уж покою не было.

— А вы не знаете, — спросил я, — каким образом первые-то месяцы войны проходили: как, кто и кого колол? Вы где тогда были?

— А вот в том-то и дело, что этого я уж не знаю совсем. И с той поры как раз уехал из Верного и что там совершалось — не упомяну. Говорили потом, сказывали не раз, да память на этот счет у меня не такая. Когда, куда, да откуда, да сколько винтовок, патронов — и этого, нет, никак не могу, напутую непременно...

— Ну, так что-то нибудь запомнили, — пытал я, раздраженный любопытством. Мне хотелось слышать про эти первые месяцы гражданской войны в Семиречье, — по ним, по первым месяцам, всегда можно определить и общее лицо самой местности.

В самом деле, припомните, как эти месяцы проходили в Москве, в Архангельске, на Кубани — и вы поймете, что так и должно было произойти, что это характерно, что это неизбежно. Я допытывал. Но Иван Карпыч, видимо, не хотел плавать в слухах, — он говорил охотно лишь о том, чему был очевидцем или о чем слышал многократно и помнил твердо. Он отмахнулся общими местами:

— Што там было дальше, я, право, не знаю. Только с Мураева все началось — это уж верно. И тогда же казаки со всех станиц подыматься стали: одни на коня да за пашку, а другие с перепугу брали все свое барахло и трогались за полками, потом к Джаркенту, а то и в Китай уходили. И не одни казаки — с ними опять таранчинцы служились. Зачем они тут, — я этого не знаю, но, видно, крестьяне их боялись крепко. И одну слободу Таранчинскую — Чилик... в селе этом, в Чилике — до того разграбили, разбили отряды, что, можно сказать, ничего не осталось. И зверства, говорят, были — ну просто непереносимые... Так Чилик и сожгли, разбили до основания, а жители — таранчинцы, они с казаками ушли...

— И так, — по всем уездам такая кутерьма была?

— Нет, зачем по всем: в Нишневском и у Токмака покойно было. Верный, Джаркент и Прижевальск — тут вот самая волынка расходилась, а в двух уездах — в Лепсинском да Копальском — там, можно сказать, и Советской власти-то не было, там все еще хвосты от временного правительства оставались. В этих двух уездах казаки и собрались: восстание новое поднять, — ну, сюда сразу Мамонтова с отрядом двинули. А как был он и пути на Копал — гляди, казаки ударили на Джаркент и город самый захватили. Из Токмака с отрядом Панзону приказали идти, а из Верного — Мураеву, — обоим на Джаркент. Повернули и Мамонтова. Ну, раз так — все дело потушили скоро, казаков угнали, — они в Кульджу ушли. Хоть и ушли, а опасность-то все равно, ведь, осталась — того и гляди наскочат снова. И молва тут пошла, будто казаки всех «хохлов», т. е. крестьян самых, перерезать хотят... Вот и гляди. А эти на казаков тоже зверьями глядят... Ну, што-ты, как трудно было — махнул рукой Иван Карпыч. — Ну, ей-богу — спать вот ложится, бывало, человек и не знает, встанет он поутру, али нет — то и жди, что кто-чешь. Эх, времечко, эх, и времечко! Теперь разве сравнить — там словно на битву и день и ночь ходили, то и знай, что голову сорвут... Ну, и ну! Натерпелся народ, что говорить. Много вынес. Было бы только не зря. Вот что главное.

— Да, это главное — подтвердил я механически, а самому все хотелось узнать что-то еще... Спать не клонило, да и едва ли усну — до дальше.

— Вы говорите, — снова обратился я, — что казаки в Кульджу скрылись, а разве их там не разоружали?

Зачем разоружать — нет. Даотай, значит, губернатор этот Кульджинский — он с ними тогда ничего... Положим и Мураев, говорили, ездил к даотай, переговоры какие-то вел, да и вышло ли что из этого, я и не знаю. Там, еще в Кульдже — то, консул старый русский сидел, от царя остался — куда же ему, сердяге, деваться было: там и застрял, да вместо того, чтобы на Россию дело делать — он против нее ополчился. Деньги были, а с деньгами чего не сделаешь. Он на деньги эти и казачьим содержал, помогал им, готовил, чтобы на Семиречье ударить...

— Ну, а с Мамонтовым што было. Его отряд куда девался после Джаркента?

— А его отряд, — отвечал тихо Иван Карпыч, — его отряд пошел, куда ему и сказано было — через Копал, весь Лепсинский уезд прошел, самые тахты отбил у казаков, а их в Китай. Только, сукины сыны, уж и свирепство нагнали, особенно насчет киргиз: как в степи попадет — ага, значит, разведчик, давай его сюда — и молотят, как шпиона казачьего. Ну, после такого дела — они, конечно, киргизы-то, все и подлинно казакам помогать стали. Эх, и отрядик был — вот панику нагнал на всех!

И посмотрел на утомленное лицо своего собеседника и стало мне его по-просту жалко и сделалось неловко, что так и его заживо дерла, а решимости оборвать беседу, видимо, у него не хватало. Вижу, что делу надо конец подводить, хоть того и не хотел.

Иван Карпыч сидел молча — последние минуты он говорил уж чуть-чуть похрипавшим голосом, и теперь было слышно, как он чмокает, глотая слюну, смачивая пересохшее горло.

— А ну, не спать ли пора? — обратился я к нему, стараясь придать голосу своему как можно более веселости и непринужденности.

— Што же, спать так спать, — надохнул он облегченно.

И через минуту, пожав мне руку — он ушел на свою половину, а я остался на крыльце. И как же теперь здесь было тихо. Как было жутко и торжественно в молчаливых горах. Кругом, словно с глубокого дна — я вижу темные, чуть различимые силуэты горных склонов — они сливаются, перемежаются, пропадают так же внезапно, как внезапно и выплывают из мрака. Теперь, глубокой ночью — и небо другое, не то, что ввечеру: оно густое, насыщенное, словно ялитое полумночной свежестью, холодной испариной горных ручьев. Прекрасное, высокое, строгое небо. И оно еще выше от этих гигантов-склад, от этой чуткой ташины. И вдыхаю свежий горный воздух, и так мне легко, так отчего-то все и просто, и ясно, и посылно, и чувствую себя здоровым, уверенным, на все готовым.

Прощай, Сюгаты. И старик-отец. И ты, Иван Карпыч. Спасибо, что приняли так радушно — это редкость по большому Семиреченскому тракту. Все чаще встречи наши были скандальные, шумливые, то с просьбами, то с угрозами. А тут, на-но, дружно как, по-приятельски пригостили.

Мы в две тройки покинули гостеприимную хибарку. И долго-долго еще видели, как на крыльце стояла вся семья Ивана Карпыча, и они

глядели в нашу сторону, кивали головами, махали руками. Мы делали то же, оглядываясь ежеминутно из своих просторных ковчешных шарабанов. Горы нас разделили, станция скрылась из глаз. Возница-киргиз сидит неподвижно на отцепленном облучке и журчит про себя негиз песенку, не то рассуждает вслух речитативом.

— Кароши, козанин,—вдруг обернулся он ко мне и с ухмылкой мотнул головой в сторону станции.

— Что,—спросил я механически, не ожидая разговора.

— Хе,—усмехнулся он...—А, ну, ну... и, чмокнув, ударил, возжами. Я оживил без повторения в памяти у себя произнесенные им звуки и догадался, что он говорит про Ивана Карпыча.

— Да, кароши, кароши,—поддакнул я обрадованный и зачем-то говорил „кароши“, а не просто „хороший“.—Кароши козанин, Ивана Карпеч...

И понял, что глупо мне ломать язык и уродовать слова, что говорить надо, как следует:

— Эй, друг,—обратился я к нему полными, отчетливыми словами:—а чем он хороший человек, что же он, помог тебе что ли чем?

— Кароши,—повторил возница, не оборачиваясь,—хлеб кормит, хатын¹⁾ кормит, дети кормит... Кароши...

— А много у тебя детей.

— Детей много... Все дети ешь... Шеся человек...

— Ну и голодно вы живете? Трудно?

— А кароши... хлеба,—повторял он только знакомые слова и никак не мог подобрать целую фразу. Но лишь только слышит знакомое слово—сейчас же быстро оборачивается на облучке и с сияющим, торжествующим лицом усиленно кивает головой:

— Та-та, ай-та...

И сам улыбается доброй, широкой улыбкой...

— А что твою хатын делает?

— Хатын делат... хатын делат: мата,—вдруг залвил он и оборвался, неуверенный—пойму я это или нет.

— Мата. Знаю мата,—снова сфальшивил я на падеже.—Мата хороший... Мата крепкий...

— А, мата-ай-ай...—и он высоко, в знак удовольствия, вздернул киутовницу и присвистнул по особенному, как присвистывают только возницы-киргизы—ударил по лошади. Кони побежали быстрее. Азан—так авали возницу—не раз еще высказывал мне свое удовольствие по разным исключительным случаям: в джугли засыпался слишком глубоко, утки ли дикие подымутся в стороне или навстречу покажется тройка, спускаясь по склону—Азан отзывается на все самым живейшим образом: до всего ему дело, все его занимает, и волнуется, и даже приводит в восторг.

Я заметил у него одну милую особенность: как только дорога раскалывается на двое—он непременно выбирает самую ухабистую и самую грязную; притом, по ровному месту может ехать тишайшим ходом, а по ухабам так и поровит развить карьер.

— Ты что, Азан, зачем дорогу плохую выбрал—видишь там хорошо,—показываю я на соседнее ответвление, где, видимо, и суше, и крепче грунт.

— Ай, кароши—смеется он.

— Да, не кароши, чорт возьми, а плохо, даже очень плохо,—кричу я ему.

¹⁾ Хатын—жена.

— Мякка... очень мякка—тычет он киутом в грязные ухабы. Что ты станешь делать—приходится соглашаться. Мы проехали мимо огромной болотины—здесь, то и дело, подымались утки, невдалеке прохаживались важно длинноногие папалы.

— Хай, хай...—покрикивал на них, то и дело, Азан, видимо, жала и нас позабавить, показать, как много тут всякого живья. Ну, вот и подножье Курдая.

Этот гигант взгромоздился тут на пути и разрезал его на две половины. В теплые летние месяцы здесь по склонам горячий солнцепек, а вот зимой, когда гудит-бушует вьюга—к Курдаю лучше не подступаться. Тогда страшатся его даже привычные возницы-киргизы. На широком Курдайском плоскогорье, на его хребтине такие разыгрываются метели, что дорогу не найти—нет ее, ничто замечет и следа не сыщешь. Сугробы снежные движутся бураном и сюда и туда; в хрилах и столах, и свистах горного ветра не слышен голос человеческий. Забудь о помощи, заблудившийся путник. Тебя никто здесь не найдет, не услышит в буйном буране, и разве на стаях утром откопают под выскими, рыхлыми наметами снега!

Немало рассказывают здесь этих случаев, когда курдайские бураны хоронили опоздавших путников. И Курдай зимой боится все—он может свирепеть совсем неожиданно, закружить в минуту яростными вихрями.

От Сюгаты дорога все время в гору—так 7 или 8 верст до перевала, где начнется широкое, открытое плоскогорье. Когда мы тронулись в путь—вершины были скрыты в белых волнующихся простынях тумана. Но чем дальше—тем светлей и прозрачней горные просторы. И все свежей. У подножья, в котловине—там уж случается пробивающаяся травка, там весенний, распутиный дорога, а вот, посмотри эти близкие вершины—там серебрятся вечные снега. Горы словно играют с нами: подступят к дороге, нависнут, сожмутся и вдруг отскочат далеко-далеко, оставят нас на голой равнине. Вот начался крутой подъем. Мы слезаем с шарабанов и версты две идем пешком. Не только оттого, что коням тяжело, но и любо нам шагать по горной тропинке, следить, как она выскакивает на крутых поворотах, как она затеривается где-то высоко над головой, выглядывая обрезками ленты и горных извивов. Громоздятся одна на другую каменные громады, вырезаются остроколючие, изрезанные скалы, а дальше, там вон, в стороне—гладкие, холмистые вершины,—взять, крепко оцедовал, облизал и огладил их горный ветер, срезал острые макушки своим жгучим, ледяным дыханием.

Мы приближались к широкой нагорной равнине—она идет на 20 верст, до самого спуска, где под горою такая же крошечная станция, как Сюгата. Эта станция, по имени грозного гиганта, зовется „Курдай“.

Вот мы уже на вершине. Снова забираемся в свои шарабаны, продолжаем путь. Здесь холодно. По краям дороги все еще снег, он заледенел, чуть держит человека. Но уж не везде остались снежные наносы,—в иных местах, где ветер не пробьется меж холмами—там картина похожа на весеннюю. Все-таки холодно, крепко холодно—мы давно поупрятались в шинели.

— Хай!—громко крикнул Азан и указал киутом на подынявшуюся стаю уток. Мы следим, видим, как она опустилась над недалеким болотом. И снова поднялась и опять поднялась—все туда, к болоту.

Не вытерпел, прицелился, ударил в тройку, испорхнувшую от самой дороги. Промаязал. Но дружки меня успокаивают, что „упала“, сами видели, как упала в болото...

Раздраженные таким искушением, мы с „кумом“ соскочили, побежали настом к болотине. Сначала проваливаясь бежали, потом крались на коленях, а там на живогы легли, поползли; пугать не хотели. И снова стреляли—успех один. Потом условились, что полезно будет устроить облаву: я лягу на снег, ружье наготове, а „кум“ забежит сзади по насту и будет гнать всю стаю прямо сюда. Сказано—сделано. Я вижу, как его долговязая фигура качается на снегу, то и дело проваливаясь, подпрыгивая, утесая все дальше и дальше. Вот „кум“ начинает смежно дрыгать руками, даже ногами, вытряхивает какие-то артикулы, начинает выть, кричать, улюлюкать: это он нагоняет уток,—примерно также, как хлопотливая хозяйка заняет куда-нибудь в угол расхлывшуюся курицу—раскинув руки, лантусом отхватив подол и выделывая циркули ногами. Вдруг, кум, завизжал неистово, утки, действительно, перепугались. Большая стая, штук 30, сорвалась и летела прямо на меня. Замерло сердце:

Ну, пяток, самое малое!

Вдруг стая, видимо, почуввав мою особу, повернула в сторону. И дальше. И я вижу только мелькающие черные точки: скрылись уточки за косогором, пропали из глаз. А я все лежу животом на снегу и готовое ружье держу на взлете. По сверкающему насту, увязая и выскакивая, снова пробирается ко мне сутулая, крючковатая фигура моего „пугача-кума“.

— Не попал? — задает он ядовитый вопрос.

— Попал,—отвечаю без раздражения.

— А где же?

— На том берегу, за болотинкой, поди-ка поищи со своим талантом...

Мы возвращаемся к шарабанам и уж целую дорогу про охоту ни слова, да и в самом деле—рассуждали про себя—эка невидаль охота. Словно про нее только и говорить—давай лучше о чем-нибудь о другом...

Спутники уехали далеко вперед, замерли; отбранив нас сколько полагается—они сели в переднюю кибитку и умчали один, а мы теперь их догоняем, стараясь быть веселыми и тщательно заминая воспоминания о несчастной недавней охоте.

Лысина Курдая однообразна и скучна. Сухой, пронизывающий ветер заставил нас укутаться в тулупы. Весна не весна, да и зимы нет настоящей: по морозному ветру вспоминаются январские холода, а дорога бесснежная, заледенелая крепится, словно капризными мартовскими вечерами. Кой-где непримечная жидкая кашка, а по лощинкам и ниже, за холмами—серый, скучный, не зимний снег. Одежные снежные вершины, где нет ни лета теплого, ни зеленых трав, это царство вечного холода и суровых бурянов—оно где-то в стороне. Издалека сюда смотрят серебряные хребты, словно завидуют Курдаю, что его пригрело солнце, что с него упадают ледяные оковы, что из под белого савана пробивается к жизни зеленое царство. Курдай оживает. Он еще боролся с последними, прощальными бурями, с ледяными ветрами, но уже властно и здесь, и там давала себя знать и чувствовать близкая весна. По широкому, однообразному плато мы трусим версту за верстой. Молчим. Уткнулись в высокие ворота бараньих тулупов. На режущем, жгучем ветру—кому же охота пускаться в разговоры. Вот и спуск. Отсюда до станции „Курдай“ осталось всего 5—6 верст. В начале этот спуск также однообразен и гол, как вся курдайская хребтовина. Но чем ниже, чем глубже в ущелье, тем ярче тона, неожиданней, прекрасней горные ландшафты. Кручи гор повисли с обеих сторон причудливыми громадами—они избиты, изрезаны,

вымыты теплыми дождями, высушены, иссечены острыми горными ветрами: то взметнутся стрельчатыми шпиками, иглами, копыями, круготоребрыми кинжалами, то осунутся куполами, гигантскими тумбами, беспорядочными грудями разбившихся скал. А над скалами плавают ственно, то пропавая за отроги, то выплывая над ущельем, чернея в ряд один за другим—колышутся бурные, невозмутимые верблюды; и на горбатой спине и на тощих костистых боках навешены узлы, понатыкана домашняя утварь: это караваном уходят семьи дунган из верненских степей. Впереди только вожатые: в цветных кафтанах, в широких поясах, на манер цыганских, в легких причудливых шапочках—они идут рядом с верблюдами и выкрикивают резким голосом какие-то незнакомые, непонятные нам угрозы. За верблюдами, на повозках, запряженных лошадьми—дунганки, молодые и старые, черномазые ребятишки с блестящими карими глазами. Красные, синие, голубые ленты, шарфы, пояса и юбки... Улыбаются нам с повозок и что-то кричат незнакомое, непонятное. Мужчины проходят молча: без звука, без улыбки.

Прошел караван. Дорога кружит по ущелью, мелькает чистыми, заново построенными, мостиками, переброшенными здесь и там, шпириты, все ширится и, наконец, выплывают нам навстречу зеленые, гладкие, купольные головы холмов. Это холмы по долине—они говорят о том, что кончались горы, что мы выезжаем в Курдайскую равнину. Вот и холмы миновали—глянула знакомая, белая мазанка почтовой станции.

Путь был недолог. Ждать здесь не стали. Перепрягли коней и дальше. Теперь уж и до Верного осталось немного и хочется скорее-скорое туда. И мы глотаем станции одну за другой, не ждем, не отдыхаем: на завтра хотим быть у цели.

Помнится, в эти последние дни, да и на ставциях перед Курдаем, приходилось все время вести жаркую перебранку с начальниками ставций. Это был преудивительный и прегнуснейший народ. Почти сплошь такой. За исключением немногих. Помнится, в пути обогнали мы почтовые тройки. Приехали на пункт, ждать не стали, попросили лошадей. Запрягают. И когда уже все было готово, когда мы перегружались, чтобы ехать дальше,—подкатили почтовики и властно заявили:

— Ехать нельзя: мы едем.

— Позвольте, мы же первые приехали,—заявляю им.

— Ничего не значит: почта прежде всего.

— Но у меня, посмотрите: „вне всякой очереди“.

И показываю им мандат, где говорится, что по делам большой срочности и важности ехать надо вне всякой очереди. И слова эти даже подчеркнуты.

— Ничего не значит, это чепуха,—брякнул почтовик.

— Как чепуха,—взвешиваясь я.

— Да так... Ну, нечего с вами болтать,—объявил он,—выкладывайте вещи, мы едем.

Тогда я к делу подскочил с другого конца.

— Грузу у вас сколько?

— Около 30-ти пудов...

— А кто сопровождает?

— Я...

— А это кто такие?—вступаю я на почтаря и указываю на трех подозрительных субъектов, с ним приехавших и напоминавших по внешнему виду мелких торговцев.

— А ови какое право имеют ехать?—кричу я раздраженно почтарю.

— Такое право, что со мной,—ответил он,—да и что за разговоры—выгружайт-сь.

А я уж слышал раньше, что почтовики в те дни спекулировали бессовестно: из Ташкента в Верный везли дешевый кишмиш, а из Верного обратно—бедую муку. Заглянул я им в повозки, ощупал, вижу совсем не почта—мешки кишмишу.

— Это что же такое, ах вы, негодяи! Сейчас же документы. Я вам в Верном покажу кузькину мать.

Но почтарь был парень тертый. Хотя он и понял, что на 30 пудов три тройки занять ему нельзя,—все же попытался воздействовать и на меня испугом:

— Нет, вы мне свои покажите... У нас закон... Я вас законом...

Мы записали друг друга и поклялись притянуть непременно к суду. Брань бравую, а мы все-таки сели и уехали. Почтарь поехал за нами,—не знаю, сразу ли достал он лошадей под мешки кишмишу.

Был и другой случай. Приехали.

— А ну-ка, приятель, нам лошадей...

— Нет лошадей,—отвечает сумрачно и вяло худосочный могола-вый смотритель.

— Как, ни одной...

— Ни одной...

— Совсем пустой двор?—изумился я.

— Не совсем, тройка есть, да только пришла, упарилась, устала—ее нельзя.

— А скоро ли приедут новые?

— Не знаю,—отвечает он нехотя.

— То-есть как же „не знаю“, кто же знать-то будет за вас... ну, хоть, примерно: вы когда их отправили?

— А какое вам дело,—оборвал он грубо.

Кровь ударила мне в голову.

— Что за хамское отношение, что вы, не можете что ли отвечать, как следует!—крикнул я ему ободленный.

— Нечего отвечать-то; без вас все знаем,—ответил он, стараясь уйти в комнату.

— Нет, постойте,—останавливаю я,—вы все-таки скажите как следует... Вот мандат... Я еду срочно...

— А мне што за дело.

— Да, чорт вас дери, мне-то это не безразлично... Скоро ли лошади ожидаются, спрашиваю вас, и долго ли ждать?

— Не знаю,—ответил он на ходу и скрылся за дверь. Я послала „кума“ в разведку: осмотри все конюшни, проверь насчет оставшейся тройки.

Он через пять минут бежит возбужденный.

— 14 лошадей!!

— Что... 6?—не понял я.

— В стойлах на дворе 14 лошадей.

Я побежал вместе с ним по двор и глазам своим не верил: по стойкам, действительно, стояло 14 лошадей. Мы сейчас-же в юрты к киргизам:

— Лошади давно стоят?

— Вчера едла...—отвечают воины.

— А сегодня не ездил?—спрашиваем.

— Нет...

— Все не ездил?

— Нет...

Разъяренный, несусь прямо к смотрителю и кричу на бегу:

— Это что за подлость! Саботажничать?!

— Лошади устали, заезженные,—оправдывается он.

Ни слова не говоря, хватаю негодяя за шиворот,—трасу, как собачонку и не в силах сдержаться, рычу:

— Ах ты, сукин сын! если через 10 минут не будет лошадей—шашкой по башке!!

Через десять минут лошади готовы. Но прежде я составил протокол. Оказалось, что смотритель—из семинаристов, сын попа. В Верном протокол отдал я в почтовое отделение, а копию—ЧК; судьбу не знаю.

Где ты, семинаристик? Помнишь ли свой саботаж и заслуженную встряску?

Едем дальше. О, ужас! На следующей станции почти буквально то же:

— Нет лошадей.

— Ни одной?

— Шесть больных, больше нет...

Мы сразу в конюшни. И что же: вместо шести больных... 17 здоровых! Расспросы киргизов-возниц разъяснили дело.

Я подлецу показал дуло нагана.

Через десять минут мы уезжали.

С такой шпаной мы до полумерти измучились за долгий шести-сотверстный путь. Потом, в Верном, смеялись местные ответственные-работники:

— Вы один раз проехали да устали, а мы тут с ними все время маемся. Шпана на шпане. И саботажники. А заменить нечем—вот пока и миримся.

Станция за станцией, скандал за скандалом,—мы близимся к Верному. Навидались теперь мы всяких видов, рассмотрелись диковин, наслаждались слухов, рассказов и смутных догадок.

В Верный приехали совсем не новичками: за долгий путь чего, чего не увидели, не услышали, не узнали!

А вот и Каскелев—последняя станция перед Верным. Станем ли ждать, когда не останется и трех десятков верст? Скорей, скорей!! Довольно дорожных мытарств и беспорядной, глупейшей брани с почтарами и смотрителями. Мы катим по шоссе. Нервничаем. Ожидаем,—как он покажется Верный. И где-то вдалеке мелькнули церковные купола и кресты, потом стали видны окраины города, вырисовывались отдельные домики... Ну, здравствуй, Верный, здравствуй, пока чужой таинственный город, о котором мы так много слышали и которого совсем не знаем. Как ты встретишь нас? Как мы станем работать? Ты—центр огромной области. В тебе бьется сердце жизни полутора-миллионного населения. Много кружили мы за гражданскую войну: по Уралу, по Самарским степям, по Уфимским горам... и все эти центры—Урал, Самара, Уфа—это целые полосы жизни. Каждая имеет свою особую печать, свое лицо. А ты, новый наш знакомый—какое будущее иметь лицо? Как развернется здесь наша работа? Сумеем ли понять обетановку, войти в круг вопросов и в дружескую, тесную

семью работников? Неужели—интриги, зависть, склоки ожидают нас вместо горячего труда? Нет—нет, не надо. Мы верим, что расправим здесь крылья, размахнемся в плодотворной творческой работе, обнажим и отдадим все, что накопилось, что было скрыто, что прибавилось за эти годы, и что надо непременно израсходовать, отдать куда-то во вне, с кем-то поделить накопившимся опытом, разрядиться в воевой, пока неведомой работе.

Так здравствуй, новый труд на новой ниве! Мы любим тебя в новой обстановке, в любых условиях. И всегда готовы отдать тебе всеми знаниями, всем накопленным опытом жизни, всем пылом молодости, всей горячей верою в нашу победу, в нашу неперенную победу!

НИКОЛАЙ АДУЕВ и АРГО.

Агит-Скот.

I.

Чудес не ведает новый быт,
Не терпит поповских врак.
Не любо—не слушай, никто не велит,
А врать не мешай никак.

Начнем, чтоб концы с концами свести.
В деревне „Собачий Брод“
В псырядке особой экстренности
Собирался крестьянский сход.

Собирался на сход крестьянский народ,
На деревне великий страх,—
Кто крестит лоб, кто поклоны бьет,
Кто просто плюет в сердцах.

Выступает вперед председельсовет
И такую он речь ведет:
— „Дождались мы кручинушки—мочи нет,
Кто-то, братцы, нам портит скот.“

И не то, чтобы скот болел или чах,
И не то, чтобы язва иль мор,
А такое творится у нас на глазах,
Что не видано до сих пор.

Пусть расскажет крестьянство само про беду,—
Кто что слышал, и что видал,—
А я также слов таких не найду,
Одно только слово—шкандал“...

Выступает вперед Фалалеев Семен,
По прозванию Семен Карась.
Говорит всенародно:
— „Я самогон
У коровника— гнал вчерась.“

Все по правилам делаю, приобык,
И ни капельки не был пьян.
Вдруг—подходит в развалку мой собственный бык
И сшибает рогами чан.

Я ему, подлецу, плюю в глаза,
Начинаю сызнова гнать—
Глянь, является Сидорова коза—
И струмент сшибает опять.

А ведь тут, ребята, была красота—
И на вкус, и на нюх, и на вид...
Так что смело скажу в рассужденьи скота
Не иначе, как бес в ем сидит".

Выступает Аксинья и держит речь:
— "Испоганилась вовсе тварь,
Я намедни взяла, чтобы печь разжечь
На растопку Стенькин букварь.

И, поверишь, только за спички берусь,
Шасть—в избу гусенят пять штук,
А за ними лапчатый крапчатый гусь—
И рвут букварь из рук

И берут его соопча под крыло
И вон из хаты несут...
Не спроста это, видно, на птиц нашло:
Приближается страшный суд".

Тут пошло скрипеть крестьянство зараз,
Как немазаные ворота.
У каждого есть особый рассказ
И все про бесстыдство скота.

Там к известному знахарю вздумал вести
Больного сына Егор,
А кобыла свернула на полпути—
И в больницу во весь опор;

Там Барбос у купецкого стал крыльца,
Клыки свои наострив,
Мужиков не пускает в лавку купца—
Гонит в кооператив;

Там хотели яичек нести попу,—
Не дает насадка яиц!
Охватила тревога всю толпу,

Удивлению нет границ.

И решает не медля мужицкий сход:
"Чтоб спасти от беды село—
Подстеречь в ночном ошалелый скот
И проведать, откуда зло".

II.

Ночь темна, что колодезная дыра.
Вот уж пробил полночный час.
Собралися все сорок три двора
На пустынной площади враз.

Впереди председатель совета стал,
Рядом с ним Кузьма секретарь.
Председатель тихонько подал сигнал,
Секретарь перевел: "жарь".

В гробовой тишине идут мужики
(Бабы лезли—не вязали баб).
Вот и выгон виднеется у реки—
Этот самый скотский штаб.

И командует Карась: "Полаком".
Захватило у общества дух.
Подползли и видят: перед костром,
К ним спиной обратясь, а к скотине лицом,

На пригорке сидит пастух.

Обступил его скот со всех сторон,
Как вкопанный стоит.
Навострил он уши, слушает он,
А пастух ему говорит:

— "Ты учись, учись, скотинка,
Вот букварь, а вот картинка.
Цифры тоже надо знать,—
Два да три—выходит пять.

Не хотят учить детей,
Научу коров, свиней.
Так силен науки свет,
Что ему преграды нет.

Погодите травку кушать,
Не махать хвостами, слушать!
Буки-аз, буки-аз,
Счастье в грамоте для вас".

И крестьянство замерло, дух затая,
И дивится на странный вид:
Там под дубом—глядишь—примостилась свинья
И "Свинью под дубом" зубрит.

А на месте, где сгладана вся трава,
Баран бормочет: "ме",
И копытом он чертит—дважды два,
И никак не сочтет в уме.

А вокруг пастуха коровы, быки,
С него не сводят глаз...
И смекнули дошлые мужики:
— "Это, видимо, старший класс!!!"

Так вот откуда пошел ералаш,
Так вот оно, братцы, вот"...
Ведь, пастух то—сельский учитель наш,
Третий месяц он стадо пасет.

И случилось все это, ни дать ни взять,
В наказание нам за грехи:
Поскупились мы средств на школу дать!
Шкрабы выперли в пастухи!

Эй, любезный учитель, Иван Фомич,
Ты услышь наш мужицкий клич:
Передай Карасю и котомку, и бич,
Пусть пасет коров пьяный хрыч.

Ты уж на нас темняков не сердись,
Пред тобою мир виноват.
Ну, ступай, родной, отдохни, проспись,
А наутро—жди ребят!*

Чудес не ведает новый быт,
Не терпит поповских врак,
Но этот рассказ ничем не грешит,
И нет в нем лжи никак.
А коль думает кто: „сочинитель врет“,
Так, пожалуйста, верь не верь,
А отправься в деревню „Собачий Брод“—
Вглянь, какая там школа теперь!

И. К. ВЕРЕЩАГИН.

Человек — как машина.

сем известны „бунты рабочих против машины“: когда на фабрике вводится новая усовершенствованная машина, много рабочих оказываются лишними и остаются без заработка; и в истории известны случаи, когда рабочие уничтожали вытесняющие их труд машины. Но странная вещь: с момента появления первой машины прошло много времени, машинная промышленность развилась до чрезвычайности, а все-таки машина не вытеснила человека; труд человека не менее необходим и теперь. Почему это? Потому что машина работает во много раз экономнее человека, ее работа обходится гораздо дешевле; вследствие этого потребности общества расширяются, и производство увеличивается. На долю же человека приходится та работа, которую не могут выполнять машины; человек не вытесняется машиной, а оттесняется в сторону все более и более квалифицированного труда.

Поэтому нельзя противопоставлять человека машине: оба они идут вперед, совершенствуясь, причем человек идет всегда **вперед**, давая, правда, менее экономный, но зато более квалифицированный труд. Но в то время, как машины совершенствовались нами вполне сознательно, по точным чертежам, работа человека изменялась путем опыта, ощупью, вслепую. Только за последнее время люди как бы прозрели и взглянули на труд человека с новой точки зрения, — и тогда обнаружилось, **какая масса энергии, квалифицированного труда и живого человеческого материала пропала в течение многих веков без всякой пользы!** Тогда начали изучать законы человеческой работы так же, как изучается работа неодушевленной машины: хотя человек уже давно сравнивался с машиной, но провести это сравнение во всех деталях и сделать соответствующие выводы, — это достояние последнего времени. Но несмотря на то, что это изучение только начинается, оно дало уже значительные практические результаты: громадное увеличение производительности и экономии человеческой энергии!

Сходство человека с машиной.

Чем же человек похож на машину? Рассмотрим сначала одну из самых простых машин — ветряную или водяную мельницу. Мельница черпает энергию из движения воздуха или воды, это движение путем системы колес и приводных ремней преобразуется в движение жерновов. Здесь машина, следовательно, превращает в работу энергию движения воздуха или падающей воды. В принципе и всякая другая машина делает то же: берет откуда-нибудь энергию и превращает ее

в рабочее движение. Только в большинстве машин пользуются энергией не в такой грубой и случайной форме, как ветер, а энергией скрытой, так называемой **химической**, заключающейся в большом количестве, напр., в топливе. Этой энергией пользуются очень распространенные **тепловые машины**, самой простой из которых является машина **паровая**.

В паровой машине сгорает топливо; во время горения потребляется газ **кислород**, находящийся в воздухе, и образуется **углекислый газ** и зола; кроме того, выделяется большое количество энергии в виде тепла. Над топкой в паровой машине находится котел с водой; вода нагревается и превращается в пар, который, находясь в тесном пространстве, развивает **энергию упругости**, подобно сжатой пружине. Если пару дать выход, то он с силой толкает перед собою поршень. Таким образом, мы видим, что паровая машина преобразует скрытую химическую энергию сначала в энергию упругости пара, а потом в рабочее движение поршня; это движение поршня может затем, при помощи различных приспособлений, быть изменено в какое угодно движение, напр., во вращательное движение колеса или какое-нибудь еще более сложное.

Если мы теперь сравним человеческий организм с этой схемой паровой машины, то увидим, что сходство в общих чертах поразительно. **Топливом здесь служит пища**; всякий рабочий знает и по себе и по рабочим животным, напр., лошади, что чем большая требуется работа, тем усиленнее должно быть питание. Пища, действительно, содержит в себе значительный запас химической энергии, который легко обнаружить, если поджечь высушенные пищевые вещества—они все горючи и выделяют при горении тепло. Пища, обработанная в желудке и кишках, всасывается в кровь, которая, благодаря энергичным сокращениям сердца, движется по кровеносным сосудам, пущим к каждой клеточке нашего тела; таким образом, каждый орган, каждая железа получает из крови питательные вещества, которые здесь, на месте и сгорают: в живой машине, следовательно, не одна топка, а бесчисленное множество по числу мельчайших клеточек.

Нужный для горения кислород доставляется туда же работой грудной клетки, которая, подобно мехам, вдвигает воздух в особые мешки—**легкие**, где он всасывается в кровь и разносится по всему телу. При горении пищи образуется также и **углекислый газ**, выделяемый легкими; также образуется и подобие золы и сажи, вследствие неполного сгорания: эти вещества подвозятся кровью к особым органам выделения—**почкам** и **печени**.

Выделенная при сгорании пищи энергия преобразуется в движение в рабочих органах человека—**мышцах**. Мышцы или мускулы натянута между двумя костями; работа их состоит в том, что, сокращаясь, они с силой сближают между собою кости, к которым прикреплены. Так как мышц очень много и расположены они в самых разнообразных направлениях, то в результате сокращения тех или других мышц может получиться все разнообразие человеческих движений.

Во всякой машине существуют так называемые **индикаторы** или **оказатели**, которые показывают, в каком состоянии находятся те или иные ее части, напр., манометр, показывающий давление пара, показателя количества воды в котле, показатели скорости работы и т. д. Кроме того, во всякой машине существуют и **регуляторы**, рычаги, кнопки и т. д., при посредстве которых машинист может изменить скорость, давление и т. д. Некоторые регуляторы действуют сами собою, без вмешательства человека, напр., клапан в паровом котле открывается сам собою тогда, когда давление пара увеличивается

больше, чем надо: часть пара выходит тогда наружу, и давление опять приходит к норме.

То же самое мы видим и в живой машине: здесь существует много **органов чувств**, глаза, уши, органы осязания, обоняния и т. д., чешному току, передаются на особым проводом—**нервам**—подобно электрическим сигналам, мы можем приказывать, передающимися по нервам, изменить ход своей работы. Надо заметить, что **большинство регуляторов нашего тела действуют сами собою**, без участия нашего сознания; сюда относятся, напр., все регуляторы внутренней жизни нашего тела: мы знаем, как строго согласована в нем работа отдельных органов. Всякий, например, знает, что при сильной работе, и грудь дышит чаще, и сердце колотится сильнее; это происходит, грубо говоря, так: работающие мышцы посылают сведения о том, что им не хватает кислорода, и что они загрязнены углекислотой; сообразуясь с этими сведениями, административный орган—**мозг**, без участия нашего сознания, посылает соответствующим органам—легким и сердцу—приказание ускорить свою работу и согласовать ее с работой мышц, и горю тому, у кого плохое сердце: оно не справляется с повышенными требованиями, и человек задыхается при малейшей физической работе.

Итак, мы видим, что человек действительно машина: он потребляет скрытую энергию и преобразует ее в рабочее движение. Более того: машина эта гораздо более сложная и более совершенная, чем все мертвые машины: индикаторы гораздо тоньше, регуляторы очень точны, и большей частью действуют сами собою. Раз это так, то по отношению к человеку, как и по отношению ко всякой другой машине, можно поставить один и тот же главный вопрос: **как сохранить машину в полном порядке на возможно более продолжительный срок** и как получить от нее больше всего полезной энергии, другими словами, **получить от нее максимум производительности**.

Увеличение физиологической производительности.

Известно, что производительность машины бывает самая различная; она зависит от устройства машины, а также от хорошего или плохого ее состояния. Тепловые машины, а, следовательно, и паровые двигатели, относятся к числу машин с малой производительностью: производительность паровых машин редко бывает выше 15%; это значит, что только 15% всей затраченной энергии идет в них на полезную работу, остальные же 85% пропадают без пользы, улетучиваясь в пространство в виде тепла.

У человека вычислить производительность несколько труднее, потому что мы не можем так просто учесть, сколько мы в данном случае сожгли топлива; правда, мы знаем, что главные составные части нашей пищи—**белковые** и **крахмалистые вещества** содержат в каждой грамме приблизительно по 4 больших калорий^{*)}, а жиры даже 9 с лишним калорий, и на основании этого мы можем подсчитать, сколько энергии мы съели в тот или другой день, но наивно было бы думать, что вся эта энергия потребилась в нашем теле. Дело в том, что часть питательных веществ иногда откладывается в нашем теле

^{*)} Тепловая энергия измеряется «калориями». Большой калорией называется количество тепла, потребное для нагревания одного килограмма воды на 1° Цельсия. Большая калория равняется 1000 малым калориям.

про запас в виде жира или крахмалистых веществ, а иногда и наоборот: вместе с пищей сгорает и часть этого запаса; таким образом, мы никогда не можем на основании количества пищи вычислить потребленную энергию. Для этого пользуются более сложным способом: одевают на человека маску, через которую он дышит; от этой маски идут трубочки: в одну трубочку он вдыхает, в другую выдыхает; как вдыхаемый, так и выдыхаемый воздух тщательно исследуется. Так как кислород идет внутрь тела исключительно для горения, то, на основании точно определенного его количества, вдохнутого человеком во время работы, мы можем вычислить, сколько калорий потребил за это время человек. Если определить с помощью этого способа производительность человеческой работы, то она окажется очень низкой: от 5% до 15%.

Куда же деваются недостающие 85—95%? Существуют нежные тонкие приборы, которые требуют за собою много ухода, которые, например, не переносят сырости, холода и т. п.; кому не приходилось отапливать, напр., пенульные пространства, чтобы только сохранить целостность водопроводных труб? Человеческая машина также требует для себя больших затрат: внутри нее работает много органов, значение которых для организма очень велико, и каждый орган требует для своей работы затраты энергии. Кроме того, для лучшей работы органов требуется поддерживать температуру тела в 37°. На все это идет громадное количество энергии, но благодаря этому человеческая машина и находится всегда «под парами», — т. е. всегда готова работать немедленно, без предварительной растопки печей. Энергия, которую человек ежедневно тратит на поддержание работы внутренних органов и температуры тела, энергию, которую человек тратит не на работу, а только на то, чтобы быть всегда «под парами» — эта энергия очень велика: она равна 2400 калориям.

Понятно теперь, почему так дорога и неэкономна человеческая машина: она требует громадного количества топлива и топлива очень дорогого (масло и мясо гораздо дороже дров, нефти или угля) только на поддержание себя в целостности. Но так как без работы человека все-таки обойтись нельзя, то мы должны изыскивать все средства, чтобы по возможности увеличить его производительность, сделать его работу как можно более дешевой и экономной.

Что человек работает обычно не в полную свою производительность, ясно из следующего. Если мы отбросим те 100 калорий в час (2400 калорий в сутки составит 100 калорий в час), которые нужны человеку, находящемуся в покое, а будем принимать в расчет только энергию, пошедшую на работу собственно, то окажется, что такая «чистая» производительность равна в среднем 25%, между тем, как вырезанная, изолированная мышца какого-нибудь животного имеет производительность 50%. Очевидно, что и человек, в идеале, может повысить производительность своего мышечного сокращения тоже до 50%, т. е. вдвое; если же говорить не о чистом мышечном сокращении, а вообще о работе, то тут производительность может подняться во много раз.

Больше всего понижают производительность лишние движения; ведь на всякое мускульное сокращение расходуется топливо, и если без некоторых движений мы сможем обойтись, то этим мы сэкономим топливо и увеличим производительность. С этой точки зрения все предметы, участвующие в работе, должны быть правильно расположены: как много времени и движений теряет часто рабочий в поисках нужного инструмента! Между тем, если бы все они были под руками и на

строго определенном месте, причем предмет, который берут в правую руку, лежал бы справа, а предмет, который берут в левую руку — слева, — получилась бы значительная экономия. Как часто рабочий-мастер сам уходит за материалом, между тем такую простую работу лучше — более дешевая мертвая машина; во многих заводах поэтому в движение приводится бесконечным полотном, приводимым телом в неудобной позе, благодаря неправильно устроенным стульям, столам, верстакам! Между тем так легко устранить этот расход энергии!

Кроме того, самые рабочие движения, оказывается, возможно сильно усовершенствовать и упростить. Было произведено много исследований рабочих движений по разным методам. Легко понятен способ, производимый при помощи кинематографа: снимают рабочего во время движения; рассматривая затем кинематографические снимки в отдельности, можно в подробностях изучить рабочее движение. Часто употребляется способ записи движения при помощи так называемых циннограмм. Он заключается в том, что к руке рабочего прикрепляется маленькая электрическая лампочка, на фотографическом снимке она выйдет в виде светлой полосы, показывающей движение руки. Полученные такими методами результаты сравнивают между собою и выбирают среди них самое простое движение *).

Наконец, талантливый наблюдатель всегда может подметить много лишнего в рабочих приемах. Особенно много и успешно работал по этому вопросу американский инженер Джиллбрет; знаменитый пример его камешков показывает, как много можно упростить даже в работе таких профессий, которые существовали с незапамятных времен. Джиллбрет, присматриваясь к кладке кирпичей камешниками, нашел, что они делают 18 отдельных движений; продумав их, он решил, что 13 из них являются лишними, а только 5 безусловно необходимыми. Самое главное непроизводительное движение, требующее много энергии, было нагибание камешника, чтобы взять с земли кирпич; Джиллбрет предложил класть кирпичи на досках на уровне руки рабочего, и этим устранил главный недостаток. Работая по его системе, камешники стали класть 350 кирпичей в час вместо прежних 120, увеличив, таким образом, свою производительность почти втрое!

Для производительности человеческой машины так же, как и для мертвой, имеет большое значение скорость работы, ритм ее и нагрузка. И здесь, и там существует некоторая наилучшая скорость, некоторый наилучший ритм, некоторая наилучшая нагрузка; увеличения или уменьшения ее дают уже меньшую производительность. Для мертвой машины, законы работы которой нам гораздо лучше известны, эта наилучшая нагрузка и скорость вычисляется обычно по формулам. В случае же живой машины, она определяется опытом, часто очень длительным и требующим много знания и наблюдательности.

Для производительности имеет большое значение также правильный подбор рабочих по способностям и склонностям. Нет двух людей одинаковых друг с другом по физическим и психическим свойствам; между тем, для одной профессии требуется преобладание одних качеств, для другой — других. Специальная наука, называемая психотехникой, изучает, с одной стороны, разные профессии, с целью определить, какие качества рабочего больше всего необходимы для них, с другой стороны, она исследует рабочих, с целью определить, имеются ли эти

* См. № 9 журнала «Мол. Гвардия», статью Кекчева — «О работе ЦНТА».

качества у данного рабочего и в какой степени. Производимый таким образом подбор людей очень благоприятен для самих рабочих, потому что дает им возможность получить работу по своим способностям и склонностям, с другой же стороны, этот подбор давал всякий раз большое повышение производительности и улучшение качества работы.

Существует много еще других приемов, с помощью которых научная организация труда (НОТ) повышает производительность работы живой машины. Но, если эти приемы и имеют громадное значение, то не менее важными являются приемы, не позволяющие производительности падать, приемы, поддерживающие в чистоте и порядке машину, приемы, не позволяющие ей преждевременно изнашиваться. Об этих приемах рассказывает нам профессиональная гигиена, которая является, таким образом, частью научной организации труда.

Одним из главных вопросов является вопрос о питании, потому что пища человека есть то топливо, откуда он черпает энергию. Чем большую мы хотим получить работу от машины, тем больше мы должны жечь топлива. Живая машина, как было уже упомянуто, по самой своей сущности, должна всегда находиться "под парами" и по-лучать на это в пищу 2400 калорий ежедневно. Во время же работы она должна получить прибавку в топливе. По отношению к затратам энергии все профессии разбиты на 4 категории:

- 1) люди, работающие сидя и исполняющие самую легкую работу в физическом смысле, как, напр., портные, литографы, надсмотрщики за машинами, должны получать уже до 2700 калорий ежедневно;
- 2) люди, работающие стоя, как столяры, слесари, почталовы, должны потреблять уже от 2800 до 3200 калорий;
- 3) люди, тратящие известное количество силы, как кузнецы, каменщики, должны съедать от 3300 до 3800 калорий, и, наконец,
- 4) люди, занимающиеся особо тяжелым физическим трудом, как, напр., грузчики, землекопы, крестьяне, должны получать от 4000 до 6000 калорий ежедневно.

Правда, человек отличается выгодно от машины тем, что у него всегда имеется некоторый запас жира и крахмалистых веществ в теле, благодаря чему изредка он может съесть и меньше, чем требуется, и выполнить все же работу, но при этом он сожжет часть своего запаса и падет в весе, что продолжаться долго, разумеется, не может. При постоянном недоедании наступает понижение работоспособности и производительности. Напр., при уменьшении пайка на 20%, производительность падает на 55%, а при уменьшении пайка на 30% — на целых 83%, потому что расход на поддержание жизни остается почти тем же, а на долю работы энергии остается очень мало.

Но топливо может быть использовано только при достаточном притоке хорошего воздуха; помещение, плохо вентилируемое даст, в конце концов, тот же результат, что и недостаток пищи: энергии будет хватать только на работу внутренних органов, а не на внешнюю работу. По этой же причине мы должны тщательно сохранять один из самых важных, но и один из самых нежных органов — легкие. Пыль, носящаяся в воздухе, задерживается в большом количестве в дыхательных путях, но все же известный процент попадает в легкие и внедряется в его ткань; легкое угольщика совершенно черно, в отличие от нашего розового легкого, — и понятно, что такое легкое ни дышать хорошо не может, ни сопротивляться различным заболеваниям, что равносильно порче, напр., ржавчине на одной из самых важных

частей машины. В таких производствах, где приходится иметь дело с большим количеством пыли, все равно, какого бы происхождения она ни была, или с ядовитыми газами, как хлором, разными кислотами и др., которые часто загрязняют воздух, — в таких производствах работают, дыша через особые маски, защищая этим легкие от порчи.

Кроме существенных частей машины, громадное значение имеет сохранение в полном порядке индикаторов и регуляторов. У живой машины ими являются, как было уже упомянуто, органы чувств и нервная система. Из индикаторов мы больше всего пользуемся показаниями глаза; нет почти ни одного вида работы, где бы глаз не играл существенной роли, между тем, мы очень редко видим правильное устройство освещения. При недостаточном освещении мы должны работать, держа глаза слишком близко к месту работы и напрягая зрение; поэтому, вследствие утомления глаз, приходится часто прерывать работу, да и работа сама идет неуверенно и медленно. При улучшении освещения достигается значительный выигрыш в производительности — до 50%. Поэтому экономия на освещении — самая глупая экономия: затрата на него окупается во много раз. Американцы это прекрасно поняли: современный американский завод как бы не имеет стен, а только сплошные окна с узкими переплетами вместо простенков.

С другой стороны, слишком яркий свет, бьющий прямо в глаза, слишком резкие тени от предметов ослепляют и раздражают глаз. Поэтому самым правильным является достаточно сильный свет, — но свет мягкий, рассеянный, не дающий теней, что достигается, например, привешиванием лампочек под потолок, причем снизу они заграживаются рефлекторами: свет от них разливается по потолку и, только отразившись от него, попадает на рабочее место. При таком освещении работает легко, уверенно и быстро.

Сохранение спокойного состояния нервной системы — регулятора нашей живой машины — имеет громадное значение. Из обстановки труда необходимо исключить все, что раздражает ее. Поэтому стремятся устранить из рабочего помещения все шумы, все сотрясения тела; специально придуман даже особый рабочий стул на пружинах, на который не передаются сотрясения пола. Кроме того, всякий знает, насколько лучше работает, когда дома все благополучно, когда на душе легко, когда имеешь дружных товарищей, хорошее начальство, когда исполняешь работу, к которой имеешь склонность и интерес, когда чувствуешь, что твоя работа справедливо оценивается и вознаграждается, когда свободное время проводится в разумных развлечениях, в чтении хороших книг и т. д. Громадное значение имеет порядок и дисциплина в работе; наоборот, раздражающе действуют беззаберность, бессистемность, ненужные простои в работе и т. п.

Итак, мы видим, что для хорошей производительности работы живой машины нужно очень много обстоятельств, многие из которых очень сложны и не всегда осуществимы. Но есть и еще характерная особенность живой машины, которая, казалось бы, совсем не свойственна мертвым машинам, и благодаря которой часто говорят: "человек — не машина". Это свойство — утомление, усталость. Человек не может много подряд работать: он устает, машина же не знает усталости; в этом, казалось бы, коренное отличие машины от человека. Однако, вдумавшись в явление утомления, мы увидим, что это не так, что это явление, в сущности, общее всем машинам, но у человека оно гораздо более резко выражено, благодаря особенностям его организации.

Борьба с утомлением.

Что такое утомление? Постараемся понять его сущность. Каждое мышечное сокращение сопровождается, как было уже упомянуто, потреблением топливного материала и газа кислорода; после сгорания образуется углекислота, зольные вещества и вещества, получившиеся от неполного сгорания топлива; все это — вещества ненужные и засоряющие топку. В обыкновенных машинах топка расположена в особом месте, далеко от частей, производящих рабочие движения, и потому образование этих веществ в работе мешает мало. У живой же машины топка не одна, а бесчисленное множество; топливо сгорает в самих же рабочих органах, и поэтому эти вещества должны мешать дальнейшей работе. Сам регулятор нашего организма действует так, что эти вещества вскоре удаляются: частью сжигаются, частью выливаются кровью и подвозятся ею к почкам, выделяющим их наружу растворенными в моче.

Если мы сократим мышцу во второй раз только тогда, когда эти вещества уже будут из нее удалены, то тогда она сократится так же, как и в первый раз. Время, нужное для удаления из мышцы этих веществ, бывает различно, смотря по виду мышц. Напр.:

руку в локте мы можем сгибать	—30—35 раз в минуту,
жевательные мышцы	—90—100 „ „ „
пальцы	—150 „ „ „

Промежутки отдыха при этих условиях достаточны, чтобы удалиться продукты горения, и мышцы с этим ритмом (конечно, без нагрузки) могут работать без усталости. Другое дело, если мы сократим мышцу раньше, чем удалены эти ядовитые вещества: с каждым сокращением их будет образовываться все больше и больше и, наконец, их накопится столько, что работа мышцы будет затруднена и наступит явление утомления. Утомление, следовательно, подобно накоплению золы, загрязнению дымовых труб и вообще засорению машины; и машину также надо время от времени останавливать и прочистить; у человека же приходится это делать гораздо чаще, ввиду особенностей его организации, причем для „чистки“ живой машины не нужно применять никаких приемов, — она сама себя вычистит при помощи своих саморегуляторов, надо только дать ей для этого время, которое в данном случае называется отдыхом.

Неприятное чувство, которое возникает при утомлении мышцы и которое называется чувством усталости, есть один из сигналов, который устроила природа, чтобы показать, что не все благополучно в организме. Мы знаем много таких неприятных, но очень важных сигналов: чувство голода, чувство жажды, чувство боли и т. д. Если у человека потеряна чувствительность кожи на определенном участке, — напр., существует паралич чувствительности одной руки, то он может даже сжечь свою руку, не почувствовав при этом ничего; между тем, заставило бы его вынуть руку из огня и, таким образом, спасти ее. Подобным же образом и чувство усталости предостерегает организм от грозившей опасности и заставляет его прекратить работу, дав время мышцам освободиться от яда.

Иногда это чувство усталости притупляется благодаря возбуждению нервной системы: известны, напр., случаи, когда матери проводят без отдыха несколько суток у постели больного ребенка. У рабочего

часто притупляется чувство усталости вследствие сильного желания заработать как можно больше. Отсутствие в таких случаях чувства что индикатор неправильно работает, благодаря неестественному состоянию нервной системы, и необходимо тогда силой заставить человека прекратить работу, чтобы спасти его от последствий отравления ядами усталости.

Система организации труда известного Тейлора тем и отличается от истинно научных систем, что она вызвала рабочих неправильной системой оплаты и премий сильнейшее желание работать во что бы то ни стало сильнее и быстрее, забывая об усталости. Если при этом и получалось временное „повышение производительности“, то зато такого рабочего хватало ненадолго (систему Тейлора иначе называют „потопной системой“).

Действие ядов усталости на мышцу заключается в том, что она начинает сокращаться с меньшей силой и гораздо медленнее, энергии же она потребляет при этом не меньше, а больше, — следовательно, ее производительность падает. Давно уже известно, что к концу рабочего дня производительность рабочего сильно уменьшается, уменьшается настолько, что практически невыгодно удлинять рабочий день. Наилучшей для производительности оказалась продолжительность рабочего дня в 8 часов; статистическими данными доказано, что при этой продолжительности выработка в сумме получается больше, чем при 10-ти часовом рабочем дне. Это происходит потому, что накопившиеся за рабочий день яды усталости выделяются из организма в течение оставшегося дня; при 10-ти часовом рабочем дне их образуется больше, чем при 8-часовом, а времени для выделения остается меньше. Часть усталости, следовательно, остается на следующий день и, таким образом, из дня в день она накапливается все больше и больше, подрывая силы рабочего и понижая его производительность.

Даже при 8-часовом рабочем дне необходимо раз в неделю устраивать себе полный отдых, раз в год — двухнедельный перерыв. Всякий случайный праздник помогает борьбе с утомлением, и статистика показывает, что те месяцы, в которых много праздников, гораздо благоприятнее месяцев без праздников.

Кроме действия на самую мышцу, яды усталости отравляют весь организм. Это ясно хотя бы из того, что к концу рабочего дня усталость чувствуется во всем теле, а не только в тех мышцах, которые работали. Особенно резко бросается в глаза отравление нервной системы. После рабочего дня притупляются органы чувств, ухудшается память, ослабевает внимание, замедляется передача ощущения через мозг к мышцам. Это очень хорошо обнаруживают статистические данные, касающиеся несчастных случаев. Конечно, несчастие — случайность, но ясно, что когда у людей ослабело внимание, когда они не так быстры в движениях, чтобы избежать опасности, — тогда эти случайности должны происходить чаще. Действительно, статистика показывает, что больше всего несчастных случаев приходится на конец рабочего дня, а меньше всего на начало.

Напр., из тысячи несчастных случаев

на 1-й час работы	приходится 49 случаев.
на 2-й „ „ „	86 „
на 3-й „ „ „	92 „
на 4-й „ „ „	112 „
на 5-й „ „ „	122 „ и т. д.

Даже, если распределить несчастные случаи по дням недели, то, оказывается, что—больше всего они происходят в пятницу и субботу, когда за неделю накопилось достаточно утомления, и меньше всего во вторник и среду.

Первая система при своей работе также выделяет вещества, являющиеся ядами для организма; всякий знает, что умственная усталость даже более извурительна, чем физическая. Кроме того, надо иметь в виду, что деление работ на чисто умственные и чисто физические совершенно неправильно: во всякой работе есть и мышечные, и нервные или умственные усилия. Чем больший выбор движений предоставляется рабочему, тем больше в его работе участия нервной системы. Всякие новые движения, движения учеников, напр., заставляют работать мозг и нервные центры гораздо больше, чем движения привычные; наоборот, движения, совершающиеся бессознательно, автоматически, требуют меньше всего участия нервной системы и, следовательно, связаны с гораздо меньшей тратой энергии и с гораздо меньшим утомлением.

Работа всегда хуже спорится в начале; только через некоторое время человек начинает „входить в работу“, начинает „устанавливаться“; поэтому самая большая производительность бывает не в самом начале работы, когда, казалось бы, человек свежее всего, а спустя некоторое время. Поэтому выгоднее совершать работу, если это, конечно, возможно по характеру ее, всегда в определенном порядке, одним и теми же движениями, выгоднее автоматизировать ее.

Но все же самым главным оружием в борьбе с утомлением является правильно организованный отдых. Для каждого вида работы путем опыта можно установить наиболее выгодное распределение отдыхов: для работы трамбовщиков мостовой, напр., выгоднее всего оказались 2-х минутные перерывы после каждых 5 минут работы. Известен пример саперов, рывших на фронте окопы: партия, отдохавшая 10 минут после каждых 5 минут работы, скоро опередила партию, работавшую непрерывно. Из этого, конечно, не следует, что чем больше отдыха, тем выше производительность: дело в том, что слишком продолжительные перерывы в работе, превышающие время, необходимое для вымывания ядов усталости, невыгодны, потому что заставляют стоять живую машину „под парами“ впустую. Кроме того, слишком частые отдыхи разрушают ту „установку“, о которой было только что упомянуто, и заставляют рабочего каждый раз снова „входить в работу“. Поэтому для каждого рода работы необходимо тщательно установить наиболее выгодный ритм, установить на основании опыта, исследований утомления и производительности рабочего и на основании теоретических соображений.

Кроме установки ритма работы, важно бороться с утомлением всеми другими возможными способами. Необходимо устранить из рабочего движения все лишние движения, упростить их; необходимо заботиться о том, чтобы поза рабочего заставляла бы его напрягать как можно меньше мышц, необходимо предоставлять ему возможность совершать длительные отдыхи; для этого около каждого рабочего должен стоять удобный стул, на который он должен садиться при первой возможности. За границей на некоторых заводах ставят даже кушетки, чтобы рабочий мог лечь и вполне расслабить свои мышцы.

Вообще борьба с утомлением—одна из главных задач современной научной организации труда: оно невыгодно как для рабочего, потому что разрушает его организм (помните, что крайний возраст тру-

доспособного рабочего в среднем не превышает 40 лет!), так и для предпринимателя, потому что уменьшает выработку. В Америке, стране капиталистической, где, казалось бы, нет никакого дела до здоровья и благосостояния рабочего, ведется в настоящее время энергичнейшая борьба с утомлением. На автомобильных заводах Форда рабочих по окончании работ даже развозят по домам на автомобилях так же, как и собирают к началу работ на завод. Тем более энергично должна вестись эта борьба в Советской стране, где, кроме повышения производительности, забота о благосостоянии рабочих играет громадную роль в общей политике.

Всегда надо помнить, что от небрежного отношения, от недостаточного ремонта, от перегрузки работой всякая машина изнашивается, приходит в ветхость и, наконец, выбрасывается: она становится негодной. Но, если обыкновенную машину можно выбросить вон, как хлам, остатки живой машины,—нетрудоспособный, больной человек требует для себя дальнейшего содержания и является только обузой как для родных, так и для государства. Правильное отношение к себе основных положений истинной научной организации труда, стремящейся получить максимум производительности, сохраняя при этом работоспособность живой машины на наибольший срок,—обязанность каждого гражданина Советской страны.

Инж. С. КУКЕЛЬ.

Электрификация в С.С.С.Р.

Задачи электрификации.

Электрификация—это использование электрической энергии там, где прежде применялись другие виды энергии. Она является высшей формой механизации, так как электрическая энергия, обладая способностью легко превращаться во все другие виды энергии, в то же время удобнее, проще и дешевле всех передается на расстояние. Возможность иметь источник энергии даже на большом расстоянии (при современном состоянии техники до 400 верст) от места потребления и, таким образом, обслуживать из одного пункта очень большую площадь, является одним из наиболее ценных свойств электрической энергии по сравнению со всеми другими ныне известными способами механизации труда.

Электрическая энергия применима решительно во всех областях народного хозяйства. Можно смело сказать, что появление машин, производящих электрический ток, имело для развития техники и культуры еще большее значение, чем появление паровой машины. При современном состоянии техники пар используется наиболее экономично именно тогда, когда он обслуживает паровую машину (в настоящее время почти исключительно турбину), вращающую электрический генератор¹⁾. Но кроме пара, любая сила природы может быть использована для приведения в действие электрического генератора: можно использовать для этой цели движение воды в реках и каналах, ветер, морские приливы, даже прибой морских волн, расширение сжатого или горячего газа, и даже процесс замерзания жидкостей.

Если к этому перечню прибавить теоретически возможную перспективу уловления атмосферного электричества и солнечной энергии и будущую возможность именно электротехническим путем использовать энергию, освобождающуюся при распаде атомов, искусственно вызванном,—мы убедимся в том, что электричество представляет собою средство, при помощи которого человечество может заставить всю природу обслуживать свои нужды.

Электрическая энергия применяется в настоящее время главным образом для следующих целей:

1) для замены работы людей, животных, паровых и тепловых двигателей, при движении различных механизмов в промышленности и сельском хозяйстве;

¹⁾ Генератор—машина, производящая электрический ток.

2) для получения дешевых, безопасных и сильных источников света;

3) для электрической тяги;

4) для целого ряда производств, требующих либо непосредственно электрическую энергию (добывание азота из воздуха, получение в чистом виде металлов и много др.), или значительного количества особо дешевой энергии (получение алюминия из глинозема, приготовление цемента и др.);

5) для сношения между людьми, находящимися на далеком расстоянии друг от друга (проводный и беспроводный телеграф и телефон, сигнализация).

Во многих из этих областей электрическая энергия является единственной формой энергии, могущей выполнять поставленную задачу, в остальных она является наиболее удобной и, за сравнительно немногими исключениями, наиболее дешевой.

Нельзя назвать ни одной отрасли народного хозяйства, в которой электрификация, рационально проведенная, не увеличивала бы производительность труда и не уменьшала бы стоимость продукции.

Использование нефти в двигателе внутреннего сгорания, вращающем динамо-машину, служащую для освещения, дает в восемь раз больше света, чем при сжигании соответствующего количества керосина непосредственно для освещения, а хорошее освещение на месте производства работы может увеличить производительность труда в несколько раз больше, чем при недостаточном освещении.

Выгоды электрического освещения настолько общезвестны, что на них останавливаться не приходится, и потому ограничимся лишь указанием, что стоимость электрического освещения при одинаковой силе света равна стоимости керосинового лишь при цене 40 коп. за киловатт-час, т.е. при цене, превышающей в $2\frac{1}{2}$ раза современный тариф в Москве, если фунт керосина стоит 6 копеек.

В других областях, где электрическая энергия конкурирует с иными видами энергии, выгоды первой менее наглядны для неспециалиста и требуют иногда определенных условий, почему на них стоит остановиться.

Электрификация мастерских, применявших механические двигатели других типов, а также электрификация рудников, оборудованных паровыми машинами или двигателями внутреннего сгорания, дает значительную экономическую выгоду в случаях, когда электрическая энергия может быть получена от одной мощной электрической станции, вырабатывающей энергию дешевле, чем ряд мелких двигателей, разбросанных по большой территории. В громадном большинстве случаев электрификация заводов и рудников, взамен других способов механизации, дает весьма значительное удешевление энергии. Но независимо от этого, уже во всех без исключения случаях, электрические двигатели для станков и рудников увеличивают продуктивность труда рабочих, вследствие свойств электродвигателей, обладающих, по сравнению со всеми другими механическими двигателями, значительно большей гибкостью и удобством управления и к тому же в общем большей безопасностью при обращении.

Для управления электрическими двигателями требуется только общий технический надзор специалиста, обращение же с ними может быть поручено рабочему любой квалификации, тогда как обращение с иными механическими двигателями требует специального персонала.

Из сказанного ясно, что даже электрификация достаточно механизированных производств в конечном счете удешевляет продукцию.

тем более благотворна электрификация производств, ранее не механизированных, пользовавшихся только ручным трудом.

Все крупные затраты на электрификацию заводов довольно быстро окупаются.

Несколько сложнее обстоит дело с электрификацией железных дорог. Здесь крупные первоначальные затраты на постройку специальных электропоездов, проведение по всему рельсовому пути воздушных электропередач, установка, примерно, через каждые сто верст источников тока могут окупаться лишь при условии достаточной интенсивности использования железной дороги. Но зато там, где потребность в интенсивном движении уже назрела, электрификация железных дорог позволяет весьма значительно увеличить пропускную способность дороги, ускорить движение поездов (главным образом, за счет уменьшения стоянок на станциях, где тогда не надо принимать топливо и воду, а также за счет ускорения движения на подъемах) и в общем значительно удешевить транспорт.

При постройке новых железных дорог выбор электрической тяги, вместо паровой, дает удешевление и облегчение изыскания пути, так как электропоезда допускают большие уклоны, чем паровозы. В этом отношении электрические горные дороги представляют особенно большую выгоду по сравнению с паровыми, тем более, что в горах обычно можно найти источники дешевой энергии в виде водопадов и быстро текущих горных рек.

Отметим кстати, что при спуске электропоезда не теряет бесполезно энергию, затрачиваемую на торможение, как это имеет место у паровоза, а возвращает ее в общую сеть, становясь генератором энергии за счет самоторможения, причем эта энергия используется на другом участке пути поднимающемся в гору или бегущим по ровному месту поездом.

После сказанного станет понятным, почему электрические железные дороги прежде всего стали широко применяться именно в горных местностях, и первой русской электрической железной дорогой будет, вероятно, предусматриваемая проектом электрификации железная дорога через Сурамский перевал на Кавказе.

Электрификация сельского хозяйства открывает широкие перспективы для увеличения благосостояния крестьянского хозяйства. Даже оставив в стороне еще находящиеся в стадии опытов возможности непосредственного применения электрической энергии для воздействия на урожайность почвы, можно указать на широкое поле применения электродвигателей небольших размеров для следующих целей: приведение в движение сельско-хозяйственных машин, взамен лошадей, что во много раз увеличивает производительность и ускоряет все процессы обработки почвы и сбора урожая; для рациональной постановки молочно-го хозяйства, для искусственного орошения, мельниц, наконец, механизации труда кустарей и создания в деревнях мелкой промышленности, позволяющей рационально использовать на месте труд земледельца, обременяемого природой, вследствие сезонности своей работы, на продолжительное бездействие.

Электрическое освещение в деревне не только является огромным культурным фактором, но и имеет у нас огромное значение в смысле уменьшения пожарной опасности. Насколько значительны могут быть экономические выгоды электрификации сельского хозяйства, можно судить по тому, что в последние годы две страны, — Франция и Италия, правительства которых нельзя заподозрить в чрезмерной заботливости об интересах крестьянина, но которые очень озабочены уменьше-

нием ввоза хлеба из-за границы, тратят ежегодно, несмотря на тяжелое финансовое положение, многие миллионы на субсидии крестьянам, даются лишь при твердой уверенности, что всякая затраченная копейка в конечном счете вернется сторицею.

Надо, однако, заметить, что проблема электрификации деревни представляет весьма значительные трудности. В городах потребители концентрируются на небольшой площади и потому для их обслуживания доводится прокладка воздушных или подземных питательных проводов, наоборот, находятся на значительных расстояниях друг от друга и требуют относительно очень значительных расходов на присоединение их к станции.

Таким образом, даже при наличии дарового топлива, цена энергии в деревне должна быть много выше, чем в крупном городе.

Другим обстоятельством, затрудняющим широкое осуществление мелкой электрификации, является низкая степень использования установленных машин, что, в свою очередь, тоже удорожает энергию. В городах промышленного типа станция получает нагрузку в разное время суток: вечером берут ток для освещения, днем — для электромоторов на заводах. Есть возможность комбинировать потребление энергии так, чтобы машины на станции были хорошо использованы. В деревне для достижения той же цели отнюдь нельзя ограничиваться одним освещением, надо непременно дать станции и моторную нагрузку, а для этого надо создать мелкую промышленность и потребителей моторной нагрузки, иначе энергия станет непосильно дорога.

Таким образом, прежде чем заняться электрификацией деревни, необходимо тщательно изучить экономическую сторону вопроса, чтобы создать выгодную установку, которая смогла бы отпущать энергию населению по приемлемым ценам. В гораздо лучших условиях находятся деревни, расположенные вблизи фабрично-заводских предприятий и могущие получать энергию от заводской станции, а также деревни, находящиеся вблизи линии электропередачи от крупных электрических станций. Поэтому понятно, почему у нас за последние годы стали прежде всего электрифицироваться деревни, находящиеся в этих условиях.

Проблема электрификации деревень настолько сложна, что для ее освещения понадобится специальный очерк.

План электрификации.

Из сказанного видно, что наибольшие выгоды электрификация может дать там, где выработка электрической энергии может происходить в большом масштабе и где разнообразные потребители энергии сконцентрированы на небольшой площади.

Наибольшая экономическая выгода может быть достигнута при минимальных относительно затратах, если рационально выбрать место для постройки крупной электрической станции. Такая станция должна быть построена там, где имеется дешевое местное топливо и где, в пределах досягаемости ее электрических проводов, сконцентрированы в одном или нескольких пунктах крупные потребители энергии.

Несмотря на то, что СССР представляет собою огромную территорию, сравнительно слабо населенную, у нас все же имеются налицо все условия для широкого развития крупного электростроительства:

во-первых, у нас имеются неисчерпаемые богатства дешевого топлива почти всюду, а во-вторых, наша промышленность сконцентрирована в нескольких районах, которые являются как бы оазисами среди огромных пространств лесов, степей и полей.

Это обстоятельство, а также устранение после Октябрьской революции главного препятствия к планомерному развитию народного хозяйства, заключающегося в противоречии и непримиримости интересов частных собственников на землю, недра и орудия производства, дали возможность, по инициативе гениального творца Советской России Владимира Ильича Ленина, создать грандиозный план электрификации СССР, предусматривающий строительство всего народного хозяйства на основе рационального использования при посредстве электричества наших богатых энергетических запасов.

ВЦИК 7-го созыва, в начале 1920 года, констатируя, что «для Советской России впервые представляется возможность приступить к планомерному хозяйственному строительству и к научной выработке и последовательному проведению в жизнь государственного плана всего народного хозяйства» и приняв во внимание «первенствующее значение электрификации», постановил разработать проект постройки сети электрических станций. Во исполнение этого постановления была создана государственная комиссия по электрификации России (Гозэпро), под председательством Г. М. Кржижановского, которая, собрав самые выдающиеся научные силы страны, представила 8-му Съезду Советов «План электрификации России». Этот план, при защите которого Владимир Ильич произнес знаменитое изречение: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация», был утвержден Съездом и с 1921 года стал фактически осуществляться. План предусматривает: 1) постройку в первую очередь 30 крупных районных электрических станций, обслуживающих важнейшие центры страны, 2) программу объединения и рационального использования существующих станций и 3) развитие мелкого электростроительства там, где пока еще нет достаточных предпосылок для постройки крупных электрических станций.

Районные станции были намечены в местах, где имеются запасы дешевой энергии, а именно:

1) где может быть использовано течение рек (Волховская, две Свирские, Днепровская, Чусовская, Кубанская, Терская, Алтайская и Ташкентская—всего 9 станций);

2) вблизи крупных залежей торфа («Красный Октябрь» у Ленинграда, Шатурская станция в ста двадцати верстах от Москвы, Нижегородская, Иваново-Вознесенская и Свияжская—5 станций);

3) вблизи мест добычи угля, для использования наиболее низко-сортного угля, не выдерживающего перевозки на дальние расстояния (Каширская для Москвы и Есифаньевская на подмосковном угле, 5 станций на донецком угле, 3 на уральском и 1 на кузнецком);

4) вблизи залежей горючих сланцев (3 станции в Поволжье, из них 2 на смешанном топливе: сланцы и отбросы деревообделочных заводов);

5) у мест добычи нефти (2 станции).

Кроме 30 крупных районных станций план намечал постройку многих больших станций местного значения и дешевого низко-сортного топлива.

Наряду с постройкой станций, план намечал места для развития в будущем новых производств и новых центров государственной промышленности.

Кроме того, определена очередность электрификации важнейших и наиболее нагруженных железнодорожных линий.

Общая мощность первых 30 станций определена в 1.750.000 киловат¹⁾, а стоимость их сооружения в 1.200.000.000 рублей по довоенным ценам. При этом, конечно, имелось в виду, что осуществление электрификационного плана будет идти наряду с восстановлением и планомерным развитием всего народного хозяйства.

Срок и темп осуществления плана зависят, конечно, от денежных средств, которые государство сможет отпустить на это важное дело. Составители плана имели в виду привлечение для его осуществления иностранных капиталов, но председатель комиссии в своем докладе предсказывал, что «если бы мы не захотели электрифицировать Россию в известном смысле сверху, то она все же будет электрифицирована снизу». Иностранный капитал на помощь нашей электрификации еще не пошел, если не считать продажи в кредит оборудования для нескольких наших крупных станций, но, как мы увидим ниже, государство из года в год увеличивает ассигнования, осуществляя электрификацию сверху, и одновременно осуществляется предсказанная Г. М. Кржижановским электрификация снизу, так как многие станции местного значения, предусмотренные планом, стали строиться на местные средства, а мелкая электрификация за последние годы развивается стихийно.

Конечно, план электрификации, составленный в 1920 году, сообразно изменившейся обстановке, постепенно подвергается изменениям в деталях и в очередности отдельных работ, но он наметил правильный путь развития наших производительных сил и по-прежнему является базой государственного строительства народного хозяйства.

¹⁾ Один киловатт равен 1,36 лошадиной силы. Это мощность, потребная для горения, примерно, 50-ти шестнадцатичасных ламп накаливания с металлической нитью.

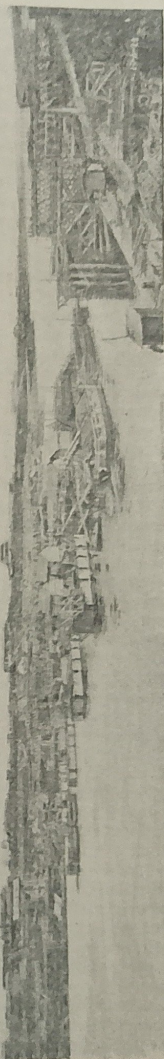

Рис. 1. Общий вид работ на Волховском.

Грандиозную задачу начертать план развития электростроительства на много лет вперед, впервые осуществленную в нашей бедной стране, за последние годы поставили перед собою и богатые страны Запада. Вскоре после нас на этот путь встала Англия, где правительство взяло в свои руки направление этим принципа священного права государства, несмотря на нарушение этим принципа священной права собственности, а совсем недавно Франция образовала такую-же комиссию для выработки плана электрификации страны, какал по инициативе В. И. Ленина у нас уже закончила свою работу четыре года тому назад. Несмотря на всю нашу бедность и техническую отсталость, мы, как и во многом другом, во время революции показали культурному Западу правильный путь развития производительных сил.

Развитие электроснабжения в СССР.

Если проследить ход развития электрических станций в России с конца 19-го века до наших дней, то можно заметить, как тесно связано это развитие по отдельным годам с экономическим положением страны: в периоды экономических затруднений развитие электростроительства замедляется, в периоды расцвета оно ускоряется. Так, например, в период с 1904 по 1907 год ежегодный прирост суммарной мощности русских электрических станций был много ниже среднего, с 1909 по 1913 быстро увеличивался, с 1914 стал уменьшаться, с 1918 по 1921 год опять был много ниже среднего, а с 1922 года опять стал выше среднего и продолжает увеличиваться.

Электрические станции можно разбить на три группы: станции общественного пользования, представляющие самостоятельные предприятия, существующие и развивающиеся за счет продажи тока населению и заводам, фабрично-заводские—обслуживающие главным образом то предприятие, которому они принадлежат, хотя и продающие в некоторых случаях энергию, но только в меру имеющегося у них избытка, и электрические станции специального назначения, как, например, железнодорожные, почтово-телеграфные, судовые и т. п. С точки зрения электрификации наибольший интерес представляют станции общественного пользования; к ним относятся, конечно, и крупные районные станции, которые в будущем вытеснят большинство станций, обслуживающих только одно предприятие.

Можно констатировать, что увеличение общей мощности электрических станций общественного пользования в России в последние 25 лет ни разу не прекращалось, даже в самые тяжелые годы, и что в этом отношении депрессия последних лет была менее глубока, чем за период с 1904 по 1907 год. В общем электрические станции общественного пользования составляют отрасль народного хозяйства, которая раньше других оправилась от тяжелой разрухи, вызванной всем пережитым Россией со времени начала мировой войны.

Но война и революция чрезвычайно сильно повлияли и наложили особый отпечаток на характер развития станций общественного пользования в СССР. До войны крупное, среднее и мелкое электростроительство развивалось более или менее параллельно. Во время войны крупное электростроительство продолжало развиваться, побуждаемое к тому усилением военной промышленности в крупных центрах, обрвалось во время революции и восстановилось вновь в связи с началом осуществления плана электрификации, причем, естественно, стало строго планомерным в своих путях и целях. Станции крупных

провинциальных городов совсем перестали развиваться со времени начала мировой войны и, к сожалению, и до сих пор в общем почти не развиваются. Наоборот, мелкое электростроительство, тоже оборотившееся со времени начала мировой войны, стало во время революции очень интенсивно, чисто стихийно, развиваться. Появилось много мелких станций. Число их так велико и мощность так мала, что средняя мощность электрических станций общественного пользования в России за время революции уменьшилось более чем вдвое, несмотря на абсолютное увеличение суммарной мощности.

Число мелких станций общественного пользования в 1914 г. было 169, в 1917—217, в 1920—320 и в 1923—640, а средняя мощность этих станций понизилась за эти годы с 566 до 211 киловат.

Выполнение плана электрификации С.С.С.Р.

Однако, процесс уменьшения мощности станций прекратился с 1921 года и за последний год намечается стремление к их укрупнению. Это последнее обстоятельство как бы указывает на то, что и в области стихийного развития мелкого электростроительства начинает появляться планомерность.

Интересно также проследить, как сказались пережитый нами топливный кризис на развитии электрических станций: чрезвычайно усилилось строительство мелких гидроэлектрических станций общественного пользования, число которых с 27 в 1917 году возросло до 102 к началу 1924 года. Паровые же станции общественного пользования переходили, где только возможно, от привозного топлива к местному; развивалось использование торфа, а крупные новые станции, все без исключения, строятся на местном топливе. Все эти явления, как мы видели, вполне соответствуют предсказаниям плана электрификации СССР.

В Москве и Ленинграде, где уже теперь часть плана осуществлена, процесс перехода на местное топливо сказывается особенно резко. Так, в Москве в 1921 году 65% энергии, вырабатываемой электрическими станциями общественного пользования, получено было за счет привозного топлива, в 1923—45%, а в 1925 понизится до 15%.

В Ленинграде на привозном топливе вырабатывалась до революции вся энергия, а в 1925 году будет вырабатываться только около 12%.

Несмотря на тяжелое финансовое положение, из предусмотренного планом электрификации СССР выполнено и выполняется довольно много. Программа наиболее выгодного использования существующих станций путем соединения нескольких из них, расположенных недалеко друг от друга, линиями электропередачи для совместной работы и возможности закрытия менее экономичных с целью лучшего использования более экономичных станций (программа кустования), исполнена в общем на 60%.

Из 30 крупных районных станций первой очереди, предусмотренных планом, строятся 7, причем три из них, хотя и в периоде постройки, но уже эксплуатируют свои первые ячейки: к ним принадлежат Каширская станция для Москвы, работающая на низших сортах Подмосковного угля, которая эксплуатирует свои первые 12.000 киловат для электроснабжения Москвы; временная Шатурская станция, работающая на торфу, тоже питает Москву генератором в 5.000 киловат; торфяная станция „Красный Октябрь“ в Ленинграде работает первым своим генератором на 10.000 киловат и самая маленькая из

вышеуказанных 7 станций—Кизеловская (6.000 киловат) открылась в текущем году и обслуживает каменноугольную и горную промышленность близ железнодорожных станций Губаха в Пермской губернии.

Самая крупная из строящихся станций—гидроэлектрическая станция на Волхове (рис. 1 и 2) будет открыта в 1926 году и даст Ленин-

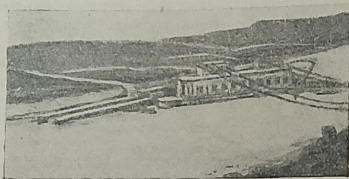

Рис. 2. Общий вид будущей Волховской станции (проект).

град 54.000 киловат по двум линиям высоковольтной электропередачи длиной в 120 верст. Станция будет давать трехфазный ток напряжением в 6.000 вольт, который для передачи на большое расстояние будет трансформироваться до 115.000 вольт. В Ленинграде на подстанции в северной части города (на Выборгской стороне) напряжение тока будет понижено до 35.000 вольт и дальше ток поступит по

подземным кабелям на вторичные подстанции, откуда он, при более низком напряжении, будет распределяться по мелким разветвлениям ленинградской кабельной сети к отдельным потребителям. Волховская станция будет в 1926 году самой крупной в России. Мощность ее, однако, зависит от уровня воды в реке Волхове. В год резкого маловодья мощность может понизиться до 28.000 киловат. Поэтому электроснабжение Ленинграда не может базироваться на одной Волховской станции, и наряду с ней строится станция „Красный Октябрь“ (рис. 3), которая к 1926 году будет иметь мощность 20.000 киловат и служить так называемым паровым резервом для Волхова, дополняя работу последней, когда она не сможет развивать полную мощность.

Следующей по размеру после Волховской является Шатурская торфяная станция (рис. 4) мощностью в 48.000 киловат, которая с 1925 года будет снабжать Москву по линии электропередачи на 115.000 вольт длиной в 120 верст, работая пока на 32.000 квт. Линия пойдет вдоль Москвы реки в город и подойдет к подстанции рядом с паровой станцией имени Смидовича (быв. общество 1886 года) на Раушской набережной.

Это будет первая в России линия высокого напряжения, проведенная по улицам города. На станции имени Смидовича в настоящее время работают генераторы общей мощностью около 50.000 кило-

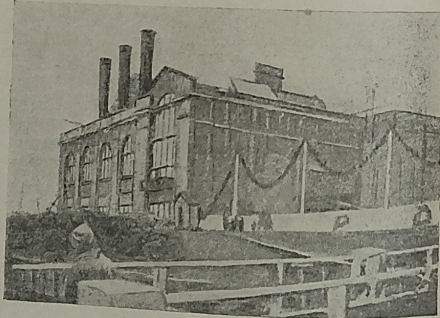

Рис. 3. Электростанция „Красный Октябрь“.

ват, получающие пар от нефтяных котлов. По оборудовании Шатурской станции на Раушской набережной превратится в ценных станций, работающих вне Москвы, и оборудование ее будет служить резервом.

Потребность Москвы в электрической энергии растет так быстро, что уже через год—два после вступления Шатурской станции в эксплуатацию потребуется расширение электроснабжения, для чего может быть использована проектируемая вторая ячейка Каширской станции. Последнюю станцию предполагается довести до мощности в 44.000 киловат.

Шатурская и Каширская станции будут снабжать не только Москву, но и весь подмосковный промышленный район. Кроме них, для той же цели служит еще одна торфяная станция—„Электро-передача“, в Богородском уезде, построенная еще в 1915 году и снабжающая Москву по линии в 70.000 вольт. Эта станция за последние годы значительно расширилась и в будущем году будет доведена до мощности в 40.000 киловат, почти вдвое большей первоначальной.

Напряжение в линии передачи ее будет поднято до 115.000 вольт, что является у нас стандартным напряжением для электропередач районных станций.

Группа московских районных станций, с резервной в центре

города, представляет собой мощное электрическое объединение, оборудованное по последнему слову техники. Общая мощность его свыше 150.000 киловат, которая одной только Москве (без района) даст энергии свыше 300.000.000 киловат-часов в год.

К тому же 1926 году, к которому приурочено большинство строящихся районных станций, будут готовы Нижегородская и Штеровская районные станции, каждая пока на 20.000 киловат. Первая из них строится близ города Балахны и будет обслуживать Нижегородский промышленный район, получая топливо с огромного торфяного болота. Потребителями ее энергии явятся, кроме самого Нижнего-Новгорода, такие крупные заводы, как Сормовский, кустарная промышленность Павлова и много других. 20.000 киловат будет давать только первая ячейка станции, которую к концу ближайшего пятилетия предполагается расширить до 40.000 киловат.

Штеровская станция строится в Донбассе, в антрацитовом районе, для электрификации промышленности своего района. Топливом для нее будет служить антрацитовый штыб (мелочь), который по своей неспособности к перевозке оставался до сих пор неиспользованным. К 1926 году на ней тоже будет работать только первая ячейка, к концу пятилетия предполагается расширить станцию до 40.000 киловат и питать от нее более отдаленные участки, где в настоящее время

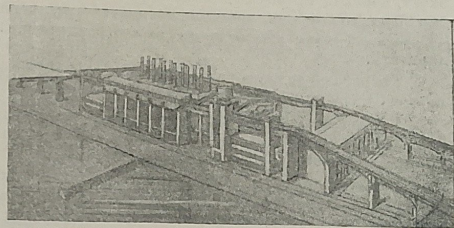

Рис. 4. Шатурская районная электростанция (проект).

электрообеспечение рационализируется путем постройки электропередач, объединяющих лучшие из существующих станций, принадлежавших раньше отдельным владельцам. Временно эти станции будут питать общую сеть, а впоследствии созданная при кустовании сеть будет присоединена к районной станции, а мелкие устаревшие станции рудников закрыты. Одна из трех групп кустованных станций Донбасса, а именно Алмазно-Марьевская будет питаться от Штеровской станции уже с 1926 года. Кустование мелких станций в Донбассе и постройка Штеровской районной станции представляют начало выполнения большого плана электрификации Донбасса.

Все вышеперечисленные станции строятся исключительно за счет бюджета СССР. Но, кроме них, находится в постройке несколько крупных станций местного значения, только частично финансируемых центром и то лишь в виде ссуд. Надо отметить, что эти станции были тоже предусмотрены планом Гозлро, и, составляя обзор выполнения плана, их нельзя обойти молчанием.

Самой крупной из этих станций является Земо-Авчальская гидроэлектрическая станция для электрообеспечения Тифлиса, мощность ее 12.800 киловат. Она заменит 44 мелких устаревших станции города Тифлиса и даст возможность электрифицировать местную промышленность.

Гидроэлектрическая станция на 5.000 киловат строится на местных средства в городе Ташкенте.

Вблизи Ярославля и Екатеринбурга строятся торфяные станции мощностью в 10.000 и 12.000 киловат, причем пока создается первая ячейка, мощностью в 5 и 6 тысяч киловат.

В обоих случаях для постройки станций образованы акционерные общества, пайщиками которых являются город и местные предприятия Госпромышленности, с участием кооперативных организаций. Обе станции представляют начальные стадии предусмотренных планом Гозлро крупных районных станций 2-ой очереди, в каковые они впоследствии, несомненно, разовьются.

Все четыре станции предполагается открыть в том же 1925/26 году, в котором откроется и большинство строящихся районных станций.

Таким образом, к 1926 году СССР на пути к выполнению плана электрификации сделает огромный шаг вперед. В этом году общая мощность открытых за год станций достигнет небывалой в России цифры—около 150.000 киловат, что составит около 55% суммарной мощности всех крупных станций, работавших в СССР в 1923 году, и около 33% суммарной мощности всех электрических станций общественного пользования в СССР к началу 1924 года. Но по абсолютным цифрам мы еще очень отстаем от Запада: так, например, в Англии годовой прирост мощности электрических станций около 500.000 киловат за последние годы после войны, что примерно соответствует суммарной мощности всех наших станций общественного пользования в текущем году.

Наша статистика еще не дает возможности проследить развитие фабрично-заводских электрических станций с такой же точностью, как это можно сделать по отношению к станциям общественного пользования. Поэтому мы вынуждены ограничиться приведением числа и мощности этих станций, которые показаны в нижеприведенной таблице, обнимающей и другие станции.

Число к 1924 г.	Мощность в киловат.	%, %	Средняя мощность в киловат.
Станции обществ. пользования... 690	475.188	31,3	689
Станции фабрично-заводские.... 3793	976.800	65,2	258
Станции железнодорожные 408	43.133	3,0	105
Всего..... 4891	1.495.121	100,0	306

Если мы обратимся к территориальному распределению станций по СССР, то заметим крайнюю неравномерность степени электрификации различных районов.

Три города: Москва, Ленинград и Баку сконцентрировали вокруг себя 55,4% общей мощности всех станций общественного пользования СССР. В этих городах на 1.000 человек населения приходится: 375 киловат в Ленинграде (считая все станции, в том числе и бездействующие станции некоторых заводов), 143 в Москве и 214 в Баку. В среднем по всему Союзу на 1.000 человек приходится всего 11 киловат, в Киргизской области,—0,8, а в центрально-промышленном районе (без Москвы)—18,2.

Если бы мощность всех наших электрических станций распределить равномерно по всей территории СССР и заставить их работать только на освещение с полной нагрузкой, но без всяких потерь, то на одну квадратную версту пришлось бы только три 25-свечных лампы. (Для сравнения укажем, что в Швейцарии 90% населения имеют электрическое освещение, в Канаде и Норвегии—70%).

Из этого фантастического примера наглядно видно, что в области электрификации СССР предстоит сделать еще страшно много, прежде чем широкие рабоче-крестьянские массы станут действительно пользоваться теми благами, которые может им дать электрическая энергия и которые уже стали привычными в наших крупных промышленных центрах.

Как радиотелефон передает разговор и музыку.

П. Н. БЕЛИКОВ

Когда в 1890 году немецкий профессор Генрих Герц открыл электро-магнитные волны, которые мы называем теперь радио-волнами, то ему и в голову не приходило, как велико будет в дальнейшем практическое применение его открытия. Так как в то время мысль о беспроводном телеграфировании и беспроводном телефонировании можно сказать, уже витала в воздухе, то к Герцу почти сейчас же был обращен вопрос со стороны английского министерства почт и телеграфов о возможности практического использования его открытия. Но ученый категорически ответил, что открытые им волны никак не могут разрешить задачи о беспроводной передаче сигналов, а тем более речи, потому что они слишком слабы и из-за этого не могут распространяться на далекие расстояния. Потребовалось больше 5 лет, чтобы Попов и почти одновременно с ним Маркони поставили на прочные ноги вопрос о применении этих волн для целей радиотелеграфирования, и около 30 лет, чтобы получил права гражданства беспроводной телефон.

Принцип радиотелефонной передачи. Читатели „Молодой Гвардии“ уже знают из статьи инж. Иванова, помещенной в № 7—8 журнала о том, что такое представляют из себя эти волны, как они возникают, и какое широкое применение находят они в современной жизни. Сейчас мы остановимся только на одном частном вопросе: каким образом невидимые и незнающие преграды электро-магнитные волны, свободно распространяющиеся через пустоту, проникающие через стены и через непрозрачные предметы, могут с полной отчетливостью передавать звуки человеческого голоса и все оттенки музыкальных инструментов.

Что такое представляет из себя звук, известно очень хорошо: *звук — это есть колебание воздуха*, и когда приложенное к телефону ухо слышит все передаваемые по нему слова, то это происходит потому, что стальная пластинка, зажатая в телефонной трубке (так называемая *мембрана*), совершает колебания, благодаря которым воздух, ее окружающий, приходит в дрожание, сообщаемое барабанным перепонке уха. Разные ноты голоса, даже разные гласные буквы, произнесенные человеческим голосом или воспроизведенные телефоном, сообщают воздуху совсем разные по характеру колебания. Звуковые колебания воздуха ничтожно малы, — частички воздуха в своих движениях продвигаются в ту и другую сторону, в среднем, всего только на миллионные — и только при очень громких звуках — на тысячные доли милли-

метра. Однако, современные научные методы исследования дают возможность проследить эти малейшие волнообразные движения воздуха и подмечать в них те закономерности, которые соответствуют звукам и подмечать гласных и согласных букв или тонам разных музыкальных инструментов. Еще легче уследить не за звуковыми движениями воздуха, а за колебаниями телефонной мембраны, от которой раздаются звуки, передаваемой по телефону речи. Рис. 1 схематически показывает, как

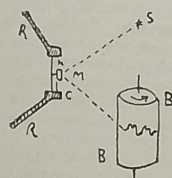

Рис. 1.

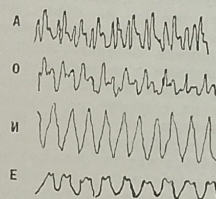

Рис. 2. Запись кривых для различных гласных.

это можно сделать. Если к мембране (М), издающей громкие звуки, прикрепить на рычажке легонькое зеркальце, на которое падает от сильной лампы луч света, то зайчик от зеркальца будет, при колебаниях мембраны, своей пляской повторять ее движения. Чтобы зарегистрировать со всей возможной точностью движения телефонной пластинки, надо под зайчика подставить вращающийся барабан (В), окутанный светочувствительной фотографической пленкой, поместив, разумеется, все эти приборы в темной комнате. Тогда на пленке сфотографируются все колебания мембраны. Рис. 2 показывает, чем различаются ее колебания при передаче телефоном разных букв, произнесенных на одну и ту же ноту. При более высокой ноте характер колебаний остается во всех случаях тот же, только колебания совершаются гораздо чаще. Рис. 3 представляет в более крупном виде кривую звука „а“.

Очевидно, что конечным результатом передачи разговора посредством радио-волн — должно быть то же чисто механическое колебание телефонной мембраны, которое привело бы воздух между телефоном и ухом в такие же точно колебания, как те, которые были созданы голосовым аппаратом певца или оратора, выступающего где то далеко на передающей радио-станции. Что касается начального процесса радиотелефонной передачи, то он сводится к тому, чтобы механические дрожания воздуха заставить каким-либо образом повлиять на те радио-волны, которые расходятся по мировому эфиру от антенны передающей радиотелефонной станции; тогда от антенны побегут уже не строго одинаковые радио-волны, а волны искаженные в своем виде, причем эти их „искажения“ должны быть в строгом соответствии с воздушными дрожаниями, которые обусловлены звуками, раздававшимися перед приборами радио-передатчика.

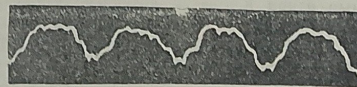

Рис. 3. Кривая гласной „а“.

Если приемной антенной будут уловлены эти „искаженные“ в своем виде радио-волны, то в приемной антенне возбуждятся быстрые переменяющиеся по своему направлению электрические токи, которые тоже будут „искаженными“ в том отношении, что они будут в общем тоже не одинаковыми, а все время изменяются: то становятся слабее, то сильнее; тогда мембрана телефона, включенного в приемную антенну, будет проделывать различные быстрые движения в такт с общими усилениями и ослаблениями тока в антенне. Движения мембраны щими усилениями и ослаблениями тока в антенне. Движения мембраны воссоздадут все те же самые звуки, которые послужили причиной искажения радио-волн, разбегавшихся от передающей станции. Вот общий принцип беспроволочной передачи звуков. Чтобы немножко поближе подойти к вопросу о его осуществлении, мы несколько задержимся на каждом из трех, составляющих беспроволочную передачу, явлениях—на создании радио-волн, на их распространении и на их приеме, причем мы, конечно, не сможем посвящать читателя в технические подробности, а только будем стараться вывить идею действия приборов или тех явлений, о которых будет идти речь.

Отправительная радиостанция. Из статьи „Современная радиотехника“ ¹⁾ читатель знает, что для того, чтобы антенна послала от себя во все стороны невидимые электро-магнитные радио-волны, по самой антенне должны пробегать электрические токи, с немалой быстротой меняющие свое направление, и что радио-волны, возникшие в окружающем антенну пространстве, оказываются или очень длинными, или сравнительно короткими, смотря по тому, с какой быстротой меняют эти токи свое направление. Можно привести такие примеры: в антенне малоомощной радио-станции, посылающей короткие (с точки зрения радиотехники) эфирные волны, длиной в 300 метров каждая, пробегают токи, меняющие свое направление на обратное 2.000.000 раз в секунду. Когда московская радио-телефонная станция имени Коминтерна, фотография которой дана в упомянутой статье, шлет волны длиной в 3.200 метров каждая, то в ее антенне совершается в секунду 187.500 перемен направлений токов; а если французская радиостанция „Лафайет“ (около Бордо) посылает волны по 20 километров, то при этом в ее антенне пробегают токи, с точки зрения радиотехники, меняющиеся очень редко: всего только (!) 30 000 раз в секунду. С каждым полным изменением тока в антенне создается в пространстве одна новая радио-волна; и все эти волны, одна точно как другая, невидимо несутся во все стороны по эфиру, пробегая за каждую секунду 300.000 километров, т.е. распространяясь с той же скоростью, с какой идут лучи света; так что радио-волны от московской станции доходят до Ленинграда (670 км.) спустя приблизительно $\frac{1}{1000}$ секунды после их возникновения. Все получаемые одной и той же антенной радио-волны совершенно одинаковы между собой как по их длине, так и по их силе.

Теперь представьте себе, что в передающую антенну был бы включен микрофон—знакомый каждому прибор, который помещается в той части обычной телефонной трубки, которую прикладывают ко рту. Он состоит, как известно, из двух угольных (или металлических) пластинок, между которыми насыпаны угольные зернышки. Провода электрического тока подводятся к обеим пластинкам, так что ток должен пройти через обе пластинки и через угольный порошок. Когда перед микрофонной пластинкой говорят громким голосом, то звуковые колебания воздуха заставляют ее прыгать в такт с дрожания-

¹⁾ „Молодая Гвардия“, № 7—8, стр. 248.

ми воздушных частичек и слегка то сжимать, то отпускать угольные зерна. Вследствие этого, сопротивление электрическому току, проходящий через микрофон, тоже периодически изменяется, и ток, проходящий с звуковыми дрожаниями, созданными голосом говорящего человека.

Этот принцип превращения звуковых колебаний в колебания силы электрического тока используется и в проводочной телефонии. Но там через микрофон проходит постоянный ток, и изменения обстоит дело в беспроволочной телефонии, потому что здесь приходится пользоваться быстро-переменными токами. Тем не менее, звуками, тоже могут ввести изменения в характер переменных токов, совершающихся колебания микрофонной пластинки. На радиотелефонной станции это условие соблюдается полностью. В самом деле, при излучении радио-волн, например, в 3.200 метров длиной, в секунду совершается 187.500 перемен тока; а звуковые колебания человеческого голоса—несравненно медленнее. Микрофонная пластинка под их влиянием совершает в среднем от 200 до 600 колебаний в секунду, смотря по высоте голоса говорящего человека.

Итак, под влиянием периодических сжатий угольного порошка микрофона, быстро-переменные токи в антенне будут изменять свою силу и получат те самые „искажения“, о которых упоминалось выше. Искажения токов антенны вызовут соответствующие изменения в характере возникающих вокруг антенны радио-волн. Рис. 4 показывает, как изменяются, например, волны, когда перед микрофоном подряд говорят на одну ноту какую-либо гласную букву. Сравните рис. 4 с рис. 3 и вы заметите, что как будто бы на радио-волны наложилась некоторая звуковая кривая, отмеченная на рис. 4 пунктиром. Звуковые колебания, наложившись на радио-волны, как будто то поедут на них со скоростью света во все стороны от радиостанции. Там, где эти волны будут уловлены соответствующим приемным устройством, там они снова должны, чтобы быть усиленными, превратиться в обычные колебания воздуха.

Таким образом, радиотелефонная передача может быть осуществлена приборами, изображенными схематически на рис. 5.

Но, конечно, такая примитивная станция не решала бы задачи: она так же далека от современной сложной радиостанции, как наш теперешний пароход от пироги ¹⁾ дикаря. Во-первых, оказывается совершенно невозможным включать микрофон прямо в антенну, так как он сейчас же портится, как только через него проходит сильный электрический ток, каким пользуются на передающей радиостанции. Поэтому

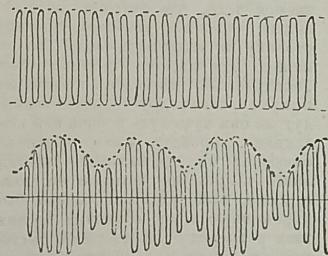

Рис. 4. Вверху кривая для переменного тока большой частоты, внизу кривая для того же тока, с наложенной кривой гласной „А“.

¹⁾ Примитивной лодки.

микрофон заставляют действовать на антенну через целый ряд промежуточных вспомогательных приспособлений, значительно улучшающих тот процесс, который им выполняется, — процесс наложения звуковых колебаний на радио-волны, который называется „модуляцией“.

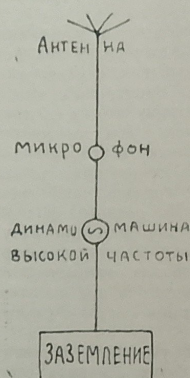

Рис. 5. Схема отправительной радиотелефонной станции.

так, чтобы одни пластинки больше входили между другими, мы и добиваемся того, что антенна „настраивается“ на более длинные радио-волны; если же, наоборот, повернуть ручку конденсатора в другую сторону и выдвинуть одни пластинки из-под других, то антенна окажется „настроенной“ на более короткие волны, причем всякие другие радио-волны, будут ли они чуть-чуть короче или немного длиннее, пройдут мимо антенны, не оказывая на нее никакого действия, и лишь волны, на которые антенна настроена, вызовут в ней слабые быстро-переменные токи, снующие по антенне вперед и назад той же самой быстротой, как это было в отправительной радиостанции.

Оба прибора, служащие для настройки, т. е. и конденсатор, и катушка, могут быть сделаны очень маленьких размеров. У радио-любителей теперь даже вошло в моду приготовление приемников в портсигарах и небольших коробочках, а американцы ухитрились устроить их даже в перстнях.

Когда хотят уловить достаточно мощные радио-волны, приходящие с небольших расстояний, то нередко обходятся вовсе

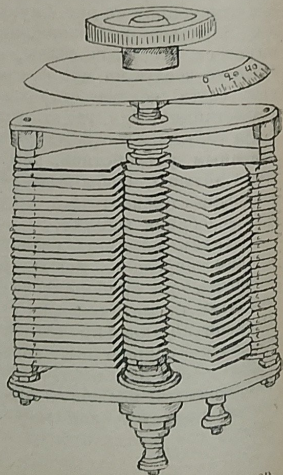

Рис. 6. Переменный конденсатор.

без антенны, используя вместо нее осветительные провода или воздушные телефонные кабели. В каждом из этих металлических проводников, строперенные токи, и, если суметь их обнаружить, то этим уже и попытаться услышать с помощью такой антенны очень далекую радиослабы, что ничего слышно бы не было. Однако, у современной радиотехники есть и на этот случай один прибор, который выручает из беды: это — *ламповый усилитель*, вошедший в практику с 1916 года. С этого времени развитие радио дела пошло гигантскими шагами совсем по новому пути. Такой переворот сделала изобретенная в то время *катодная лампочка*, которая обладает свойством во много раз усиливать слабые переменные токи^{*}. На описании ее устройства и действия мы сейчас задерживаться не будем, ввиду его сложности. Пользуясь усилителем, можно обойтись уже совсем без громоздкой и дорогой стоящей антенны: ее роль может выполнять маленькая т. н. *приемная рамка*, состоящая из нескольких оборотов проволоки (внешний вид ее был изображен на одном из рисунков в статье ниж. Иванова). Эта рамка, заменяя антенну, по существу дела служит катушкой, которая составляет неизменную часть всякого радио-приемника. Приемное устройство дополняет еще тот же самый прибор, о котором уже говорилось — конденсатор. Вращение его рукоятки, как и всегда, настраивает все наше простое приемное устройство на любые длины приходящих издалека радио-волн.

Если для приема радио-волн служит рамка, то от нее провода к телефону должны непременно пройти через усилитель, а когда волны ловятся настоящей антенной, то можно бывает обходиться и без него. Тогда к антенне могут прямо присоединяться приборы, составляющие вторую часть приемной радиостанции. Самый главный из них, как всякому, конечно, понятно, — это телефон. Напомним, что зажатая в нем стальная пластинка (*мембрана*) то притягивается, то отталкивается помещенным сзади нее электромагнитом, по обмоткам которого проходит тот же самый ток, который появлялся в приемной антенне под действием проходящих мимо нее радио-волн.

Прежде, чем попасть в телефон, появившиеся в приемной антенне токи должны пройти еще через один очень тонкий по устройству приборчик. Это кристалл, с которым соприкасается тоненькая проволочка. Он называется *детектором*. На рис. 7 изображены два таких детектора под стеклянными колпачками. У этого кристалла есть замечательное свойство: он пропускает через себя ток только в одном направлении и совсем не пропускает в другом. Когда к нему доходят из антенны или рамки токи, снующие то в одном, то в другом направлении, то после прохождения через детектор, они окажутся проходящими только лишь в одном направлении, например, от проволочки к кристаллу, и к тому же токи сделаются прерывистыми, потому что в правильном

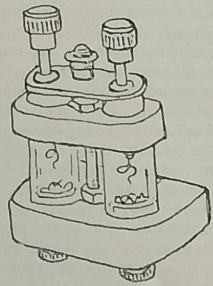

Рис. 7. Детектор.

^{*} О катодной лампе можно прочесть в книжечке В. А. Введенского — „Физические процессы в катодной лампе“ 1924 г.

переменном токе детектор как будто бы выхватит половину токов (в нашем примере тех, которые должны были пройти от кристалла к проводочке). Значит, через телефон будут проходить, при таком устройстве, токи всегда одного и того же направления, к тому же с перерывами. Нетрудно сообразить, что эти прерывистые токи одного и того же направления будут вдвое более редкими, чем перемены направлений токов в антенне.

Рис. 8. Летчик с телефоном и микрофоном.

Теперь мы подойдем к основному вопросу: как будет реагировать телефон на такие токи. Будет ли он давать звук и что при этом скажет телефонная мембрана. Надо, прежде всего, подумать, каково будет на нее действие *неискаженных* радиоволн, т.е. таких, какие показаны на рис. 4а. Каждая из таких волн создает в антенне ток, пробегающий один раз в одну и затем один раз в другую сторону. Стало быть, несущиеся по эфиру длинной чередой одинаковые, не искаженные радиоволны пошлют в обмотку телефона прерывистые токи одного направления, и каждый из этих отдельных токов, пробежавших через телефон, будет стараться один раз качнуть мембрану. Сколько в секунду будет пробегать таких отдельных токов, это зависит от того, как часто следуют друг за другом волны, или, другими словами, от того, какова длина доносящихся до приемной радиостанции волн. Например, от волн длиной в 3.200 метров каждая получается 93.750 толчков в секунду, а волны по 600 метров длиной вызовут за каждую секунду 500.000 прерывов тока. Смогут ли стальная мембрана телефона следовать за всеми этими изменениями тока? — Конечно, нет. Прерывы токов настолько часты, что мембрана, благодаря своей инерции, не будет успевать за ними следовать и останется неподвижной, а, стало быть, телефон никакого звука не даст.

Совсем другое дело будет, если до приемной станции доходят *искаженные* (модулированные) радио-волны, т.е. обычные волны, на которые посредством микрофона были (в помещении отправителя) наложены звуковые колебания. Наложившиеся на радио-волны звуковые колебания достаточно медленны, и за ними мембрана телефона вполне может следовать. Поэтому *общие* усиления и ослабления волн, которые были показаны пунктиром на рис. 4-в, создадут также же общие усиления токов в антенне и телефоне приемной станции, и за *этими-то* общими усилениями будет следовать мембрана: она будет то притягиваться, то отталкиваться телефонным электромагнитиком в такт с моду- Рис. 9. Любительск. громкоговоритель-лящей радио-волн, т.е. в такт с теми звуковыми колебаниями, которые были созданы голосом человека на передающей радио-станции.

В этом и состоит сущность радио-телефонной передачи. Можно смело сказать, что теперь нет места на земле, куда ни мог бы достичь

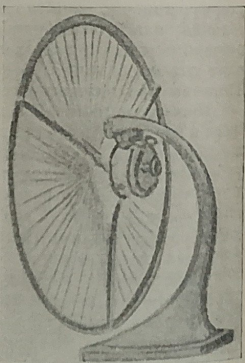

Рис. 9. Любительск. громкоговоритель.

человеческий голос. Но когда надо голос, идущий издалека, сделать очень громким, то тут опять приходится встретиться с большими затруднениями. Обыкновенно в радио-телефонной практике пользуются телефонами, плотно прилегающими к ушам, которые надеваются на голову в виде наушников (рис. 8).

Для воспроизведения звуков, слышимых целой аудиторией, поступают иначе. Телефон снабжают усиливающим звуки рупором и комбинируют его вместе с уси-
лительными лампами. Та-
кой вид телефона по-
лучил название *громко-
говорителя*. Иногда доби-
ваются усиления звука
и другими способами.
Делают мембрану гофри-
рованной и заставляют
ее совершать большие раз-
махи посредством под-
веденных к электромаг-
нитам рычажков, которые
все помещаются в коро-
бочке под рупором. Любо-
пытный и очень простой
тип любительского громко-
говорителя изображен на рис. 9. Здесь мембраной служит лист ватманской бумаги, в центре которого приклеен стальной кусочек, приходящийся против электромагнита. Когда этот кусочек притягивается и отталкивается магнитом, то весь бумажный лист своими дрожаниями приводит в колебания большую массу воздуха, чем и создается громкий звук.

За-границей делались попытки устройства громадных громкоговорителей. Рис. 10 изображает такой прибор длиной в 12 футов. Слова, произносимые этим *звуковым прожектором*, были ясно слышны на 4 мили. Дальнейшее усовершенствование громкоговорителей — это одна из очередных задач радио-техники. Поручкой в том, что и в этом направлении в самое ближайшее время можно ждать больших успехов, служит громадное число профессионалов и любителей, отдающих свое время и труд дальнейшим усовершенствованиям радио-телефонного дела.

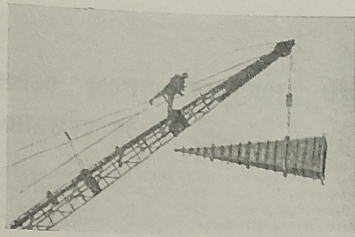

Рис. 10. „Громкоговоритель—прожектор“.

Проф. Б. П. ВЕЙНБЕРГ.

Об искусственном осаждении облаков и туманов.

Французская поговорка в качестве одного из наиболее разительных доказательств всемогущества кого-либо указывает на возможность «делать дождь и хорошую погоду» (*faire pluie et bon temps*). Но вряд ли тот, кто так формулировал всемогущество, и те миллионы людей, которые пользуются этой формулировкой в обиходе, даже в самых необдуманных мечтаниях думали о действительной возможности этого.

Между тем, — по крайней мере, по отношению к дождю — это приходится считать твердо установленным фактом. Уже 2—3 года во все пронизывающих газетах стали появляться заметки об удачных опытах осаждения в Америке туманов и облаков. Подробностей об этом не сообщалось, как не сообщается и теперь, когда со столбцов, жадных до всякой сенсации и не заботящихся в этом случае о каком-либо соответствии собираемого с истиной, американских газет описание успешности таких опытов перешло на страницы серьезных научных журналов. При капиталистическом строе достижения чистой науки принято как можно скорее обнародовать, но о достижениях прикладных наук зачастую либо вовсе молчат, либо сообщают в такой форме (иногда даже давая неверные данные и тем толкая на неверный путь), что использовать эти указания на практике невозможно.

Мы, например, прекрасно знаем о существовании различных физических методов определения глубины залегания и размеров рудных и нерудных месторождений, знаем про существование ряда немецких и других обществ, которые берутся с гарантией за вполне достаточную для практических целей точность «оконтурить» данное месторождение, указать во всех местах толщ слоя полезного ископаемого, направление его жил, определить запасы руды в данном месторождении, но берутся с условием, что эта работа будет сделана **их инженерами и их рабочими**. Нанимающий такую партию обязуется не пытаться разузнать, каким именно способом выстукивают и выслушивают, производят искусственные взрывы и наблюдают вызванные ими колебания, пропускают через толщу месторождения электрические волны и выслушивают их при помощи радио, пропускают электрический ток и определяют электрическое сопротивление в различных направлениях, изучают распределение магнитных сил и радиоактивность в различных местах над месторождением и т. д.

То же относится и к опытам над искусственным осаждением туманов и дождя. Прочтите, напр., следующее — едва ли пока не самое подробное — описание их в номере английского журнала „Nature“ („Природа“), от 24 февраля этого года. И попробуйте на основании его действительно осадить облака.

„Нью-Йоркский корреспондент „Таймса“ в номере от 13 февраля делает сообщение об успешных опытах рассеяния облаков, произведенных Воздухоплатпод руководством профессора Корнелиуса университета Банкрофта и м-ра Франсис Варрен.

При помощи пропеллера самолета, парящего на высоте 500 фут. над облаками, разбрасывается наэлектризованный песок, заряженный до 10.000 вольт. Результат, как указывается в заголовке сообщения, — „делание дождя“.

Сцепление частиц облаков, вследствие уменьшения поверхностного натяжения, считается ближайшей причиной превращения облаков в дождь.

Размеры облаков, над которыми были произведены опыты, колебались от нескольких тысяч фут. до 1.500 фут.

Общее заключение корреспондента сводится к тому, что „туманам нечего больше существовать, и дождь, если только есть облака, можно иметь, где в этом встретится надобность“.

Издается весьма важный вопрос о количестве этого искусственного дождя. Время, требуемое для низвержения влаги, редко превышает 10 минут, но при очень тонких облаках влага испаряется, не достигая поверхности земли. Дальнейшие подробности были бы в высшей степени интересны.

Это сообщение, между прочим, напоминает лишний раз торпид для практических опытов специальных лабораторий: для таких лабораторий было бы физике земной атмосферы деятельности. Сцепление волнистых капель, соотношение между степенью их распыления и степенью восприимчивости к электрификации, без сомнения, очень недостаточно исследованы. Соотношения энергий очень сложны, например, что кушину воды, выпущенной с самолета, обращается в наэлектризованное облако, вследствие лишь своей собственной силы притяжения. Притянуть его опять на землю в виде сплошной водяной массы будет очень интересно затерением круговорота, когда это станет достижимым.

Физику достаточно прочесть фразы о „сцеплении вследствие уменьшения поверхностного натяжения“ и об обращении кушины воды в наэлектризованное облако „вследствие своей собственной силы притяжения“, чтобы понять, что либо корреспондент „ТАЙМСА“, либо Банкрофт и Варрен „напускают туман“ на читателей.

Каким же путем рассеять этот туман?

Каким образом узнать, возможно ли действительно такое осаждение туманов и облаков, и каковы наиболее экономичные способы производить его?

Как во всякой почти геофизической задаче, возможны три пути: теоретический, опытный, и наблюдательный, при чем последний, конечно, должен заключаться не в том, чтобы наблюдать, как **другие** создают действительные тучи, а в том, чтобы производить осаждение действительных облаков и туманов, а не искусственных.

Американцы, повидимому, шли именно последним путем, который мне лично представляется более трудным, вследствие того, что экспериментатору неизвестны ни величина отдельных капелек, сос аэляющих облако, ни число их в единице объема, наконец, опыты, подобные американским, и более дороги, чем опыты над **искусственным туманом**. С этим согласился и Ученый Совет нашей Главной Геофизической Обсерватории. Избранная им комиссия подробно рассмотрела и одобрила предложенный мною проект особой трубы, в которой можно было бы производить опыты осаждения дождя из искусственного тумана. Труба эта должна будет иметь двойные стенки: во внутреннем пространстве будет протискиваться вверх воздух определенной температуры и влажности, а по пространству между внутренними и наружными стенками тот же воздух будет протягиваться вниз. Сверху в такую трубу (высотой в 18 метров и диаметром в 1 метр) вырыскивается разбитая на мелкие капельки вода. Во внутреннем пространстве в результате образуется туман или облако из капелек определенных размеров, число которых в единице объема можно будет легко определить.

Посылая такое облако наэлектризованным до определенного потенциала песчинками определенных размеров и наблюдая действие такого песка, можно будет производить нужные опыты с осаждением дождя в те дни и часы, когда будет угодно экспериментатору. Таким путем вопрос разрешится скорее, чем мы для опытов будем ждать подходящих природных облаков.

Стоимость такой установки и опытов с нею исчислена в 30000 р. что, конечно, тоже меньше стоимости большого числа пробных полетов на самолетах.

Вместе с тем такая установка позволит решить ряд весьма существенных вопросов: процесс роста облачных капелек, а при низких температурах кристалликов льда, являющихся зародышами снежинок, — прозрачность мутных сред, их звукопроводность и т. д.

В докладе на последнем Съезде Русских Физиков осенью этого года, в Ленинграде, я доложил результаты своих теоретических расчетов, показавших, что задача осаждения облаков **наэлектризованным песком** вполне возможна и ничего невероятного с физической точки зрения не представляет.

Осадить облако можно и ненаэлектризованным песком. Но для этого понадобится бы такое громадное количество песка, что оно могло бы покрыть всю верхнюю поверхность облака **сплошным** слоем в одну песчинку толщиной. Подсчет показывает, что даже при очень мелком песке потребуется для осаждения облака несколько сот граммов песка на 1 квадратный метр, т. е. несколько тонн на облако порядочных размеров. Вместе с водяным дождем в этом случае мы получили бы и песчаный дождик.

Если же песчинки наэлектризованы, то, падая сквозь облако, они успеют притянуть к себе и те капельки воды, которые находятся на некотором расстоянии от них, так как всякое наэлектризованное тело притягивает к себе ненаэлектризованные тела. Сделанные мною подсчеты для указанных американцами зарядов и размеров песчинок требуют на 1 квадратный метр поверхности облака уже не сотни граммов, а **долю одного грамма** заряженного песка; килограмма заряженного песка хватит на осаждение довольно большого облака.

Из русских работ над получением искусственного дождя надо остановиться на работах директора Научно-Метеорологического Института проф. Т. К. Ризенкампа.

Он уже года 3—4 как, совершенно независимо от работ американских ученых, работает в том же направлении, или, вернее, почти в том же направлении, что и они. Смотри на безводные пространства Туркестана и видя пробегающие над ними облака, он тоже пришел к мысли о возможности их принудительного осаднения, но предварительно занялся еще более основным вопросом о принудительном создании облака из находящихся в атмосфере водяных паров.

С этой целью Т. К. Ризенкамп направляет в ноябре этого года небольшую экспедицию на метеорологическую станцию на горе Ай-Петри в Крыму. Станция эта стоит недалеко от крутого обрыва к морю, и в ноябре она едва ли не половину времени бывает окутана естественными облаками. Над ними и можно будет производить различные опыты. Конечно, состав и строение облака не будут подчинены воле экспериментатора, как проектируемой Главной Геофизической Обсерваторией трубе. Но произвести опыты все же будет крайне важно и интересно.

Предположим, что тем или иным путем удастся выявить способы осаднения туманов и облаков и выбрать самые надежные и удобные. Остается еще один вопрос, который относится уже не непосредственно к геофизике, но для разрешения которого необходимы именно те предварительные опыты в лабораторной обстановке, о которых шла речь выше. Вопрос этот—выяснение экономических перспектив использования выработанного способа.

В некоторых отношениях ответ на этот вопрос можно считать готовым, а именно по отношению к очистке от туманов аэродромов и входов в порты. Если туман или низкие облака покроют сплошным слоем, напр., Комендантский аэродром в Ленинграде перед тем, как туда должен спуститься прилетевший из Стокгольма или из Москвы аэроплан, то, конечно, во много раз дешевле послать несколько аэропланов, чтобы осадить туман над аэродромом, чем допустить гибель аэроплана, стоящего несколько десятков тысяч рублей, с пассажирами, жизни которых, конечно, еще дороже, если ее только можно расценить на деньги.

Но, например, в применении к сельскому хозяйству экономический подход требует предварительного освещения. Возможно, — хотя и мало вероятно, — что убыток от нескольких сот квадратных километров засохших от недостатка влаги полей будет меньше расходов на содержание специальной эскадрильи самолетов. Но можно использовать и существующие военные самолеты, которые, в осуществление союза серпа и молота с мечом, будут летать над засыхающими ливнями и снижать на них дождь.

Сколько средств мы тратим, чтобы вывели выпавший над Москвой или над другим большим городом в огромном количестве снег или убрать снег, засыпавший железно-дорожный путь. А ведь возможно будет, после предупреждения о надвигающемся на Москву или железную дорогу буране, выслат несколько аэропланов, чтобы осадить эти облака на подмосковные равнины или на придорожные леса.

Во всяком случае, если даже окажется, что те или иные применения предупредительного осаднения облаков и туманов не вполне экономичны, такое государство, как наш Союз, обязано иметь наготове это полезное орудие, чтобы иметь возможность пустить его в ход, когда понадобится. А надобность в этом может встретиться и в мирное время, и во время войны, к которой наш Союз ни в коем случае не стремится, но которая может быть навязана ему его многочисленными врагами из числа капиталистических государств Европы и Америки.

Инж. ПЕТР СКОРОДУМОВ.

Боевые газы в борьбе с вредителями.

Во время мировой войны выдвинулось новое оружие—боевые газы (удушливые). Германцы начали обстреливать в 1914 году французов в районе Вердена химическими снарядами,— но это были лишь пробные опыты, а 22 апреля 1915 г. в секторе Ипра была произведена настоящая газовая атака в виде хлорной волны. К 1918 году химическая война развилась настолько, что в сражении на Марне 50% всего количества выпущенных снарядов падало на долю химических.

Во время минувшей войны Германия израсходовала больше 500.000 тонн — 30.000.000 пудов различных ядовитых веществ.

В дальнейших войнах газы, несомненно, будут играть большую роль, вытеснив старые приемы войны. Даниель Флорентин (Франция) пишет, что роль, которую сыграла химия во время этой войны, показала, что защита государства и химия составляют одно целое и что очень важно—двигать вперед научные и технические исследования, так как они явились у нас исходным пунктом для организации газовой войны. По словам начальника американского департамента химических войск Фрейса, «страна, которая во время будущей войны не сможет защититься от газов, окажется в положении дикаря, пытающегося дуком и стрелами оказать сопротивление человеку, вооруженному современным огнестрельным оружием».

Рис. 1. Камыши до прохода саранчи — (видна заградительная канава).

Рис. 2. Камыши после прохода саранчи.

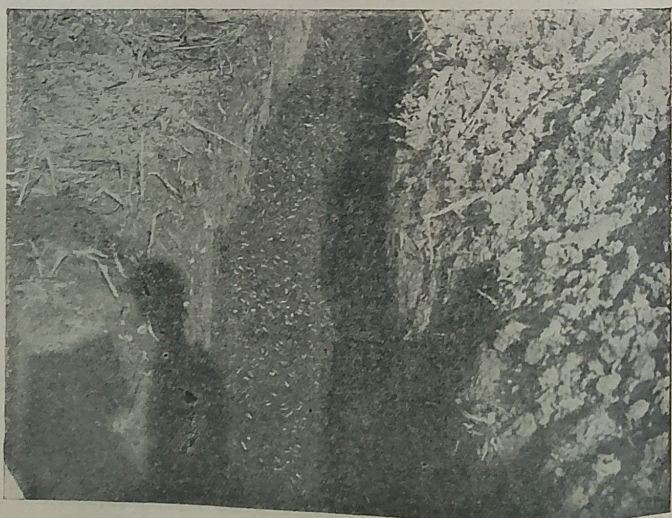

Рис. 3. Саранча, навалившаяся в заградительную канаву.

Эти выработанные газы дали возможность Франции ответить Германии на газы газами, и кроме того, оставили Франции на мирное время довольно значительную химическую промышленность.

Газы в бою применяются двумя основными способами: 1) в виде газовой волны, 2) в виде снарядов, начиненных газами.

По своим свойствам газы делятся на: 1) удушающие — действующие на легочную систему; смерть наступает от удушья; 2) ядовитые — поражающие тот или другой важный орган (напр., нервную систему); 3) слезоточивые — вызывающие слезы и тем временно

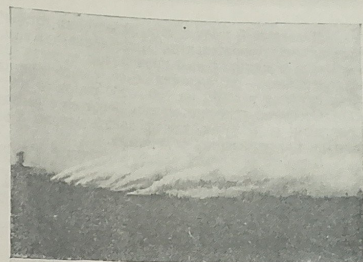

Рис. 4. Газовое облако, пущенное по саранчевым.

Рис. 5. Перелив газов в баллоны — перед заправкой сусликов.

говоря уже о саранче, которая уничтожает не только посевы, но даже и камыши, как видно из фотографии.

Оба боевых способа применения газа — газопуск из баллонов и обстрел химическими снарядами — в мирное время обращаются для борьбы с саранчовыми.

Бывали случаи, когда площадь, занятая саранчовыми, доходила до ста квадратных верст, и для борьбы с саранчей организовывалось до 15—18 тысяч человек, работавших в течение 3—4 недель над рытьем канав, которыми задерживали саранчу (см. рис. 3).

Имея перед собой такого противника, как тучи и полчища саранчи, газовики были поставлены прямо в боевую обстановку.

Обычное газовое облако из хлора, пускаемое на саранчу, дает несколько слабый результат (см. рис. 4).

Саранча, оглушенная первым хлорным облаком, кажется мертвой, но через час — полтора в своей главной массе оживает, давая смертность от 5—20%.

Рис. 6. Заправлявшие сусликов газом.

лишающие человека зрения; 4) нарывные — вызывающие ожоги и нарывы кожи и слизистых оболочек; 5) чихательные — вызывающие чихание, затем боль в горле, носу, челюстях и глазах.

В мирное время боевые газы находят применение в борьбе с вредителями полей и имеют значительное преимущество, в известных условиях, перед различными системами опрыскивателей и т. п.

Поскольку СССР в настоящее время является страшной сельскохозяйственной, постольку нас не может не беспокоить то, что суслики съедают до 20% урожая в наших хлебоборозных юго-восточных губерниях, а в сухое лето даже больше, не

Длительный выпуск газа «фронтным пуском» оказывается в отношении саранчи тоже неудовлетворительным. Применение так-называемого «шока», то-есть выпуска всего газа в минимальный промежуток времени, 2—3 минуты, чем создают высокую концентрацию — оказывается более удовлетворительным. Повторный шок дает смертность саранчи в 100% на 100—200 шагов от места выпуска т.-е. достигает цели.

Особенно успешно можно бороться с саранчовыми газовым методом в водных зарослях и на болотах, где прокопать каналы и влечь с опрыскивательными машинами не представляется возможным.

В таких условиях саранчу достаточно только оглушить, так как она, будучи оглушена, тонет.

Борьба с саранчовыми путем пуска газового облака портит на своем пути все — посевы, покосы, леса и пр.

Стрельба химическими в этом отношении имеет преимущество перед газовой волной.

Борьба газовым методом с саранчой резко отличается от описанных способов борьбы с саранчовыми, путем применения боевых выпусков боевого газа. (Рис. 5).

Сусликов тралят, запуская в каждую норку газ в течение 2—3 секунд, чем создают концентрацию, которая через 2 минуты после пуска колеблется от 0,10% до 0,16% (проф. Салыду СССР). Норки суслика глубиной до 2—2,5 аршин наполняются газом указанной концентрации, и суслики гибнут. (Рис. 6).

Работа производится быстро: один рабочий, вооруженный газопаром, показанным на рисунке, затрачивает в 8-часовой рабочий день до 350—400 норок сусликов.

Особой квалификации работа не требует и может быть выполнена великим гражданином.

Для работы требуется газовый баллон с газом, выпускной шланг и лопата для засыпки норки после выпуска газа.

В степных местностях, где суслики составляют серьезную опасность и где им население упреждает ежегодно даю до 200% урожая, газовый метод борьбы с ними должен сыграть большую роль.

Надо дать крестьянину в руки газ, научить его обращаться с ним — и бороться с помощью газа с врагами своих полей.

Нахождение залежей при помощи радио-волн.

Определение мест, содержащих руду, представляет большие затруднения, если поверхность почвы не дает на это никаких указаний. Американский популярный журнал «Science and Invention» (октябрь 1924 года) дает идею быстрого нахождения мест залегания руды при помощи коротких радио-волн. На рисунке 1 изображен большой дирижабль, в носовой гондоле которого помещается передатчик коротких электро-магнитных волн, т.-е. вогнутое зеркало, в фокусе которого расположена маленькая передающая антенна, а в кормовой гондоле — приемник, состоящий из такого же зеркала с расположенной в его фокусе приемной антенны. Руда хорошо отражает электрические волны; поэтому,

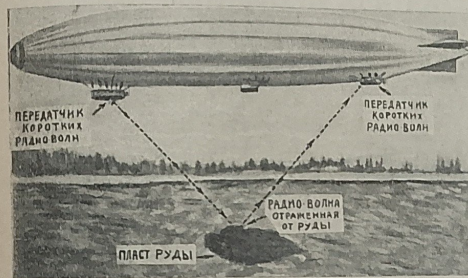

Рис. 1.

когда пучок лучей от передатчика попадает на руду, приемник ее сейчас же отметит. Оба зеркала снабжены приспособлением для того, чтобы можно было одновременно их наклонять на одинаковые углы. Это сделано для того, чтобы можно было исследовать почву на различной глубине. На какой бы глубине ни находилась отражающая поверхность, всегда отраженный луч попадет в приемник. Таким образом, путешествуя на дирижабле, можно производить разведку.

Другой способ применения коротких волн, это отыскивание новых жил поближе к руднику. Для этой цели передатчик опускается в шахту, а приемник располагается наверху, как изображено на рисунке 2. В этом случае, если радио-волны не попадают на руду, они частью отражаются, а частью поглощаются рудой: и вследствие этого энергия дошедших до приемника волн ослабнет. Таким образом, ослабление приема в этом случае укажет присутствие руды.

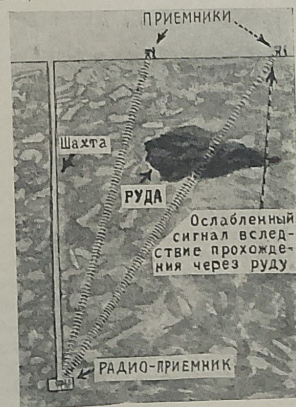

Рис. 2.

Пушкин и В. Я. Брюсов.

„Можно было обозреть всю историю человечества, весь цикл разноязычных литератур, и почти отовсюду найдешь отголоски в творчестве Пушкина“
(В. Брюсов: „Пушкин—мастер“).

Брюсов умер!

Еще совсем — недавно Москва праздновала пятидесятилетний юбилей его научной и поэтической деятельности, переплетая его имя с именем его далекого и великого предшественника.

Пушкин и Брюсов!

Словно в ознаменование тесного и трогательного союза двух поэтов, из коих один был постоянным предметом глубочайшего поклонения и тщательнейшего изучения другого, один за другим праздновались их юбилеи.

И с горечью приходится думать о том, что на приближающемся столетнем юбилее со дня рождения Пушкина (6 июня 1937 г.) не будет Брюсова, который за оставшиеся тринадцать лет, вероятно, вписал бы не одну ценную и значительную страницу в новую книгу о Пушкине, в ту книгу, которая должна оправдать чаяния и надежды всех на то, что „мы еще увидим в ближайшие годы возрождение интереса к Пушкину, новое и несравненно более грандиозное повторение „Пушкинских дней“ в литературе“¹⁾.

Вступив на литературный путь еще шестнадцатилетним юношей, Брюсов 21-го года уже приобщается к настоящей литературной работе в качестве поэта, на которого критика обратила свое внимание, и на ученого исследователя, сосредоточившего свои интересы, главным образом, на изучении Пушкина.

В 1899 м году В. Я. Брюсов выступает в качестве рецензента и критика со своим полновесным и обстоятельным разбором академического издания сочинений поэта, поместив в „Русском Архиве“ статью под заглавием: „Что дает академическое издание сочинений Пушкина?“, непосредственным продолжением которой как бы является его ответ, данная проф. Н. Н. Фирсову, редактировавшему XI-ый том означенного издания, посвященного „Истории Пугачевского бунта“. Речь идет о статье В. Я.: „Пушкин перед судом ученого историка“, помещенной в февральской книге „Русской Мысли“ за 1916 г.

¹⁾ Л. Сосновский: „О Пушкине. За что любил Пушкина В. И. Ленин“. „Правда“ № 127, 1924 г.

За этот промежуток в 17 лет В. Я. Брюсов уже успел зарекомендовать себя, как крупный и видный пушкиновед, с авторитетом которого считаются все, поставившие себе задачу работать над Пушкиным. В 1903 году в издательстве „Скорпион“ появились под редакцией В. Я. „Письма Пушкина и к Пушкину“, а в 1907 м — в том же издательстве „по рукописям Московского Фундационского Музея и другим источникам“ — „Лицейские стихотворения Пушкина“.

Когда в 1907-м году покойный С. А. Венгеров приступил к редактированию издававшегося Брокгаузом и Эфроном полного собрания сочинений Пушкина в 6 томах, В. Я. принимает участие в этом издании, имеют непосредственную связь с материалом биографического характера: это — „Первая любовь Пушкина“ и „Пушкин в Крыму“, а пять — представляют собой научно-исследовательскую работу над Пушкинскими текстами. Таковы: „Гаврилади“, „Домик в Коломне“, „Стихотворная техника Пушкина“, „Неоконченные повести из русской жизни“ и „Египетские ночи“.

Жизнь Пушкина давно уже занимает В. Я. Брюсова, и еще задолго до появления означенных статей в Венгеровском издании он напечатал в „Новом Пути“ (июнь 1903 г.) свою статью: „Из жизни Пушкина“, а к научно-исследовательским работам над текстами Пушкина, помещенным в том же издании, следует прибавить еще две такого же характера, напечатанные в „Русском Архиве“ (кн. 12-ая 1908 г.) и „Биржевых Ведомостей“ (окт. 1916-го года).

Огромный интерес к „Египетским ночам“ Пушкина, восхищение необыкновенной красотой тех небольших отрывков, которые от них уцелели и стремление рагадать тайну содержания недошедшего до нас текста принимают крайне своеобразную и оригинальную форму: в 1916-м году на страницах альманаха „Стремнины“ появилась поэма Валерия Брюсова: „Египетские ночи“ в 6 главах, представляющая собою „обработку и окончание поэмы А. Пушкина“. Поэма вызвала много споров и упр-ков по адресу В. Я., несмотря на то, что покойный вполне ясно и категорически заявил в своем предисловии: „Почти лишние говорить, что ни на миг не мечтал я сравниться с Пушкиным и своими стихами заменить не написанные части поэмы; я желал только помочь читателям, по намекам, оставленным самим Пушкиным, полнее представить себе одно из его глубочайших созданий. При этом я вовсе не стремился писать непременно „под Пушкина“, что крайне стеснило бы свободу творчества, и, чуждаясь всякой стилизации, довольствовался тем, что старался не выходить за пределы Пушкинского словаря, его ритмики, его рифм“...

Именно не, как на подражание Пушкину, а как на поэму оригинальную, имеющую самоц-ное значение, и посмотрел на нее В. Жирмунский в своей книге: „Валерий Брюсов и наследие Пушкина“.

Работая долго и упорно над стихотворной техникой, В. Я. в 1919-м году выпускает „Краткий курс науки о стихе“, представляющий собою „лекции, читанные в Студии Стихovedения в Москве 1918 г.“, посвященные „частной метрике и ритмике русского стиха“; вполне понятно, что книга эта нестрит ссылками и цитатами из Пушкина.

Огромный интерес к технике стиха великого поэта, побудивший В. Я. Брюсова написать упомянутую выше статью: „Стихотворная техника Пушкина“, нашел себе яркое выражение в двух статьях В. Я.: „Звукопись Пушкина“ и „Левина Пушкина в рифмах“ (кн. 2-ая 1923 г. и кн. 2-ая 1924 г. „Печать и Революция“).

Из них вторая, предварительно зачитанная в Пушкинской Комиссии при Обществе Любителей Российской Словесности, вызвала живой и, в высшей степени, интересный обмен мнений среди присутствовавших на чтении Московских пушкинистов.

Сам крупный поэт, В. Я. Брюсов дорожит буквально каждым словом Пушкина, видя во всем, что было написано поэтом, глубокий смысл и общечеловеческое значение. Слово боясь за правильность оценки творчества Пушкина, В. Я. спрашивает на страницах „Эпохи“ (кн. 1-ая, 1918 г.): „Повнимаем ли мы Пушкина?.. Большинство ответит, что Пушкин всем понятнее в отличие от декадентов и футуристов“, и затем продолжает: „... Это будет неверно... Пушкин кажется понятным, как в кристально прозрачной воде кажется близким дно на безмерной глубине“...

А когда в 1922-м году литературная и артистическая Москва, представленная 27-ью организациями, торжественно поминала поэта в день его смерти, В. Я. произнес свое слово на тему „Разносторонность Пушкина“, основную мысль которого он расширяет и углубляет в своей статье: „Пушкин-мастер“, помещенной в сборнике „Пушкин“, печатаемом Госиздатом.

В этой статье Брюсов сумел дать почувствовать свою глубочайшую любовь к Пушкину и мастерски вскрыть весь тайный смысл его творчества, указав на грандиозность созданного им.

„Можно бегло обозреть всю историю человечества, весь цикл разноязычных литератур“, говорит В. Я.: „и почти отовсюду найдешь отголоски в творчестве Пушкина“...

... „Пушкин... воплотил в одном себе целые литературные школы“... Этими школами, по мнению В. Я., являются псевдо (ложно)-классицизм, легкая французская лирика в духе Парни, жеманность в духе Хераскова, сентиментализм в духе Карамзина; в Пушкине отразилось движение русских новаторов, и он же является основателем реализма.

„Своим признавали Пушкина также декаденты и символисты. Когда позднее будет вскрыто истинное значение нашего футуризма, станет ясно, что основное его устремление не было чуждо Пушкину“...

Эту статью, которая появится в свет уже после смерти своего автора, воистину можно назвать его лебединой песней, каждое слово которой требует дальнейшей проработки.

Не скупясь на самые восторженные характеристики Пушкинского гения в своих статьях, В. Я. Брюсов, словно боясь обнаружить свою глубокую любовь к поэту перед непосвященными, был крайне скуп на слова, когда от него требовали официального и публичного признания в своей любви, раскрытия того сокровенного и радостного, что таила душа его. Вот почему, когда журнал „Всемирная иллюстрация“, желая установить связь между Пушкиным и современностью, устроил анкету среди 36-ти литераторов, и когда общей участи не избежал и В. Я., он ограничился всего тремя словами, которые, однако, несмотря на всю свою краткость и лаконичность, резко выделяются среди всех остальных, порою многословных и тяжеловесных, порою мудреных и туманных, как бы свидетельствующих о желании авторов щегольнуть многословностью и глубокомыслием.

Его слова были:

„Учитесь у Пушкина!“

В этих трех словах сказалась вся простота В. Я. Брюсова, его недолюбь к пыльным и цветистым фразам, — именно те черты, о которых упоминает Ник. Асеев в своей статье „Валерий Брюсов“, где он говорит: „... Брюсов кратко высказывал свое мнение“ — во время споров,

и свидетельствует, что покойному была свойственна, „сухая“, ясная и лаконичная формулировка суждений“.

Эти три слова должны, несомненно, служить заветом, который оставил учитель своим ученикам.

Как только в 1919-м году сформировалось Государственное Издательство, поставившее себе целью снабжение широких масс трудящихся полезной и необходимой книгой, В. Я. Брюсов становится во главе пушкинской серии „Народной библиотеки“. Поэт, ученый и коммунист, он ставит себе задачу популяризацию близких, по содержанию, proletариату и крестьянству произведений Пушкина, и под его редакцией, снабженные его комментариями, выходят: „Баллады“, „Песни и стихотворения разных народов“, „Стихотворения 1815—1836 гг.“, „Стихотворения о разных странах“ и „Стихотворения о свободе“.

Эти небольшие книжки заполняют избыточные читальни, казармы, библиотеки Советских школ, рабочие клубы и в настоящее время уже составляют библиографическую редкость.

Одновременно с этим приступает В. Я. к редактированию полного собрания сочинений Пушкина, но останавливается на 1-м выпуске 1-го тома, согласившись с теми указаниями, которые сделала ему критика по поводу некоторых недочетов издания, — останавливается для того, чтобы коренным образом пересмотреть сделанное, переработать его и подготовить новое, по поручению того же Государственного Издательства, 4-х томное издание сочинений Пушкина.

Таков Брюсов в своей 25-летней упорной и неустанной работе над Пушкиным.

Авторитет В. Я. в этой области с каждым годом становится все выше и выше, и можно смело сказать, что нет ни одного произведения, связанного, так или иначе, с именем Пушкина, где бы ни делались ссылки на Брюсова, нет ни одного научного работника и исследователя, который бы в процессе своей работы не упомянул имени В. Я.

Не всегда эти ссылки и упоминания, конечно, дружественны, но всегда они делают для того, чтобы привлечь Брюсова в качестве единомышленника, но самое их количество служит лучшим доказательством того, как высоко стояло имя В. Я., — имя крупного и высокообразованного пушкиноведа.

Так, П. О. Морозов, редактируя „Сочинения и письма Пушкина“ в издании „Просвещение“ (1903—1906 гг.), пять раз ссылается на Брюсова, а П. О. Лернер в своей, пока еще никем не превзойденной, книге: „Труды и дни Пушкина“ упоминает имя В. Я. семнадцать раз.

В многотомном и авторитетном издании, начавшем выходить в 1906 г. и продолжающемся до наших дней: „Пушкин и его современники“, имя В. Я. Брюсова встречается 65 раз.

Пушкинский дом в 1923-м году выпускает свой сборник, и в нем снова имя Брюсова упоминается три раза.

А когда друзья и ученики покойного С. А. Венгерова издадут „Пушкинский сборник“ памяти своего учителя и друга, то и в этом сборнике шесть раз делаются ссылки на Брюсова.

Приступает ли П. Н. Сакулин к своей статье „Памятник нерукотворный“, помещенной в том же сборнике „Пушкин“, где и статья В. Я. Брюсова: „Пушкин-мастер“, — П. Н. начинает ее цитатой из Брюсова.

И, наконец, как бы завершением признания покойного, как выдающегося поэта, творческая деятельность которого так тесно переплетается именно с Пушкиным, следует признать книгу видного стиховеда и теоретика, В. Жирмунского, „Валерий Брюсов и наследие Пушкина“.

Вот почему торжественная похоронная процессия на пути своего шествия остановилась с гробом Брюсова у подножия памятника великого поэта, и П. Н. Сакулин в своей речи закрепил здесь те узы духовного и поэтического родства, которые связывали Брюсова с Пушкиным более двадцати пяти лет, и так трагически, так неожиданно оборвались.

„Пушкин“, пишет В. Я. Брюсов, „творя русскую литературу, видел множество возможностей, использовать которые не мог. Ему не было даровано, как Гете, чуть ли не 70 лет деятельности“.

Эти слова, в равной мере, могут быть отнесены и к их автору. Жизнь В. Я. Брюсова оборвалась тогда, когда Советская Россия так торжественно и радостно идет по крепнущему с каждым днем все больше и больше пути нового строительства, новой и вольной жизни.

Ликвидируется неграмотность, широкой сетью разбрасываются полипы Советской Республики учебные заведения, растет и крепнет изучение ленинизма, — каким необходимым и значительным работником был бы покойный!

Но... не место унынию: недаром на его похоронах молодежь не плачет над трупами павших борцов!

Брюсов оставил институт своего имени. Сюда со всех сторон Союза Советских Социалистических Республик стекается рабоче-крестьянская молодежь. Здесь она учится понимать и ценить художественное слово так, как понимал и ценил его покойный. Отсюда, снабженная знаниями, творчески одаренная выйдет она для создания нового художественного слова, нужного и понятного, близкого и родного рабочему и крестьянину, памятуя завет своего учителя:

„Учитесь у Пушкина!“

И тогда только народ оценит великие заслуги Пушкина, тогда произойдет встреча народа с Пушкиным, и сбудется пророчество Пушкина в его стихотворении „Памятник“¹⁾.

Нет, весь я не умру:
Душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленне убежит,
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит“²⁾.

¹⁾ Л. Сосновский: „О Пушкине“.

²⁾ Поэт.

Анатолий Франс.

I.

„Я испытал разные образы жизни, и я считаю, что наилучшее — это жить, предавшись занятиям и мирно присутствуя при превратностях судьбы, продолжать краткость наших дней, созерцая века и государства“. Так говорит Куаньяр, один из героев, в уста которых автор особенно охотно влагает свои любимые мысли.

Именно так жил и автор „Острова пингвинов“, такова была его житейская мудрость. Он рос среди книг, среди них он научился вращаться в самых несходных цивилизациях, видеть все разнообразие воззрений, подходов к природе и жизни, усвоил все методы и системы. В его светлом уме уместались идеи, чувства и настроения, отделенные друг от друга веками и пространствами; религия, магия, алхимия, мистика и точная наука образовали невиданные, причудливые группы. Он вызвал к жизни, собрал вместе все бесконечно несходные усилия человеческой мысли и воли, и даже, как будто любовался, когда духи, властвовавшие над сознанием в разные времена, на разных концах мира, набрасывались друг на друга, взаимно уничтожали друг друга и вызвали в душе созерцающего противоположные чувства, — насмешку над бесплодными стремлениями мысли и благоговейное удивление перед величием ее домогательств.

Анатолий Франс смотрит и на историю, и на современность с некоторой высоты, и это придает его творчеству оттенок иронии и холода. Ирония — основное свойство его поэзии. С его уст не сходит улыбка мудрого скептика в те моменты, когда он размышляет о прошлом человечества, не сходит и тогда, когда он взволнован зрелищем героизма или подлости. Его биография не заключает в себе выдающихся внешних фактов, и самым замечательным в его жизни было то, что он читал бесконечно большое количество книг. Правда, когда он выступал на арену общественной жизни, его влекло всегда к творческим, а не умирающим силам общества. Он принимал участие в общественной просветительной деятельности, работал в народных университетах, дрейфусовское дело взволновало его, и на минуту спокойный читатель готов был превратиться в пламенного публициста; он примкнул к той светлой группе передовых борцов, которые испугались ужасного разложения капиталистической Франции, обнаружившегося в этом деле торжества иезуитов, военщины и банкиров. Он сочувствовал социализму, не раз выступал в социалистических собраниях. Импе-риалистическая война всколыхнула его. В первый момент он вместе с Барбюсом и другими готов был поверить, что союзники действительно начали борьбу за идеалы демократии и свободы против германского

милитаризма и империализма. Но вскоре ему, как и другим лучшим умам Франции, открылась вся глубина лжи, алчности и подлости, из которой возникла эта гнуснейшая и бесчеловечнейшая из войн. Анатолю Франсу принимает участие в знаменитом кружке „Свет“ и становится врагом войны, выступая с разоблачением обмана, которым господствующие классы опутали миллионы трудящихся, бросив их в кровавые объятия друг на друга. И когда, наконец, на востоке Европы загорелся пожар Октября, Анатолю Франсу почувствовал в нем зарю нового человечества. Он остался интеллигентом, привыкшим к культуре, к мысли, к искусству, он не всегда мог спокойно смотреть в кровавое лицо революции, не раз готов был отшатнуться от ее ужасов, и тем не менее он оставался ее союзником на тех высотах, откуда его мысль, обращенная к будущему свободному и творческому человечеству, смотрела в те дали, куда устремляла свои титанические силы и Октябрьская революция.

II.

Но даже в эти моменты, когда действительность готова была захватить и его, Анатолю Франсу никогда не спускался с своих высот для того, чтобы окунуться в злобу дня, броситься в самую гущу борьбы. Даже революционные идеи он облекал в образы далекого прошлого, рассматривал их под углом вечности, влагал их в уста археологов, историков и философов, как будто и в эти моменты не забывал о преходящности всего земного, об относительности всяких стремлений. Пронизывая не покидает его и в эти минуты, и в каждом революционном движении он, кажется, больше ценит его отрицающую силу, его разоблачающую роль по отношению к прошлому, чем верит в безусловную истину его положительных устремлений.

Мне уже не раз приходилось в печати характеризовать и манеру, и мировоззрение Анатоля Франса. Теперь, когда его смерть привлекла снова к нему внимание цивилизованного человечества, небеснолюбопытно еще раз напомнить то, что я говорил об этом мыслителе, который был революционером в самом глубоком философском смысле этого слова, потому что подошел ко всем сторонам капиталистического общества с самым несокрушимым судом, судом человека, поставившего это общество перед лицом гармонически и всесторонне развитой творческой личности. Немногие умели так кстати, с такой простотой осмеять то, о чем принято всюду по привычке говорить с серьезным видом и достоподобным уважением. Сильвестр Боннар, член института, известный всему ученому миру, — несуществующий призрак перед настоящей реальностью, — добродушный парнем, лакомящимся мороженым, а не для того, чтобы возиться со старыми рукописями. Боннар знает, что маниаки-коллекционеры, собирающие спичечные коробки, в сущности делают то же самое, что и он, собиратель рукописей, и молодая женщина, беспечная „маленькая шалунья“ дает урок этому большому ребенку самым фактом своего существования. „Боннар, — говорит он себе, — ты умеешь разбирать старые письмена, но не умеешь эгоизм существа, поглощающего все кругом себя, — единственный неопровержимый факт: „все, что существовало, есть пищевой продукт, необходимый для нового существования, и араб, который построил себе тели музеев Лондона, Парижа и Мюнхена“.

III.

В окружающем его обществе Анатолю Франсу не нашел ничего, достойного безусловно серьезного отношения. Его романы полны афоризмов, отточенных стрел, вонзающихся во все противоречия старого мира, не умеющего разрешить ни одной проблемы, выдвинутой историей. Что осталось в этом мире непоколебленного, неопровержимого видеть вещи в их настоящем свете? Государственная деятельность? Но свои близких. Наука? Но прогресс науки делает ненужными работы, которые наиболее способствовали этому прогрессу. Общественная деятельность? Но Боннар знает, что комитеты были бы очень рады избавиться от него, как и от них. И только привычка, более сильная, чем он, заставляет его подниматься по лестницам государственных учреждений. Знания? Книги? Боннар прочел их много „к сожалению“, потому что теперь он ничего не знает; в числе этих книг нет ни одной, которая бы не оспаривала другую, так что, когда прочтешь их все, не знаешь, что и думать. Справедливость? Правосудие? Но правосудие дает полную власть над юной девушкой негодю и вору и осуждает на долгие годы тюремного заключения того, кто спасает эту девушку. Мораль? Но то, что люди называют развратом, является, по словам Куаньяра, таковым только во мнении законников и судей, и только перед лицом людских законов, временных и произвольных. Поступать согласно этим законам могут только бараны души. Умный человек не старается поступать по правилам, установленным консисторскими судьями. Книжки, наполняющие библиотеку, где работает Куаньяр, — лучшее свидетельство условности человеческой морали. Они говорят о непостоянстве взглядов людей на нравственность. Законы человеческие основаны на пользе. Кроме того, в нравственных учениях людей многое создано предрассудками. Законы поддерживаются угрозой наказания, их всегда можно обойти при помощи хитрости. Любовь и голод — два полюса в жизни человечества. И люди, существа, основное вожделение которых — только пожирать и обнимать друг друга, подчиняются законам, запрещающим удовлетворять эти два основных инстинкта. Животные, став гражданами, подавляют свою жадную природу и уважают имущество ближнего. Они сохраняют целомудрие и лицемерно молчат о том, о чем постоянно думают. Говорят, что они надели на себя эти цепи, потому что этим обеспечивается их безопасность. Но какой смысл сохранять свою жизнь на счет того, что составляет ее цену.

IV.

После дрейфусовского дела сатира Анатоля Франса становится более саркастической. Его пропия направлена против устоев, на которые опирается современный ложный уклад общества. Он издевается над политикой, идеей государства и выборным мошенничеством. Государство представляется ему в виде организации, придуманной группой умных хищников для эксплуатации народа. Армия, это — опора всей этой живой системы. Вооруженные народы, — говорит третий из любимых героев Франса, Бержере, — кротко позволяют собою управлять. Военная дисциплина приучает их к послушанию, и тут уже нечего бояться никаких волнений или восстаний. Когда солдаты становятся обязательными для всех, когда все граждане или солдаты, или были солдатами, все общественные силы располагаются так, чтобы покровительствовать власти

или безвластием, как это было во Франции. Если бы Европа не была покрыта казармами, везде, как в старину, поднимались бы восстания. Но те темные силы, которыми кишат столичные мостовые, находят теперь применение для тяжести лагерной работы, чистки лошадей и выражения патриотических чувств. Чин капрала дает приличный выход энергии юных героев, которые, будь они свободны, строили бы баррикады. Правительству выгоднее предводительствовать армией, чем управлять народом. Политика стала политикамством, обществу в сущности нет никакого дела до него. Оппозиция не лучше правительства. Все партии, исключенные из правительства, вызывают к свободе, потому что она усиливает оппозицию и ослабляет власть. По этой же причине партия, находящаяся у власти, урезывает насколько возможно свободу. Что касается религии и бога, то они лучше всего характеризуются ответом одной заболевшей дамы священнику, говорившему ей о будущей жизни: «вы меня уверяете, что нездешний мир создан тем же, кто создал здешний. Я слишком хорошо знаю, какой он строитель». Демократия не лучше, — ловкие руки успели сделать демократические стремления орудием темных сил, и на пессимистические мысли наводит его толпа, «отравляющаяся битой стеклом у сапожника Мейера из уважения к армии».

Таков современный капиталистический строй: генеральные хищники, заключившие союз для ограбления масс, войны, возникающие тогда, когда эти хищники не поделили продуктов, добываемых миллионами крестьян и рабочих. Патриотические крики одураленных масс, идущих убивать друг друга и добывать богатства для перессорившихся грабителей, воюющих из-за женщин и денег.

V.

Положительные идеалы Анатоля Франса — культ непосредственности, права природы и инстинкта, любовь и молодость, которой открыты все истины и тайны, недоступные науке. Это настроение можно уловить в его романе из эпохи французской революции «Боги жаждут», как бы иллюстрирующем его мысль: «в государстве только и важны условия личного существования», и как бы раскрывающем бесплодность самых грандиозных исторических движений перед судом тонко чувствующей личности. Таков он в романе «Красная лилия», где на лице автора улыбка нежного и трогательного сочувствия к героям, и в «Маленьком Пьере», где естественно распускающаяся душа ребенка — живой упрек искусственным формам жизни и фальшивым представлениям, нагроможденным взрослыми. Таков поэтический монолог Бовинара, когда он становится свидетелем тяжелого зрелища, как юную душу Жанны грозят погубить стены закрытого учебного заведения: «Искусство обучать есть искусство пробуждать любознательность... Если бы этого ребенка доверили мне, я сделал бы из нее не ученицу, ибо желаю ей добра, но все красоты природы и искусства. Я бы научил ее любить прекрасные пейзажи, идеальные сцены поэзии и истории, благородную волнующую музыку. Я научил бы ее любить все, что бы ни захотел. Я бы подарил ей собаку и павлина, чтобы научить ее управлять животными; я бы дал ей ухаживать за птицами, чтобы она научилась ценить всякую каплю воды и крошку хлеба. Я бы желал, чтобы она с радостью делала ближним добро, создавая себе таким образом новое удовольствие. А так как страдание неизбежно, так как жизнь полна невзгод, то я научил бы

ее христианской мудрости, которая возвышает над всеми невзгодами и придает красоту даже самому страданию. Вот как я понимаю воспитание молодой девушки».

Все прошлое Анатоля Франса, вся многовековая человеческая культура, воспринятая им, — это культура индивидуализма. Культура личности, ищущей в тайниках своего внутреннего мира пути к свободе и творчеству. Обогащение своей собственной души, осложнение и перестройка переживаний, наслаждение мыслью ради самой мысли, это — убежище, куда спасались многие аристократические умы, обреченные историей жить в том мире, в котором, по выражению Маркса, даже от И. А. Франса, как романтика и модерниста, уходил в этот храм своей внутренней жизни от неприглядной действительности. Многие жили в чистом созерцании или в мире фантазии, потому что не хотелось грязнить свою душу прикосновением к топкому болоту мещанской действительности. Но немногие сумели ощутить незаконность этих созерцаний и этой внутренней жизни, немногие сумели распространить свою иронию за пределы злобы дня и с скептической улыбкой взглянуть на свое собственное убежище. Анатоль Франс был один из них. Он всегда жил сознанием, что нужно и самому избранному, обретенному свободу для себя лично, сочетать свои усилия с остальными для общего освобождения, потому что есть что-то тревожное и непрочно в этой личной свободе. Из всех партий он предпочитал социалистическую рабочую, потому что не было «другой какой-нибудь силы, которая могла бы существовать рядом с церковной властью и национализмом». «Если бы, — говорит Бергер одному республиканцу, — мне нужно было бы вступить в партию, то я непременно присоединился бы к вам, так как ваша партия единственная, которой я мог бы служить без особенного лицемерия, но, к счастью, я не нахожусь в такой крайности и вовсе не расположен обижать свой ум, чтобы вступить в политическое отделение». В этих словах — вся политическая физиономия Анатоля Франса. Он не хочет нарушить свой покой мыслителя, но он знает, кто его друзья, и куда он мог бы пойти. В этом — разгадка его встречи с коммунистической революцией.

VI.

Аристократ-индивидуалист и движение, построенное на железной дисциплине, требующее величайшего сжатия человеческой личности, встретились, как два стремления, ведущие к одной цели. Революция — не цель, а средство. Ее цель — совершенная организация общества, организация, в которой гармонически сочетаются свободное творчество личности и общественная необходимость.

Анатоль Франс — один из тех немногих счастливых, которым выпало на долю обрести эту творческую свободу среди нашего несовершенного строя, не дожидаясь вступления всего человечества в земную обетованную. Но когда на противоположном конце Европы вспыхнула борьба за свободу, Анатоль Франс почувствовал, что впервые вопрос о создании жизни, достойной имени человека, поставлен во всей его беспримесной чистоте, что началась борьба на смерть со всей обреченной культурой, от которой не взято ничего из ее лжи и позора. Разными путями, в совершенно несочетаемых плоскостях, но Анатоль Франс делал то дело, которое творим мы. И он взглянул на старое общество взором чистого отрицания. И он не нашел там ничего, достойного ува-

жения и сожаления. И он, как революция, уничтожал все, что видел перед собою.

Он пришел из другого мира. Он остался белоручкой-аристократом. Он не взял на себя ответственности за кровь и слезы, через которые революция идет к своей цели, но это не мешало ему уловить самое глубинное и человеческое в ее движении. Он был ее другом не как политик, а как мудрец и моралист, ценявший в ней беспредельность ее замыслов, радикализм ее требований, несоизмеримость ее с миром лжи и насилия, с которым он сам всю жизнь боролся. Ее разрушительные стремления были ближе этому восьмидесятилетнему старцу, чем ее кропотливая будничная работа. Революция может гордиться этой дружбой высокого ума, смотревшего в даль веков на те высоты, где он должен был встретиться с нею и куда открыт доступ только немногим умам.

Рецензии

А. С. Казаченно. — «Первые шаги юного химика». Приблизить науку к массам — боевой клич нашего времени; сделать науку возможно легко воспринимаемой и на низших ступенях развития — необходимый шаг к тому, чтобы этот клич как можно скорее превратился в живое дело. Попыток к выполнению этой задачи было немало и в прошлом, и нередко эти попытки были достаточно удачны. Но были среди них и такие, которые, желая популяризировать науку, вульгаризировали ее и тем оказывали, конечно, плохую услугу массам.

Книжка А. С. Казаченно имеет целью популяризировать элементарные сведения из химии — науки в наше время особенно важной. И, надо сказать, автор удачно справился со своей задачей, избегая вульгаризации.

Свою книжку автор предназначает для юных исследователей, у которых мысль еще не дисциплинирована в исследовательском направлении, и автор не забывает об этом на протяжении всей книжки: путем умелой постановки вопросов он постепенно руководит мыслью занимающегося и логично приводит ее к соответствующему заключению из разобранных ранее фактов и явлений. Сначала автор описывает лабораторию, ее необходимый инвентарь и самые основные приемы обращения с посудой, весами, спиртовой горелкой, с подставками, с обработкой стекла, с пробками и вообще с условиями лабораторной работы. Затем он знакомит с отличительными признаками химических реакций и с химическими элементами.

Следующей главой о воздухе автор пользуется для изучения кислорода, а с ним и явления горения.

После этого в обиход записей вводится: водород, вода, кислоты и щелочи. Этим (первые 8 глав), строго говоря, и оканчивается систематический отдел. Надо поставить в заслугу автору, что он держит своего начинающего химика все время в области фактов и явлений, а не слов; примеры подобраны большей частью из живой окружающей действительности; а, считаясь с юным возрастом и желая сделать занятия увлекательными, автор время от времени вводит и «игрушечные» опыты.

В IX главе автор говорит о мыле и о свечах, в X — о спичках и порохе, в XI — об удлинённых газах, в XII — о дрожжах и о брожении, в XIII — о дыхании и о пище, в XIV — о химизме в растояниях и в XV — о каменном угле и о светильном газе.

В этих главах, несомненно, в силу их краткости, автор уже не мог достичь желаемой ясности в изложении излагаемых процессов; в этих же главах ему пришлось и загромаждать внимание юного читателя слишком большим числом упоминающихся веществ, о которых читатель никогда и не слышал (см., напр., 162 стр.). Несмотря на это, указанные главы все-таки, думаем, прочтутся не без интереса.

При вышеупомянутых достоинствах в книжке, к сожалению, есть (правда, в не-большом числе) и досадные неправильности. Так, напр., на стр. 50-й и 107-й фосфорный ангидрид назван окисью фосфора; на стр. 113-й бурый окисл азота назван окисью азота; на стр. 164-й автор утверждает, что при сухой перегонке древесины спичек подучается «чистый» уголь и т. д.

Конечно, для читателя этой начальной популярной книжки подобные неточности особенного вреда не принесут, но лучше бы было и их не допускать.

В заключение мы охотно рекомендуем эту книжку всем начинающим изучать химию, а равно тем лицам, которые будут руководить начальными занятиями по химии.

В тексте имеется 57 рисунков, по которым описанные опыты легко будет воспроизвести. Издана книжка довольно чисто. Жаль, что цена ее (75 коп.) несколько высока.

Профессор А. Реформатский.

П. С. Коган. Литература этих лет. 1917—1923. Изд-во «Основа». Иванова-Вознесенск. 1924. Стр. 148. Тираж 3.000. Цена не указана.

Очень интересная, по очень неровно написанная книга. Нет выдержанного тона. То серьезная критическая статья, в которой чувствуется строгий марксистский анализ, то — легковесный фелетон, то — ряд небрежно брошенных блестящих афоризмов.

Вниманию издательств и авторов.

В виду значительного расширения отдела „Критика и библиография“ редакция просит издательства и авторов присылать книги и журналы для отзыва. Посылать на следующий адрес: Москва, Новая площадь, Б. Черкасский пер. 7, для редакции журнала „Молодая Гвардия“.

О Т Р Е Д А К Ц И И.

В 9-м номере журнала в подписях к рисункам в статье Б. Т. Горощенко вкрались опечатки:

Страница.	Напечатано:	Следует читать:
203	Остов планера, строящегося под руководством Пиллерной секции В. Н. О. Ак. Вод. Фл.	Остов двухместного планера Гольдцинского кружка.
205	Постройка планера Богородский кружок.	Постройка планера конструкции т. Артамонова кружком высших технических курсов Н. К. П. С.

С заказами обращаться в торговый сектор издательства

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

МОСКВА, Старая площадь, 10/4, телефон 1-81-71.